
НОО “ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА”

**Н.Ю. ГРИГОРЬЕВ,
Э.Б. РОДЮКОВ**

СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТНОСТИ

---

www.scipro.ru

СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТНОСТИ

Н.Ю. Григорьев, Э.Б. Родюков

Учебник

Нижний Новгород
2024

УДК: 316.48
ББК 60.524
DOI 10.54092/9785907607767

Главный редактор: Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент, руководитель НОО «Профессиональная наука»

Технический редактор: Канаева Ю.О.

Рецензенты:

Иванова Дарья Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Осипов Дмитрий Андреевич, кандидат социологических наук, доцент, полковник запаса, Заместитель директора научно-учебного музея землеведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Авторы:

Григорьев Николай Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, Московский политехнический университет

Родюков Эдуард Борисович, Заслуженный работник культуры РФ, кандидат социологических наук, Руководитель секции «Культура и искусство» Военно-научного общества при ЦДРА МО РФ

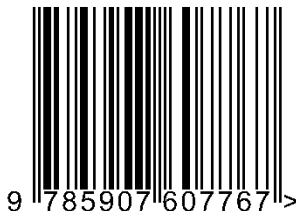
Социология конфликтности [Электронный ресурс]: учебник – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 113 с.). - Н.Ю. Григорьев, Э.Б. Родюков. 2024. – Режим доступа: http://scipro.ru/conf/sociology_conflict7_24.pdf. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10'.

ISBN 978-5-907607-76-7

Вопросы, рассматриваемые в данном учебнике, предназначены для того, чтобы при освоении дисциплин по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью»: бакалавриат 42.03.01 и магистратура 42.04.01, а также 39.03.01 – Социология (бакалавриат), 39.04.01 – Социология (магистратура) и 42.03.02 – Журналистика (бакалавриат), 42.04.02 – Журналистика (магистратура) обучающиеся овладели знаниями по существу проблем социологии конфликтности. Это важно для того, чтобы эффективно выполнять профессиональную деятельность в условиях социальной напряженности.

Учебник обсужден и рекомендован к печати кафедрой рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, Московский политехнический университет, протокол кафедрального совещания № 11 от 28 июня 2024 года.

ISBN 978-5-907607-76-7

© Н.Ю. Григорьев, Э.Б. Родюков. 2024
© Оформление: издательство НОО Профессиональная наука, 2024

Содержание

Введение.....	5
Раздел 1. Социология конфликтности: структурно-динамическая характеристика процесса, ее объект, предмет и основные понятия.....	6
<i>Тема 1. Социальный конфликт и его основные социологические концепции .....</i>	<i>6</i>
<i>Тема 2. Западные теории социальной конфликтности.....</i>	<i>18</i>
<i>Тема 3. Социальная конфликтность в контексте российской истории: краткий эскиз.....</i>	<i>40</i>
Раздел 2. Динамика социальной конфликтности: ее мотивация и движущие силы.....	44
<i>Тема 4. Динамические силы и закономерности социального конфликта.....</i>	<i>44</i>
<i>Тема 5. Интересы, движущие силы и мотивация конфликтов в специальной социологической теории.....</i>	<i>53</i>
<i>Тема 6. Макро- и микроконфликты в системе социальных отношений.....</i>	<i>66</i>
Глава 3. Кризис системы ценностей и социология конфликтности.....	75
<i>Тема 7. Духовно-нравственные ценности и профилактика напряженности в системе социальных отношений.....</i>	<i>75</i>
<i>Тема 8. Работа как социальная ценность и причина конфликтности.....</i>	<i>84</i>
<i>Тема 9. Конфликтность в контексте социального управления.....</i>	<i>89</i>
Заключение	109
Литература	110

Введение

Необходимость в учебнике по социологии конфликтности обусловлена рядом обстоятельств, среди которых формированию конфликтологической компетентности специалистов по связям с общественностью целесообразно уделять большое внимание. Общество стремительно развивается, в нем возникают закономерным образом процессы и явления, в структуре которых имеют место недопонимания и противоречия. Конфликт всегда имеет социально-психологическую структуру, прочность которой зависит от продолжительности самих противоречий как фактора времени. Работа с конфликтом в социальном отношении представляется своеобразной социотерапевтической практикой, когда от компетентности специалистов по связям с общественностью зависит конечный исход.

Кроме того, контент учебника опирается на смежные вопросы, которые традиционно осваиваются студентами бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки 42.03.01 и 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью». Это такие дисциплины, как основы теории коммуникаций, теория массовых коммуникаций, связи с общественностью, психология массовых коммуникаций, теория и практика деловых коммуникаций в рекламе и связях с общественностью и некоторые другие.

Объектом социологии конфликтности является общественное мнение, которое в учебном отношении представляет собой предмет междисциплинарного знания. В междисциплинарном аспекте подготовке бакалавров и магистрантов по указанным направлениям важное место принадлежит прикладной социологии, связям с общественностью, политологии и другим социальным наукам, тесно связанным с социологией конфликтности. Специалисты по связям с общественностью найдут в учебнике сведения, которые будут им полезны не только в теоретическом, но и в практическом отношении.

Если кратко, то актуальность социологии конфликтности как учебной дисциплины обусловлена манифестацией новых и непривычных, если можно так выразиться, форм социального конфликта. Так, возникли новые конфликты, связанные с борьбой за власть, влияние, собственность, престиж и иные способы самоутверждения в политическом и социальном пространстве. Эта группа конфликтов имеет двойственный характер.

С одной стороны, они представляют собою естественное следствие демократизации и выражаются в возникшем плюрализме политических позиций, многопартийности, возникновении новых государственных и политических институтов. С другой стороны, этот же процесс таит в себе скрытые риски подрыва властных структур, законности и правопорядка, неуправляемости процесса становления частнособственнических интересов. Все это очень важно знать и понимать.

Это только часть теории вопроса по социологии конфликтности, которая в качестве учебного пособия предназначена для формирования конфликтологической подготовки бакалавров и магистрантов. Данный учебник может быть рекомендован в качестве дополнительной литературы. Вопросы, рассматриваемые в нем, предназначены для того, чтобы при освоении дисциплин по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью»: бакалавриат 42.03.01 и магистратура 42.04.01, а также 39.03.01 – Социология (бакалавриат), 39.04.01 – Социология (магистратура) и 42.03.02 – Журналистика (бакалавриат), 42.04.02 – Журналистика (магистратура) обучающиеся овладели знаниями по существу проблем социологии конфликтности. Это важно для того, чтобы эффективно выполнять профессиональную деятельность в условиях социальной напряженности.

Раздел 1. Социология конфликтности: структурно-динамическая характеристика процесса, ее объект, предмет и основные понятия

Тема 1. Социальный конфликт и его основные социологические концепции

Когда речь идет о конфликтах, то чаще всего имеют в виду разногласия между отдельными людьми или группами лиц. Межличностный уровень конфликта наиболее часто становится объектом рассмотрения таких противоречий. В более широком понимании конфликт рассматривается как социально-психологическое явление. Еще в более широком – как социальное явление. Все подходы к изучению конфликта ограничиваются его конкретно-предметным рассмотрением, с чем можно только согласиться, поскольку такие подходы практичны.

В литературе нет сведений о социологии конфликтности как понятии, свидетельствующем о ее распространенности в обществе. От чего зависит распространенность конфликтности в обществе и какова ее структурно-динамическая характеристика? Ответ на этот вопрос представляет собой **объект социологии конфликтности**.

Предметов социологии конфликтности много. Это и конкретный социальный конфликт, и межгрупповые или межэтнические разногласия, и межличностная напряженность в структуре, например, организационных коммуникаций, и др.

Во избежание путаницы в понятиях, следует изначально договориться об их содержании. Для этого важно понимать смысл объекта и предметов социологии конфликтности.

Но освоить социологию конфликтности, рассматривая ее изолированным и обособленным образом невозможно, поскольку такое изучение будет фрагментарным и непоследовательным. Для этого необходимо руководствоваться научными принципами, которые позволят видеть социологию конфликтности с позиций историзма, когда от простого к сложному, от низшего к высшему формируется целостное представление о структурно-динамических характеристиках такого сложного процесса, как социология конфликтности.

Исходным пунктом структурно-функциональной теории является принцип системного строения общества. Т. Парсонс рассматривает общество как целостную систему, состоящую из множества функционально взаимосвязанных элементов. По его мнению, социальная система представляет собой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий, обусловленных потребностями личности. Задача социальной науки – определить совокупность необходимых условий для нормального функционирования социальных систем.

С точки зрения Парсонса, общественное равновесие достигается интерпретацией мотивов действий, гармонизацией ролей через общенормативные культурные стандарты сохраняющие единство социальной системы и функцию социальной структуры. Интеграция – необходимое условие достижения общественного согласия. Интеграция в обществе базируется на системе норм и ценностных ориентации, определяющих мотивацию социальной деятельности людей. Чтобы нормально функционировать, социальная система должна обладать поддержкой других систем и иметь хотя бы минимальный контроль за потенциально отклоняющимся поведением своих элементов.

Главным понятием, отражающим совокупность рисков социального конфликта, является социальная напряженность. **Социальная напряженность** – особое состояние общественной жизни, при котором возникают и быстро развиваются социально значимые противоречия (объективного и субъективного характера) в отношениях, интересах, действиях индивидов, социальных групп, социальных институтов и общества в целом. Она присуща всем социальным системам, имеет свое прошлое, настоящее и будущее.

Социальная напряженность не только является сигналом о кризисном состоянии социальной системы общества, о нарушении нормального функционирования ее структур и

элементов, но и отражает определенное психологическое состояние индивидов и социальных групп, от которых в существенной мере зависит их поведение. Данный феномен характеризуется усилением противоположных тенденций, потребностей и целей социальных общностей и индивидов, сопровождается ростом недовольства, негативными настроениями, разрывом прежних социальных связей.

Социальная напряженность является предшественником конфликтности, когда кризисные явления в обществе еще не наступили и не оформились все противоборствующие стороны. Социальная напряженность может проявляться как общее недовольство населения сложившейся ситуацией, в форме негативных настроений, разнообразных акций протеста, конфликтных намерений и т.п. В подавляющем большинстве существующих работ по проблематике социальной напряженности, она рассматривается авторами только как достаточно деструктивный социальный феномен, вносящий негативные структурно-функциональные изменения в жизнедеятельность общества.

В научной литературе также нет устоявшегося определения социальной напряженности. Практически все определения понятия «социальная напряженность» характеризуют ее как состояние общественной жизни, при котором в обществе обостряются внутренние социальные противоречия. Чаще всего это происходит в периоды экономических и политических кризисов.

Специальная социологическая дисциплина — социология конфликтов - изучает общественные структуры, властные отношения и идеологии, которые способствуют возникновению, развитию и воспроизведению конфликтов. Исследуя социальные аспекты конфликта, социология конфликта стремится пролить свет на его истоки, динамику и потенциальные решения.

Социология конфликта исследует природу социальных конфликтов, социальные механизмы и условия их возникновения, их роль в функционировании социальной системы, их следствия, возможности их преодоления и прогнозирования. Социология конфликта занимается структурой конфликта, вопросами типологии и классификации конфликтов.

Конфликты в социологии рассматриваются в контексте общественных отношений, что позволяет видеть реальную роль конфликтов в функционировании всего общественного организма и даёт возможность преодолевать одностороннее, узкое толкование конфликта как формы социальной патологии.

Конфликт охватывает все взаимоотношения с окружающей действительностью, это естественный элемент общественной жизни, закономерный момент развития общества. Понимание этого позволяет прогнозировать последствия его воздействия на общественную жизнь, а значит, создаёт необходимые предпосылки для принятия адекватных управленческих решений в сложных ситуациях.

Конфликт (*conflictus* - *столкнувшийся*) – это столкновение противоположных интересов, мнений, взглядов; серьёзное разногласие, острый спор, чреватый осложнениями для любой из противоборствующих сторон.

Под **социальным конфликтом** понимают любой вид борьбы между большими социальными группами людей, если они преследуют какие-либо общественно важные цели.

Конфликт – это реальная борьба между действующими людьми или группами независимо от того, каковы истоки, способы и средства, необходимые каждой из сторон. Конфликт – это столкновение интересов различных групп, сообществ людей, отдельных индивидов. Это столкновение интересов должно быть осознано обеими сторонами конфликта.

Конфликтность - это свойство личности, которое отражает частоту ее вступления в межличностные конфликты. Л.И. Уманский, советский психолог, специалист в области социальной и педагогической психологии, определял, что мерой конфликтности является микроклимат, который характеризуется эмоциональной удовлетворенностью членов группы, групповой психологической атмосферой, общим тоном и стилем групповых отношений, социальных ценностей, взаимодействием.

Конфликтность в обществе – особое состояние социальной системы, при котором взаимодействие между различными социальными субъектами, характеризуются явными или скрытыми формами противостояния, конфронтации и противодействия, вызванных наличием противоречий в интересах этих субъектов.

Конфликт – это наиболее острый способ разрешения противоречий в интересах, целях, взглядах, происходящих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии участников этого взаимодействия и обычно сопровождающийся негативными эмоциями, выходящий за рамки общечеловеческих ценностей, правил и норм.

Применительно к общественной природе, что конфликт нередко рассматривается как столкновение, преимущественно и конкретно в политической сфере.

Конфликт – это ситуация, в которой каждая из сторон занимает позицию, несовместимую и противоположную по отношению к интересам другой стороны. Это особое взаимодействие индивидов, групп, объединений, которое возникает при их несовместимых взглядах, позициях и интересах.

Человек или социальная группа, способные самостоятельно влиять на ход конфликта в соответствии со своими интересами, в социологии называются субъектами социального конфликта. Р. Дарендорф к субъектам конфликта относил три вида социальных групп:

- первичные – непосредственные участники конфликта;
- вторичные – непосредственно не участвующие в конфликте, но вносящие вклад в его разжигание;
- третьи группы – силы, заинтересованные в разрешении конфликта.

Наиболее общей причиной *социального конфликта* является неравное положение, которое люди занимают в системе общественных отношений, в которой одни управляют и командуют, а другие вынуждены подчиняться и исполнять указания. Причина социального конфликта – власть. Дарендорф указывал, что отношения управления и организации, регулирующие деятельность ассоциаций, являются коренной причиной социального неравенства людей, разделяющей их на тех, кто командует, управляет, и тех, кто повинуется, исполняет. В связи с этим он называет социологической бессмыслицей и утопией марксистский идеал коммунизма как бесклассового общества, не знающего антагонизма между людьми. Практически невозможно создать власть, идеальное правительство, которое удовлетворило бы сразу всех людей.

В качестве причин, вызывающих конфликты, называются несовпадение индивидуальных и общественных ценностей, разлад между ожиданиями, практическими намерениями и поступками людей, непонимание людьми своих действий по отношению друг к другу, всяческие недоразумения, логические ошибки и семантические трудности в процессе коммуникации, недостаток и некачественность информации. В этом плане социально-политические столкновения трактуются как столкновения «конфликтующих сознаний», а их главными причинами являются несовершенство человеческой психики, несоответствие между реальной действительностью и представлениями о ней. Источник конфликтов в «чувствах и эмоциях», которые искажают взаимоотношения сторон, а не в природе этих взаимоотношений (Л. Козер). Причинами конфликтов также могут быть ненависть, расовая и религиозная рознь, зависть.

Конфликт вечен, потому что невозможно создание такой общественной системы, при которой бы потребности всех были бы полностью удовлетворены.

Любой социальный конфликт имеет довольно сложную структуру. Выделяют три стадии социального конфликта:

- предконфликтная ситуация;
- непосредственно начавшийся конфликт;
- разрешение конфликта.

Ни один социальный конфликт не возникает мгновенно. Конфликту всегда предшествует *предконфликтная ситуация*. В течение некоторого времени накапливается эмоциональное

напряжение, злость. Противоборствующие стороны осознают причину и цель конфликта, оценивают свои возможности, ищут сторонников, вырабатывают стратегию действий. Предконфликтная ситуация нередко затягивается настолько, что забывается первопричина столкновения. Характерной особенностью каждого конфликта в момент его зарождения является наличие объекта, обладать которым хотели бы все субъекты, втягиваемые в конфликт. Этот объект должен быть принципиально неделим или казаться таковым в глазах соперников. Бывает, что этот объект может быть разделен и без конфликта, но в момент его зарождения путей к этому соперники не видят, и их агрессия направляется друг на друга.

Предконфликтная ситуация представляет научный и практический интерес как для учёных, так и для управленцев, так как при правильном выборе стратегии, способов действий можно предотвратить возникающие конфликты.

Непосредственно конфликт. Эта стадия характеризуется наличием социальных действий, которые направлены на изменение поведения соперников. Эта активная часть конфликта. Действия в конфликте могут быть различными. Их можно разделить на две группы, каждая из которых имеет в своей основе специфическое поведение людей.

1) *Действия соперников в конфликте носят открытый характер.* Это могут быть словесные прения, экономические санкции, физическое воздействие, политическая борьба и т.д. Этот конфликт весь на виду, в него могут быть втянуты сочувствующие и просто наблюдатели. Таким образом, активные открытые действия расширяют сферу конфликта, они ясны и предсказуемы.

2) *Действия соперников в конфликте скрытые.* Часто можно наблюдать, что в ходе конфликта противники пытаются замаскировать свои действия, обмануть соперника. Эта скрытая борьба преследует цель навязать сопернику невыгодный ему образ действий и выявить его стратегию.

Разрешение конфликта. Это стадия, когда между конфликтующими сторонами прекращается конфликтное взаимодействие. Социальный конфликт полностью разрешается при изменении конфликтной ситуации. Это изменение может принимать различные формы. Наиболее эффективным изменением конфликтной ситуации считается устранение причины конфликта. Действительно, при рациональном конфликте устранение причины всегда приводит к его разрешению.

Но если присутствует высокая эмоциональная напряжённость, устранение причины конфликта может не повлиять на действия его участников. Поэтому для эмоционального конфликта наиболее важным моментом изменения конфликтной ситуации следует считать изменение установок соперников относительно друг друга. Полное разрешение конфликта наступает, когда борьба сменяется сотрудничеством.

Для полного разрешения конфликта необходимы следующие **условия:**

- выявление причин конфликта;
- конфликтующие стороны должны быть заинтересованы в разрешении конфликта;
- совместный поиск путей преодоления конфликта.

Длительность социальных конфликтов может быть различной. Конфликт может быть кратковременным (стычка между начальником и подчинённым), а может длиться на протяжении жизни нескольких поколений (противостояние различных религиозных групп). Продолжительность конфликта имеет большое значение как для противоборствующих групп, так и для социальных систем. В длительных конфликтах увеличивается расходование эмоциональной энергии, повышается вероятность возникновения нового конфликта из-за накопленных обид, не отомщённых действий, расходуются огромные ресурсы.

Разрешению конфликта способствуют следующие **меры:**

- сделать конфликт достоянием гласности;
- снизить степень социально-психологического напряжения.

Конфликт в обществе может выполнять и **позитивные и негативные функции**. К **позитивным** функциям конфликта можно отнести:

- функции разрядки напряжённости между антагонистами. Социально контролируемый конфликт способствует освобождению общественной жизни от напряжённости. Конфликт в данном случае играет роль «отводного канала» для накопившихся страстей;
- коммуникативно-информационная и связующая функция. В ходе противостояния люди лучше узнают друг друга, могут сблизиться в рамках какой-либо общности;
- функция стимулятора и движущей силы социальных изменений.

Как и любое другое социальное явление, конфликт имеет и **негативные последствия**. Может угрожать интересам общества, неблагоприятно влиять на необходимое изменение отношений власти, вызвать раскол в малоустойчивых группах и т.д. *Социальный конфликт – это норма социальных отношений*. Задача управления конфликтом заключается в том, чтобы максимально использовать стимулирующую функцию конфликта, при этом снизить его негативные последствия, не допустить его разрастания до прямого столкновения.

Классификация социальных конфликтов

Социальные конфликты классифицируются по вертикальным и горизонтальным уровням.

Основанием классификации по вертикальным уровням служат субъекты конфликта. По этому основанию *выделяют следующие конфликты*:

- конфликты между отдельными личностями (ролевой конфликт);
- конфликт между личностью и обществом;
- конфликт между социальными группами;
- межнациональные и межгосударственные конфликты.

В основе **конфликта между отдельными личностями** лежат противоречия между отдельными людьми. Источники и средства разрешения такого конфликта связаны с межличностными отношениями. Наиболее типичными **причинами**, приводящими к возникновению конфликтных ситуаций в межличностном общении, являются следующие:

- принижение личности партнёра, негативная оценка его поступков, действий;
- подчёркивание разницы между собой и партнёром, причём разницы, ориентированной на завышение своих достоинств и принижение таковых у партнёра;
- преуменьшение вклада партнёра в общее дело;
- попытка обсуждать вопрос рационально, игнорируя состояние партнёра, если он переживает сильные негативные эмоции;
- полное непонимание или нежелание понять партнёра, отсутствие с ним эмоционального контакта.

Конфликты между личностью и обществом. Они затрагивают производство, распределение товаров и услуг, контроль за поведением людей. Он может выражаться в отношении людей к своей деятельности, к труду и приводить к отчуждению от них. Конфликты этого класса связаны с социальным, экономическим и политическим аспектами жизни общества, с эмоциональными отношениями людей, построенными на выполнении ролевых предписаний.

Конфликты между социальными общностями, группами и слоями. Конфликтная ситуация заключается в противостоянии групп, преследующих различные цели. Источником противоречий здесь служат общественные потребности, и возникновение конфликтов прямо связано с возможностью удовлетворения этих потребностей.

Конфликты на межнациональном уровне и межгосударственном уровне. **Этнонациональные конфликты**. В мире насчитывается свыше двух тысяч этносов. Каждый этнос, большой или малый, стремится сохранить себя, свои исторические традиции и опыт, свою самобытную культуру. Чаще всего эти процессы связаны с созданием независимого национального государства на территории своего проживания. В последнее десятилетие такой процесс наблюдался почти во всех регионах мира. Эти процессы сопровождаются

межэтническими конфликтами во многих странах мира (Канада, Великобритания, Индия, Ирак и др.).

Основанием классификации конфликтов по горизонтальным уровням являются цели конфликтующих сторон. По этому основанию можно выделить **три типа конфликтов:**

- конфликт в сфере труда и распределения;
- конфликты в сфере власти и в политической структуре общества;
- конфликты в сфере культуры.

Трудовые конфликты – это реакция масс на перекосы в экономической и социальной политике правительства. Они, как правило, связаны с перераспределением собственности, становлением рыночных отношений, отсутствием чёткой законодательной базы разрешения трудовых конфликтов и т.п.

Конфликты в сфере власти возникают по поводу перераспределения власти. Основные конфликты в этой сфере: между основными ветвями власти, внутрипарламентские конфликты, межпартийные конфликты, конфликты между звеньями управленческого аппарата.

Существуют и иные варианты классификации по различным основаниям.

Аристотель и Гоббс: две основные концепции социального конфликта человеческой природы

Вопрос о том, какова природа конфликта, кажется на первый взгляд очень ясным и простым. Но, как это часто случается, он содержит в себе несколько иных вопросов, которые мы и рассмотрим в данной главе. Это, *во-первых*, вопрос о причинах конфликтов, *во-вторых*, о их роли в жизни общества и в жизни отдельного человека и, *в-третьих*, о возможностях регулирования конфликтов.

Во многом ответы на эти вопросы зависят от более общих мировоззренческих установок, которые принимаются в качестве исходной базы в рамках соответствующих социологических теорий. Прежде всего понимание конфликта связано с пониманием природы самого человека. Человек? Что это такое? И в чем состоит его собственная природа?

С древних времен до наших дней сталкиваются между собою по меньшей мере две точки зрения при ответе на этот вопрос.

Первая точка зрения восходит к Аристотелю (384-322 до н.э.), к его знаменитому трактату «Политика», в котором этот основоположник европейской науки систематизировал сложившиеся к его времени взгляды на общественное устройство и дал свой ответ на вопрос о лучших и худших видах организации совместной жизни людей.

Аристотель утверждал: «государство — продукт естественного возникновения... Государство принадлежит тому, что существует по природе, человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто... живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по природе своей только и жаждет войны».

«Очевидно, — утверждает Аристотель, — государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому».

Как видно из приведенных высказываний, Аристотель в решении главного вопроса социологии о соотношении общества и индивида недвусмысленно отдает приоритет обществу. Общество, государство для него есть первичное начало, это целостность, а отдельный человек — часть более широкого целого. Государство, право, справедливость, — по Аристотелю, — разные стороны государственного общения, стремление к которому заложено во всех людях от природы. Деление же людей на тех, кто властвует, и тех, кто подчиняется, Аристотель относит к естественным законам природы.

Аналогичным образом решает обозначенную проблему и Платон (427-347 до н.э.), которого иногда называют первым социалистическим мыслителем.

К решению вопроса о соотношении общества и личности в пользу человека как отдельного самоценного существа общественная мысль приходит гораздо позже. Это связано с зарождением и становлением либеральных экономических и социальных теорий. Одним из первых социальных мыслителей, вставших на позиции общественного договора, был английский социальный мыслитель Томас Гоббс (1588-1679), опубликовавший в 1651 году знаменитый трактат «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

Если Аристотель считал, что государство существует от природы и что человек по природе своей — существо общественное, политическое, то Гоббс полагает, что естественное состояние общества — это «война всех против всех». Он считает, что «природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей». Но это равенство людей от природы само по себе не есть благо. Наоборот, «из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их целей... они стараются погубить или покорить друг друга».

Таким образом, из равенства надежд на достижение целей возникает взаимное недоверие, которое является непосредственной причиной обозначенного естественного состояния, то есть войны всех против всех. При этом Гоббс выделяет три основные причины конфликта: *во-первых*, соперничество; *во-вторых*, недоверие; *в-третьих*, жажда славы.

Естественное состояние общества имеет, по Гоббсу, внутри самого себя тенденцию самоуничтожения. Чтобы эта тенденция не реализовалась полностью, люди приходят к выводу о необходимости заключить между собою договор, результатом которого и является государство. Государство, по Гоббсу, есть общая власть, способная защитить людей как от несправедливостей, причиняемых ими друг другу, так и от вторжения чужеземцев. Эта власть сосредоточивается либо в руках одного человека, либо передается некоему собранию людей, которое признается в качестве представителей данного сообщества. Государство, следовательно, существует не от природы, а в силу общественного договора, смысл которого заключается в обеспечении интересов самосохранения и в возможности насильственного преодоления конфликтов.

Один из основных выводов Гоббса заключается в определении того, что представляет собою свобода подданных — граждан существующего государства. С его точки зрения, свобода подданного вполне совмещается с неограниченной властью суверена, который обязан соблюдать естественные законы. При этом поскольку государство не может сформулировать правила на все случаи жизни, постольку подданные обладают свободой поступать в соответствии со своим разумом в тех случаях, когда их поступки не оговорены специальными законодательными актами. «Свобода подданных, — пишет Гоббс, — заключается в тех вещах, которые суверен при регулировании их действия обошел молчанием, как, например, свобода покупать и продавать и иным образом заключать договора друг с другом, выбирать свое место пребывания, пищу, образ жизни, наставлять детей по своему усмотрению и т.д.».

Резюмируя сопоставление двух традиций в понимании вопроса о соотношении человека и общества, еще раз подчеркнем, что аристотелевская позиция подчеркивает в человеке общественное начало, его способность к сотрудничеству с другими людьми, которая заложена как бы в самой природе человека. Будучи естественным человеческим свойством, она не нуждается в дальнейшем объяснении. Наоборот, конкретные формы общественной жизни объясняются с помощью этого стремления людей к совместной жизни и сотрудничеству.

Противоположная позиция, представленная Гоббсом, исходит из того, что человек есть некая самость, индивид, для которого другие люди представляют собою среду его обитания, врагов или партнеров, который сам формулирует свои цели и задачи и стремится к тому, чтобы

использовать свои связи и отношения с другими людьми в качестве средств для достижения своих целей.

В зависимости от принимаемой позиции наблюдается и разный подход к пониманию конфликтов. Из того факта, что люди способны к сотрудничеству, вовсе не следует, что они не способны к вражде, ненависти, насилию. Исторический опыт свидетельствует об обратном. Важнейшие источники конфликтов или распрей, устанавливаемые в «Политике» Аристотеля, состоят в имущественном неравенстве людей и в неравенстве получаемых ими почестей. Дело даже не в самом факте неравенства, а в том, что нарушается мера и справедливость в распределении имущества и почестей. С одной стороны, это способствует возрастанию своекорыстия и тщеславия, что в конце концов приводит к перерождению государственного строя; с другой стороны, чрезмерное стремление к богатству и почестям знатных мужей приводит к тому, что возникает недовольство со стороны простых людей, граждан государства, что становится причиной государственных переворотов. Названные две причины распрей, конфликтов, мятежей и государственных переворотов дополняются, по Аристотелю, целым рядом побуждений. «Причиной распрей, — пишет он, — бывают также наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение; с другой стороны — происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров».

Преобладание несправедливого начала над справедливым, стремление государственных деятелей заботиться прежде всего о своем благе, а затем уже о нуждах государства и подданных — в этом главная причина политических конфликтов, по Аристотелю. Отсюда проистекает возникновение тирании и других неправильных форм государства. Основанием же правильных форм государственного устройства, по Аристотелю, является соблюдение меры в распределении благ и почестей, особенно в распределении должностных позиций в государстве. Ибо именно в этом — в порядке замещения должностей — и заключается суть государственного устройства. Таковы основные мысли Аристотеля относительно роли и значения конфликтов, или в его терминологии распрей, в политической жизни общества.

Что касается понимания общества как «войны всех против всех», то конфликты здесь обусловлены не тем или иным общественным устройством или характером распределения благ и почестей в государстве, но самой природой человека и главным образом естественным равенством людей. Раз они равны в своих способностях, значит, они равны и в своих притязаниях. А поскольку предметы их притязаний не могут принадлежать всем сразу одновременно, постольку в отношениях между людьми заложен конфликт. Это не означает, что люди не способны к сотрудничеству. Но это сотрудничество они осуществляют не в силу своих природных влечений, а в силу принуждения, страха перед наказанием за нарушение общественного договора, согласно которому власть в обществе передается государству.

Гоббс, так же, как и Аристотель, тщательно анализирует вопрос о причинах неустойчивости государства. Одна из причин «немощей» государства состоит в том, что человек, добившийся высшего государственного поста, «довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства».

Вторая причина — «яд мятежных учений». Одна из наиболее опасных и распространенных точек зрения заключается в том, что «каждый отдельный человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши и какие дурны... Из-за этого ложного учения люди становятся склонными спорить друг с другом и обсуждать повеления государства, а затем повиноваться или не повиноваться им в зависимости от собственного усмотрения, что вносит смуту и ослабляет государство». В особый ряд причин немощей государства Гоббс выделяет «подражание соседним народам».

Сопоставляя между собою аристотелевскую и гоббсовскую традиции, обратим внимание на то, как в рамках этих традиций рассматривается вопрос о соотношении свободы и равенства. Если государство существует от природы, то люди от природы не свободны от его установлений. Вместе с тем они не могут быть равны между собою. Более того, с точки зрения Аристотеля существует много видов неравенства между людьми в обществе и от этих

неравенств избавиться практически невозможно. Можно лишь с помощью государства, если оно справедливо, добиться меры в распределении различного рода благ, почестей, участия во власти и тем самым создать предпосылки для более гармоничной жизни. «Общепризнано, что в том государстве, которое желает иметь прекрасный строй, граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости».

Исходная точка построения общественного устройства, по Гоббсу, — равенство. Но равенство не является ни благом, ни идеалом, так как оно источник раздоров. Договор между людьми — это действительное благо и ценность, условие сохранения сообщества, и этот договор устанавливает власть государства. Участники договора передают государству свое право на свободу, они ограничивают себя законом, который обязываются соблюдать и добровольно, и в силу поощрения, и в силу страха перед наказанием. Ибо поощрение и наказание становятся важнейшими средствами соблюдения верховной власти государства, обеспечения его суверенитета.

Личная свобода состоит, следовательно, в законопослушании и в инициативе в тех случаях, которые в силу многообразия жизненных обстоятельств не могут быть оговорены в законе. А поскольку степень законопослушания и инициативы — в особенности в делах обмена и обогащения — неодинакова, постольку вполне естественно, что в общественном своем положении, в имуществе, знатности, богатстве, доступе к властным функциям и во многих других отношениях люди неравны. А это значит, что есть между людьми исходный конфликт, вытекающий из естественного права и ограниченности ресурсов, и есть конфликт вторичный, проистекающий из их общественного неравенства.

Но и в том, и в другом случае государство является главным арбитром. судьей, инстанцией, определяющей, кто прав, а кто виноват в конфликте. Гоббс — в отличие от действительных либералов более позднего времени — вовсе не полагается на возможность автоматического установления согласия интересов и отстранения государства от решения конфликтов. Единственным сувереном в обществе может быть только государство. Сам индивид, личность, отдельный человек не может обладать суверенитетом. Его права ограничены общей волей государства. Он свободен в своих действиях лишь постольку, поскольку его действия не наносят ущерб другим гражданам этого же государства.

Охарактеризованные здесь точки зрения в решении проблемы взаимоотношения человека и общества пронизывают в самых различных формах всю историю общественной мысли. Спор о первичности и о приоритетности социального или индивидуального начала остается актуальным и в наши дни. Европейская традиция либерализма подчеркивает значение свободного рационального выбора личности в решении тех жизненных вопросов, с которыми она сталкивается. Человек — это, прежде всего, некоторая самость, обладающая свободой воли и ответственности, он сам строит свою судьбу. Он сам отвечает перед собой и своими близкими за свои неудачи и достижения.

Каковы бы ни были внешние условия, человек находит в самом себе внутренние ресурсы им противостоять, добиваться тех целей, которые он ставит перед собою. Либерализм представляет собою основание активистского отношения к жизни, на этой основе формируется тип личности, известный как *self-made personality*, то есть как человек, который делает сам себя. Позиция либерального мировоззрения в наибольшей мере адекватна реалиям рыночных отношений и тем формам демократии, которые сопряжены с высоко развитым чувством собственного достоинства, личной независимости и свободной ответственности.

Противоположная точка зрения в большей мере ориентируется на внешние обстоятельства и условия. Согласно этой точке зрения, для того чтобы люди жили богаче, лучше, интереснее, необходимо преобразовать общественный строй, добиться того, чтобы общественные отношения сделались «справедливыми», чтобы о каждом человеке проявлял заботу коллектив или государство. Утверждение этой точки зрения на практике приводит к подавлению личной свободы и ответственности, к тому, что каждый человек в решении своих жизненных проблем уповает прежде всего на помощь со стороны, на обязанности государства.

На этой основе складывается иждивенческая психологическая установка, долгое время принимавшаяся в качестве наиболее справедливой.

Сравнивая эти две теоретические и нравственные позиции между собою, нельзя не признать вместе с тем, что ни в истории человеческих сообществ, ни в личной жизни мы не наблюдаем абсолютного господства той или другой точки зрения. Любые формы индивидуализма на практике дополняются определенными формами сотрудничества, и наоборот, коллективизм, как бы он не пропагандировался и не утверждался, дополняется на практике тем, что для решения тех или иных вопросов выдвигаются личности, обладающие силой воли, способностью подчинить себе или по крайней мере привлечь к своему делу других людей. Это значит, что та и другая позиции представляют собой определенные крайности.

Эмпирический факт, фиксируемый современной общественной наукой, состоит в том, что всякое общество возникло и развивалось как некое сообщество людей, индивидов, связанных между собою природными или иными узами. Человек не может жить в одиночку. Легенда о Робинзоне Крузо иллюстрировала способность к приспособлению отдельного человека, возможности его выживания в исключительно трудных условиях на необитаемом острове, без всякой помощи со стороны своих соплеменников, сограждан, соотечественников. Но эта легенда не отражает естественноисторического пути становления человеческого сообщества и развития индивидуальности в рамках данного сообщества.

С самого начала обстоятельства жизни человека складываются таким образом, что он как бы обречен на сотрудничество с другими людьми. Более того, человек как личность развивается через это сотрудничество благодаря тому, что он усваивает навыки совместной деятельности в своем сообществе. Практически из древних, первобытных сообществ каменного века выживали лишь те группы людей, становившиеся племенами или кланами, где вырабатывались приемы совместной самозащиты, осваивались формы разделения труда и, следовательно, взаимопомощи.

Индивид не может выжить без общества, период физиологической, природной зависимости человеческого детеныша от матери во много раз превосходит продолжительность такой зависимости у любых иных представителей животного мира. Но все же, будучи взрослым и встав на ноги, человек становится самостоятельным существом в гораздо большей мере, нежели любой представитель стаи или стада животных. Он обладает разумом, самосознанием, его поведение в гораздо большей степени свободно, то есть регулируется им самим на основе определенных правил общественного поведения, которые усваиваются в процессе социализации.

Будучи взрослым и самостоятельным, человек вскоре узнает, что его интересы отличаются от интересов других людей. В чем-то он всегда остается зависимым от общества. Но во многих важных вопросах он противостоит другим людям. Более того, можно сказать, что его интересы не совпадают с интересами других людей. Они оказываются весьма изменчивыми и подвижными. То, что недавно объединяло, например, группу сверстников, перестает действовать в качестве объединительной силы и общего интереса. Между ними возникают отношения соперничества, конкуренции, несовместимости позиций. Иными словами, возникает конфликт, который должен быть понят как вполне нормальное социальное отношение.

Основные социологические концепции социального конфликта

В силу определённых причин в российской социологии до недавнего времени изучение конфликтов мало занимало учёных и органы власти. Теория конфликта развивается на Западе.

Родоначальником специальной теории конфликтов, посвятившим конфликтам свои основные труды, был Георг Зиммель. Конфликт, по его мнению, - универсальное явление; без него общество немислимо. У Зиммеля социальный конфликт ассоциируется с механизмом саморазвития. Отсюда делается вывод, что конфликт – это необходимая предпосылка развития общества, поэтому он функционален, то есть полезен. Функциональный анализ, несмотря на его

претензии на статус общесоциологической теории, придерживается, по существу, «равновесной», бесконфликтной модели общества, рассматривает социальные конфликты как неантагонистические противоречия. Согласно взглядам сторонников функционализма, общество представляет собой «систему», единство и жизнедеятельность которой обеспечиваются благодаря функциональному взаимодействию её составных элементов (государство, политические партии, промышленные объединения, профсоюзы, церковь, школа, семья и т.д.).

Решающим средством стабильности общества они считают наличие у всех его членов единых «социокультурных» ценностей (правовых установок, нравственных норм, религиозных заповедей), составляющих основу жизни общества. Конфликтологи упрекали функционалистов за одностороннее увлечение теми элементами и процессами в жизни общества, которые обеспечивают ему равновесие и устойчивость.

Поэтому в противоположность теориям структурного функционализма с 50-х годов стали появляться специальные работы, посвящённые социальным конфликтам как явлениям, присущим внутренней жизни общества. Наибольшую известность получили концепции: «позитивно-функционального конфликта» Л. Козера (США), «конфликтной модели общества» Р. Дарендорфа (Германия) и «общей теории конфликта» К. Боулдинга (США).

Концепция позитивно-функционального конфликта Льюиса Козера. Суть её в следующем. Обществу присуще фатально неизбежное социальное неравенство, вечная психологическая неудовлетворённость его членов и проистекающая отсюда напряжённость между индивидами и группами. Под социальным конфликтом он понимает «борьбу за ценности и претензии на определённый статус, власть и ресурсы, борьбу, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника». Это наиболее распространённое определение конфликта в западной социологии. Л. Козер тесно увязывает *форму и интенсивность* конфликта с особенностями конфликтующих сторон. Так как конфликт между группами способствует укреплению внутригрупповой солидарности (общая угроза сближает), и, следовательно, сохранению группы, то лидеры группы сознательно прибегают к поискам внешнего врага и разжигают мнимый конфликт. Известна и тактика, направленная на поиски внутреннего врага «предателя», особенно когда лидеры терпят неудачи и поражения. При этом, отмечает Козер, большие группы при высокой степени соучастия своих членов могут проявить значительную степень гибкости. Малые же группы, также недостаточно интегрированные, могут проявлять жестокость и нетерпимость по отношению к «уклонившимся» членам.

Конфликтная модель общества Р. Дарендорфа. Концепция «позитивно-функционального конфликта» господствовала недолго. Немецкий социолог Ральф Дарендорф в середине 60-х годов выступил с обоснованием новой теории социального конфликта, получившей название «конфликтной модели общества». Суть его концепции состоит в следующем.

Любое общество постоянно подвержено изменению; в каждый момент общество переживает социальный конфликт; любое общество опирается на принуждение одних его членов другими. Поэтому для общества характерно неравенство социальных позиций, занимаемых людьми по отношению к распределению власти, а отсюда проистекают различия их интересов и устремлений, что и вызывает взаимные прения, антагонизмы и, как результат этого, структурные изменения самого общества. Подавленный конфликт он сравнивает с опаснейшей злокачественной опухолью на теле общественного организма.

Р. Дарендорф считает, что сам ход общественного развития объективно порождает глубинные причины социальных конфликтов, но вместе с тем он допускает возможность общества влиять на них. Это открывает перед западным обществом иную историческую перспективу, чем предсказывал капитализму К. Маркс. По мнению Дарендорфа, марксистская теория классовой борьбы бессильна объяснить типичные для современного капитализма коллизии. В современных условиях возможны глубокие эволюционные изменения,

необходимость революционных переворотов отпадает. Другими словами, рабочий класс Запада может добиться осуществления своих целей на путях соглашений с предпринимателями и властью, без революционного преобразования общества, в рамках буржуазного строя.

Общества, утверждает Дарендорф, отличаются друг от друга не наличием или отсутствием конфликта, а только различным отношением к нему со стороны власти. В демократическом обществе конфликты неизбежно имеют место, однако демократические процедуры делают их невзрывоопасными. *«Тот, кто умеет справиться с конфликтами путём их признания и регулирования, тот берёт под свой контроль ритм истории»*, - пишет Дарендорф.

Общая теория конфликта К. Боулдинга. Среди концепций, претендующих на универсальное применение, важное место занимает «общая теория конфликта» американского социолога Боулдинга, изложенная в его книге «Конфликт и защита. Общая теория» (1963). Все конфликты, по его мнению, имеют общие элементы и общие образцы развития. Поэтому знание «общей теории конфликта» позволяет общественным силам контролировать любой специфический конфликт, управлять им, прогнозировать его последствия.

Вот основные положения этой концепции. Конфликт неотделим от общественной жизни. В самой природе человека лежит его стремление к постоянной вражде и борьбе с себе подобными, к эскалации насилия. Конфликт Боулдинг определяет, как ситуацию, в которой стороны осознают несовместимость своих позиций, и каждая из сторон стремится занять позицию, противоположную интересам другой.

В то же время конфликты являются таким видом социального взаимодействия, когда стороны осознают, как своё противостояние, так и своё отношение к нему. Они сознательно организуются, разрабатывая стратегию и тактику борьбы. Но всё это не исключает того, что конфликты можно и нужно преодолевать, или, по крайней мере, существенно ограничивать.

Он рассматривает два аспекта социального конфликта – статический и динамический.

В **статическом аспекте** анализируются стороны, участвующие в конфликте, и отношения между ними. Поскольку в качестве противоборствующих сторон могут выступать отдельные личности, организации, группы (этнические, религиозные, профессиональные, возрастные и т.д.), конфликты могут подразделяться на личностные, организационные и групповые.

В **динамическом аспекте** Боулдинг рассматривает интересы сторон как побудительные силы в конфликтном поведении людей. Он определяет динамику конфликта как процесс, складывающийся из совокупности реакций противоборствующих сторон на внешние стимулы. Все общественные столкновения являются «реактивными процессами». Например, механизм зарождения и нарастания любви совершенно аналогичен такому явлению, как гонка вооружения, которая, как и война, является реактивным процессом.

Боулдинг усматривает сущность социального конфликта в неких стереотипных реакциях человека. Он полагает, что всякий конфликт можно попытаться преодолеть и разрешить, соответствующим образом манипулируя раздражителями путём изменения реакций, ценностей и влечений индивидов, не прибегая к радикальному изменению самого общественного строя.

Конфликтология развивалась в основном на Западе. Зарубежные учёные далеко продвинулись в разработке теории социального конфликта. Такие аспекты, как возникновение и причины, логика развития, методы разрешения и последствия представлены в виде чётких моделей. Широкое распространение и эффективное использование концепций социального конфликта в странах Запада обусловлены тем, что эти концепции в своей основе затрагивают насущные интересы людей, их непосредственные нужды. Конфликтология, например, в США стала одной из авторитетных общественных наук, превратилась в теорию регуляции конфликтов, владения конфликтной ситуацией. Её практическая направленность состоит в формировании общественного сознания с целью регулирования, трансформации конфликтов.

Позитивной стороной конфликтологической парадигмы является признание социального конфликта нормальным состоянием общества. Более того, в рамках такого подхода социальный

конфликт выполняет важные функции развития и стабилизации социальной системы. Иногда конфликты вызываются и поддерживаются искусственно. К таким преднамеренно вызванным, перманентно конфликтным состояниям можно отнести конкуренцию, которая весьма полезна во всех сферах, начиная с экономики и кончая наукой. *Во время семинарских занятий по этой теме студенты могут сами привести немало примеров полезных социальных конфликтов.*

Вопросы для самопроверки знаний:

1. Что может являться предметом социологии конфликтности?
2. Что такое социальная напряженность?
3. Конфликт это - ...
4. Под социальным конфликтом понимают...
5. Конфликтность в обществе это...
6. Какие виды социальных групп Р. Дарендорф относил к субъектам конфликта?
7. Дайте объяснение предконфликтной ситуации.
8. Какие действия входят непосредственно в конфликт?
9. Назовите условия и меры разрешения конфликта.
10. Социальные конфликты классифицируются по вертикальным и горизонтальным уровням. Назовите их и дайте краткую характеристику.

Тема 2. Западные теории социальной конфликтности

Осмысление природы конфликтов в общественной жизни не могло остановиться на рассуждениях Аристотеля и Томаса Гоббса.

Развитие различных регионов мира, становление капитализма, войны и революции, происходившие в Европе в XVII-XIX вв., давали богатый материал для размышлений и для теоретических выводов мыслителям самых разных направлений.

Во второй половине XIX в. большое распространение в Европе, а вслед за нею и в России получила марксистская интерпретация исторического процесса. В основу этой концепции была положена теория классовой борьбы как главной и доминирующей формы конфликта, пронизывающего всю историю человечества и принимающего своеобразные формы на разных этапах этой истории. Для капиталистической общественно-экономической формации главным стержнем являлась борьба между трудом и капиталом, или между рабочим классом и классом буржуазии. С точки зрения тех позиций, которые разрабатывались основоположниками и последователями марксистской теории, государство, как и другие политические институты, не являлось ни представителем интересов всего общества, ни арбитром в споре между конфликтующими группировками. Всякое государство — лишь комитет, управляющий делами господствующего класса. Оно — по определению — носит классовый характер. Сам конфликт между классами принимает развитые формы лишь тогда, когда эксплуатируемая масса осознает действительную роль политических институтов, когда острое противостояние оказывается направленным именно против политического устройства общества, против государства. В ниспровержении старых форм государственности и в установлении новых ее форм европейские и российские марксисты видели суть пролетарской, социалистической революции.

Как уже отмечалось, наиболее известные современные историки общественной мысли, как, например, Ральф Дарендорф (Германия) или Антони Гидденс (Великобритания), рассматривают марксизм в качестве весьма влиятельного направления, которое оказывает значительное воздействие на формирование сложившихся ныне способов понимания действительности. Они подчеркивают, что в теории марксизма был обобщен опыт европейской истории, в особенности таких ее важнейших событий или процессов, как индустриальная революция в Англии и Великая Французская буржуазная революция (1789-1793). Девятнадцатое столетие в Европе действительно прошло под знаменем острой политической борьбы между рабочим классом и классом предпринимателей. Рабочие европейских стран

добились восьмичасового рабочего дня, законодательного запрещения использования детского труда на фабриках, создания не только системы рабочего и трудового законодательства, но и парламентских институтов, гарантирующих претворение в жизнь соответствующих прав. В подавляющем большинстве европейских стран классовый конфликт развивался таким образом, что государство должно было принимать законы под воздействием классовой борьбы, под воздействием рабочего класса, сформировавшего свои профессиональные и политические организации. Политические партии социал-демократического характера и национальные профсоюзы заняли важное место в политической жизни всех развитых европейских стран. Экономически господствующий класс предпочитал уступки рабочему движению, оформленные с помощью законодательства и права, тем потрясениям и разрушениям, которые могли бы последовать в случае его неуступчивости и пример которых демонстрировал опыт российской политической истории.

Европейское общество вошло благодаря этому в XX в. с большим опытом разрешения и примирения конфликтов. В ходе острой политической борьбы вырабатывалась культура компромисса — основа основ европейской политической жизни.

Не менее важен и интересен был в этом отношении и опыт США. XIX в. для этой страны, особенно начало века, — век индивидуализма, ожесточенной конкурентной борьбы. Это время, порождающее своеобразный психологический типаж американца, известный под названием *self-oriented personality*, т.е. личности, ориентированной на самое себя. Этот человек не мог полагаться на защиту закона и должен был сам отстаивать свое право на жизнь, нередко это приходилось делать с оружием в руках. Рассказы Джека Лондона, повести Фолкнера дают достаточно яркое представление об американской культуре этого времени. Классовый конфликт в США развивался несколько в иных формах, чем это было в Европе. В середине прошлого века он переместился в сторону конфликта между Севером, представлявшим интересы индустриального развития страны, и Югом — сосредоточением своеобразной феодальной суверенности штатов, господствующие круги которых развивались на экономической основе рабского труда чернокожих. Гражданская война между Севером и Югом разрешила этот конфликт в пользу капиталистического способа производства и отмены рабства. Таким образом сложились предпосылки для формирования современных Соединенных Штатов Америки. США, следовательно, прошли в своем историческом развитии через известную и разрушительную фазу насилия, которое послужило уроком для будущих поколений граждан этой страны.

По мере преодоления наследия гражданской войны уходила и культура «дикого Запада», основным атрибутом которой был шестизарядный кольт. Становление бизнеса в крупных масштабах оказалось несовместимо с произволом и неожиданностью социального поведения личностей, ориентированных на себя. Постепенно крупные формы и монополии перерабатывали огромный человеческий материал, превращая *self-oriented personality* в *other-oriented personality*, в совершенно иной социально-психологический типаж, формирующийся под доминирующим воздействием бюрократической культуры. Этот процесс переработки человеческого материала зафиксирован не только в художественной, но и в социологической литературе. Речь идет об исследованиях Уайта «Человек организации» и о знаменитой книге Дэвида Рисмена «Толпа одиноких».

В ходе этих преобразований формировалась своеобразная культура преобразования и разрешения конфликтов. В отличие от Европы, в США гораздо меньшее значение имеет при разрешении конфликтов общегосударственное или общегосударственное законодательство. Гораздо большее значение приобретают фирмы и компании, с одной стороны, а с другой стороны, — местные власти. Кризис конца 20-х годов, или экономическая депрессия, как его называют, сыграл огромную роль в формировании американской культуры преодоления конфликтов. Именно в это время под руководством социального психолога Элтона Мэйо была проведена серия экспериментов по организации производства, в ходе которых возникла теория человеческих отношений, упорно отвергавшаяся догматическим марксизмом. Суть этой теории

в выявлении психологической составляющей как самостоятельного и очень важного компонента организации производственного процесса. Признание значимости работника как человеческого существа опровергало рационалистический тейлоровский подход к организации производства. Новые подходы исходили из той предпосылки, что работник — человек и гражданин, а не простая функция производственного технологического процесса. Открытие Мэйо способствовало изменению психологического климата на производстве и прежде всего в деятельности больших компаний и предприятий. Управленческий персонал обязан был получить багаж определенных социологических и психологических сведений и навыков, применение которых предотвращало производственные конфликты и обеспечивало стабильность экономической деятельности.

В политическом плане чрезвычайно важным был «новый курс», предложенный Ф.Д. Рузвельтом, в основу которого была положена идея гражданственности, ограничения appetites монополий во имя национальных интересов. Можно сказать, что «новый курс» и концепция человеческих отношений стали общезначимыми ценностями американского образа жизни, сыгравшими огромную роль в практике предотвращения конфликтов и их регулирования. Теперь каждый американец воспитывается на основе усвоения таких истин: конфликты существуют, они правомерны и избежать их невозможно, так как каждый человек имеет свои собственные интересы, которые он вправе отстаивать; однако обострение конфликта способно нанести людям, участвующим в этих конфликтах, гораздо больший ущерб, нежели тот выигрыш, который можно было бы ожидать, настаивая на своих собственных интересах — ибо другие люди также обладают своими интересами, и они будут их отстаивать с не меньшим энтузиазмом, если дело дойдет до угрозы их ущемления; лучший способ добиться реализации своих интересов — открытый переговорный процесс с теми, от кого зависит возможность реализации этих интересов. В конце концов можно найти такой вариант в ходе переговоров, при котором ни одна из сторон не будет ущемлена. Примером такой переговорной практики являются рыночные отношения, отношения договора и сделки, в ходе которых всегда идет определенная прикидка возможных выгод и потерь от той или иной акции.

Весьма интересно и развитие внутреннего политического конфликта в американском обществе, характеризующемся достаточно высокой степенью стабильности и устойчивости. Механизм этой устойчивости в значительной мере обусловлен ритмом политической жизни США — четырехлетним сроком президентского мандата в соответствии с Конституцией. Автор книги «Социальный конфликт и социальные движения» Антони Обершелл — один из наиболее известных представителей социологии конфликта — так характеризует противостояние двух основных политических традиций в рамках американской демократии:

По мнению Обершелла, внутри американской демократической политической традиции, основанной на идеалах политического равенства и принципах народного суверенитета и правления большинства, всегда существовала напряженность между элитистской (Гамильтоновской) и популистской (Джефферсоновской) ориентациями. Действительно, каким образом предпочтения большинства народа могут быть превращены в закон? Те, кто не доверяют народной мудрости, и те, кто, напротив, не доверяют мотивам народных избранников и хотят минимизировать неравенства, являющиеся результатом политической дифференциации граждан, предпочитают различные формы структурной организации претворения демократических принципов в жизнь. Популисты считают, что законодатели — это необходимое зло и они должны быть лишь исполнителями народной воли. Элитисты рассматривают законодателей в качестве полезного посредника между предрассудками общественного мнения и формированием общественной политики. Популисты выступают за частые и прямые выборы, имея в виду, что первичные выборы проверяют влияние партийных боссов, действующих объединенными группами. Они используют референдум как противовес влиянию законодателей. Элитисты находятся в оппозиции к этим институтам. Распространение элитизма подрывает демократию в пользу олигархии. А распространение популизма вполне может содействовать установлению диктатуры и подавлению прав меньшинств нетерпеливым

большинством. Успех демократической традиции в значительной мере основывается на противоречиях и напряженности, существующей между этими двумя конфликтующими ориентациями, так как это позволяет обеспечить реформирование и перестройку демократических институтов изнутри в соответствии с новыми обстоятельствами и новыми политическими силами.

Это высказывание Обершелла приведено для того, чтобы проиллюстрировать наличие по меньшей мере двух трактовок самой демократии — популистской и элитистской, — которые оказываются весьма существенными даже при условиях функционирования хорошо отлаженных институтов демократического устройства общества. Позиция Обершелла лишь иллюстрирует тезис о весьма высокой сложности демократического общественного устройства, которая не просматривается при одномерном противопоставлении демократии и тоталитаризма.

В современной литературе по истории социологии сложившиеся социологические направления подразделяются на две большие группы в зависимости от того, какое место в теоретических построениях занимает проблема социального конфликта. Такое разделение встречается у историка социологии Джеффри Александера. Теории Маркса, Вебера, Парето, Дарендорфа с этой точки зрения рассматриваются как те, в которых проблематика конфликта занимает доминирующее место при объяснении социальных процессов и изменений. Дюркгейм, Парсонс, Смелзер преимущественное внимание в своих теоретических построениях уделяют проблеме стабильности и устойчивости. Их теории ориентированы не столько на изучение конфликта, сколько на обоснование консенсуса.

Это деление направлений социологических теорий можно признать верным лишь с определенной долей условности. Главным образом оно основывается на противопоставлении функционализма и социологии конфликта, сформулированном Ральфом Дарендорфом.

Дарендорф формулирует *две системы постулатов* и сопоставляет их между собой.

Талкотт Парсонс считал, что:

1. Каждое общество — относительно устойчивая и стабильная структура.
2. Каждое общество — хорошо интегрированная структура.
3. Каждый элемент общества имеет определенную функцию, то есть вкладывает нечто в поддержание устойчивости системы.
4. Функционирование социальной структуры основывается на ценностном консенсусе членов общества, обеспечивающем стабильность и интеграцию.

Ральф Дарендорф считал, что:

1. Каждое общество изменяется в каждой своей точке, социальные изменения — вездесущи.
2. Каждое общество в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом, социальный конфликт — вездесущ.
3. Каждый элемент в обществе вносит свой вклад-в его дезинтеграцию и изменение.
4. Каждое общество основано на том, что одни члены общества принуждают к подчинению других.

Дарендорф не утверждает, что одна из обозначенных им позиций является более верной или истинной в сравнении с другой. По его мнению, обе предложенные модели «валидны», полезны и необходимы для социологического анализа. Они различаются тем, что первая делает акцент на сотрудничестве, а вторая — на конфликте и изменении. Но оба компонента взаимодействия — сотрудничество и конфликт — постоянно присутствуют в общественной жизни в тех или иных сочетаниях.

Более внимательный подход к теоретическим работам ведущих социологов позволяет, однако, утверждать, что представители социологии конфликта анализировали вопросы консенсуса и стабильности, равно как и теоретики «консенсуального» направления отнюдь не игнорировали проблематику, связанной с социальной напряженностью, конфликтами, причинами социальных взрывов и возмущений. Более того, взгляды ведущих представителей

социологии не оставались неизменными. В разные периоды своего творчества они уделяли разное внимание соответствующим аспектам социологической проблематики. Во всяком случае можно сказать, что сама по себе дихотомия: «конфликт — консенсус» или «напряженность — стабильность» сохраняется как важнейшая проблема всех более или менее значительных теоретических построений социологии XIX-XX вв. Без уяснения взглядов соответствующего теоретика по этому вопросу вряд ли можно себе представить его взгляды с достаточной полнотой. Тем более, что, то или иное решение этой проблемы тесно связано с пониманием причин и форм социальных изменений.

Понимание конфликта в социологии Макса Вебера. Проблема конфликта пронизывает все три главные направления творчества выдающегося немецкого социолога: социологию политики, социологию религии и социологию экономической жизни. Наиболее очевидна проблематика конфликта, разумеется, в социологии политики, прежде всего в связи с анализом трех идеально-типических форм господства — подчинения или форм осуществления власти: традиционной, харизматической и рациональной. При анализе властных отношений для Вебера преимущественное значение имеют не столько акции насилия, сколько механизмы согласия с властными полномочиями. А это значит, что страх за жизнь и имущество не являются, по его мнению, единственным основанием принятия власти: в разных реальных политических структурах и разных исторических преобразованиях проявляются различные констелляции материальных и идейных интересов, побуждающих индивидов к согласию с властями или, наоборот, к протесту против них. Ход цивилизации вырабатывает все более сложные формы политической мотивации, хотя он и не делает людей более свободными от давления общественных структур и политических институтов.

Для современного общества, по Веберу, наиболее адекватны рациональная система права, согласие с властью, основанное на законе, наличие конституционных основ правопорядка и развитого гражданского самосознания, что не исключает глубокого политического конфликта между классами и статусными группами, составляющими данное общество.

Особую роль в современном политическом конфликте играет бюрократия, превращающаяся в слой с особыми интересами и имеющая возможность проводить свою волю через систему государственных учреждений. Вебер не высказывал морального негодования по поводу бюрократического произвола. В полемике со сторонниками социалистических преобразований и революционного обновления мира он лишь утверждал, что «диктатура пролетариата несомненно переродится в диктатуру бюрократии». Формулируя идеально-типические черты бюрократии: законопослушность, беспристрастное отношение к тем, кто обращается в учреждение, рационализм и т.д., Вебер прекрасно понимал, что эти качества чиновника могут формулироваться в качестве общих принципов и требований, но они не являются реальными свойствами лиц, занимающих соответствующие должности. Конфликт между нормативными предписаниями и реальной психологией был для него частью социальной реальности, степень и формы этого конфликта подлежали эмпирическому исследованию.

Не меньшую роль проблематика конфликта играла и в веберовской социологии религии. Здесь конфликт касался не вопросов распределения и перераспределения властных полномочий, а прежде всего мировоззренческо-ценностных установок, закреплявшихся в соответствующих типах религиозного мировоззрения. В исследованиях религиозных систем древних Китая, Индии, Израиля Вебер преимущественное внимание обращает на проблему соотношения религиозных верований и статусных и властных привилегий (положительного и отрицательного характера) групп, составляющих общество. Кроме того, он анализировал деятельность лидеров соответствующих религиозных движений, которые сформулировали идейное ядро соответствующих мировых религий. Влияние этого ядра — степень его притяжения и поддержки — не может быть выведено из условий способа производства. Это влияние можно объяснить взаимодействием двух обстоятельств: во-первых, оно есть результат реакции на материальные и идеальные интересы вполне определенных социальных групп, а во-вторых, это

результат творческого воздействия религиозного вдохновения и харизматической личности, которые действуют как «независимые переменные».

С точки зрения Вебера, мировоззренческие установки мировых религий созданы вполне определенными социальными группами, занимавшими четко обозначенное социальное положение и обладавшие соответствующим статусом в обществе. Это — конфуцианские ученые, индусские брахманы, еврейские левиты и пророки, христианские святые. Каждая из этих групп имела свой «стиль жизни» и утверждала определенную совокупность религиозных убеждений. Особое внимание Вебера привлекал вопрос о том, каким образом взгляды нескольких человек, одаренных харизматическим вдохновением, превращались вначале в «стиль жизни» некоторой статусной группы, а затем, в конце концов, в доминирующую ориентацию всей цивилизации. Именно отсюда и проистекали основные вопросы, которые он изучал при сравнении соответствующих цивилизаций в тот момент их становления, когда возникали соответствующие религиозные убеждения.

Теоретические позиции Вебера при этом имеют явно выраженную конфликтную направленность. Выдающийся исследователь творчества Вебера Р. Бендикс утверждает, что исходная позиция Вебера состоит в том, что всякое общество можно понять, как состоящее из позитивно и негативно привилегированных статусных групп, которые озабочены прежде всего тем, чтобы сохранить в неизменности или упрочить влияние ныне сложившегося «стиля жизни» путем установления социальной дистанции и исключительности, с одной стороны, и монополизации экономических возможностей — с другой. Чтобы разобраться в стабильности и динамике какого-либо общества, мы должны попытаться понять усилия этих групп в их соотношении с идеями и ценностями, распространенными в обществе. Можно выбрать и другой путь исследования: найти для каждой данной идеи или ценности те статусные группы, материальный и идеальный образ жизни которых упрочивается благодаря этим ценностям и идеям.

Вебер подходит к изучению религиозных идей с точки зрения их отношения к коллективным действиям и прежде всего с точки зрения изучения тех социальных процессов, благодаря которым прозрение и вдохновение нескольких становится убеждением множества людей. Он полагает, что каждая социальная группа характеризуется склонностью к идеям определенного направления, соответствующим их образу жизни: крестьяне склонны к поклонению природе и магии, христианское благочестие представляет собою типичный феномен городской буржуазной культуры, военная аристократия, как и другие политически доминирующие группы, обладает специфическим чувством чести, которое несовместимо с идеализацией смирения и т.д.

Обе линии исследовательской деятельности имеют и своем основании общее допущение, состоящее в том, что общество является совокупностью статусных групп, идеи и интересы которых в какой-то части расходятся, а в какой-то части совпадают. При этом расхождение идей и интересов является реакцией на расхождение статусных ситуаций, а перекрещивание или совпадение их идей и интересов может быть объяснено при изучении прошлых конфликтов и способов их разрешения, которые воплотились в сложившихся формах господства и согласия.

Понимание общества как некоторого баланса противостоящих сил дает ключ к пониманию того, почему Вебер отказывается от попыток рассматривать социальные структуры в качестве чего-то целого. Социология, с его точки зрения, это изучение сознательного (understandable) поведения индивидов в обществе, а такие коллективные образования, как государство, нация, семья, не «действуют», не «поддерживают себя» и не «функционируют». Между индивидами существует важная связь, которая может способствовать стабилизации общества. Действие каждого человека ориентировано на действия других, и люди придают специфическую ценность тем коллективным образованиям, в которых они участвуют. Но это не значит, что эти коллективности существуют в виде некоторых целостностей высшего порядка.

С точки зрения Вебера, общество — это арена действия борющихся между собою статусных групп, каждая из которых имеет свои собственные экономические интересы, амбиции, понимание мира и других людей. Он использует этот подход при анализе земельной аристократии, поднимающейся буржуазии, бюрократии и рабочего класса в имперской Германии. Тот же подход используется и в сравнительных исследованиях религии. Успех каждой из мировых религий явился результатом длительной борьбы. Каждая из лидирующих статусных групп встречала сопротивление одной или нескольких групп, которые преследовали свои материальные и идеальные интересы во имя сохранения и утверждения исключительности и привилегированности их собственного «стиля жизни». Конфуцианские ученые должны были бороться с магией, мистикой таоизма и с буддистскими монахами; брахманы-хиндуисты с притязаниями кшатриев, с буддизмом и джайнизмом, равно как и с различными неортодоксальными направлениями внутри брахманизма; иудейские пророки вели борьбу с огромным числом царских пророков, оракулов и с различными группами левитов.

Внимание к постоянной борьбе между различными социальными группами было сердцевинной веберовского мировоззрения. Он полностью отдавал себе отчет в том, что определенные конфликты, в основе которых лежит противостояние конечных ценностей, не могут быть устранены никакой аргументацией или разъяснением позиций. Его исследования в области социологии религии эмпирически подтверждают эту точку зрения. Конфуцианство, брахманизм и иудейская религия — совершенно несовместимы друг с другом в мировоззренческом смысле. Человек не может последовательно отстаивать сразу две из этих систем верования и действия.

Но, с другой стороны, это отнюдь не означает, что общество характеризуется постоянной нестабильностью. В своих исследованиях Китая и Индии Вебер показал, что статусные группы в лице конфуцианских ученых или брахманов становятся «носителями культуры». Это означает, что их образ жизни содействует стабильности общества. Как бы ни были условны соответствующие взгляды, но если они получают поддержку со стороны господствующей в обществе группы, то они принимаются как само собою разумеющаяся позиция, которая санкционирует одобрение и неодобрение тех или иных действий и высказываний. В исследовании древнего иудаизма Вебер раскрывает роль религиозного инноваторства. Именно здесь он выясняет, каким образом вдохновение отдельных людей становится доминирующей ориентацией раввинов после исхода, еврейского народа в целом и при некотором изменении формы основанием Западной цивилизации.

Эмиль Дюркгейм о конфликте как форме социальной девиации. Для Вебера в центре внимания находится конфликт материальных и идеальных интересов различных статусных групп, характеризующихся собственными экономическими интересами, амбициями и определенной системой жизненных ориентации, а для Дюркгейма в большей мере свойствен иной подход, связанный с проблемой взаимоотношений общества и личности. Для Вебера проблема существования общества в качестве субъекта действия остается открытой. Действует на самом деле индивид, положение которого связано с определенным социальным статусом. Связь между индивидами опосредована системой значений, на основании которой каждое действующее лицо оценивает возможную реакцию на свои действия со стороны других.

Дюркгейм исходит из прямо противоположной посылки. Для него общество есть «реальность *sui generis*». Оно, несомненно, стоит над человеком, каждый индивид, появляющийся на свет, застает общество и его институты в готовом виде. Более того, поколения людей сменяют друг друга, а система общественных институтов — родственные связи, семья, культы и обряды, государство с его установлениями, нравственные требования — остается неизменной. Вся совокупность общественных связей и институтов, считает Дюркгейм, скрепляется коллективным сознанием, которое и есть лишь другое название для общества. Коллективное сознание существует независимо от индивидуального, более того, оно не может быть сведено и к сумме индивидуальных сознания и представлений. Общество, по Дюркгейму, имеет более фундаментальную основу своего существования, нежели индивид. Индивид

черпает свои представления об окружающем мире благодаря тому, что общество создает средства восприятия этого мира: основные понятия, формирующие сознание человека, закреплены в речи, в языке и сами они представляют собою определенную проекцию общественных отношений в индивидуальном сознании.

В сознании каждого индивида существует как бы два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое представляет собой не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот, представляет собой то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида. По мнению Дюркгейма, в двойственности индивидуального сознания заключаются решающие предпосылки личностного конфликта.

Важнейшей категорией социологии Дюркгейма является понятие солидарности. Это то, что соединяет индивидов, превращает их в некоторую целостность. Дюркгейм выделяет два вида солидарности — механическую и органическую. Первая имеет в своей основе одинаковость отношения индивидов к обществу. Здесь отношения между коллективным и индивидуальным сознанием подобны отношению человека к вещи, которой он обладает. «Индивидуальное сознание, рассматриваемое с этой точки зрения, полностью подчинено коллективному типу... В обществе, где эта солидарность очень развита, индивид не принадлежит себе; это буквально вещь, которой распоряжается общество. Поэтому в таких социальных типах личные права еще не отличимы от вещных» - так считал Дюркгейм.

Органическая солидарность, напротив, основана на глубоко эшелонированном разделении труда. Она предполагает не одинаковость индивидов, а их различия. Единство организма тем больше, чем отчетливее дифференциация частей.

Особое место в социологии Дюркгейма занимает проблема нравственности, которую он в определенной мере противопоставляет отношениям, основанным на интересе. Если интерес и сближает людей, то лишь на несколько мгновений, — считает Дюркгейм. Интерес создаст между людьми лишь внешнюю связь. При обмене различные стороны остаются вне друг друга и, совершив сделку, каждый оказывается снова один. Сознания индивидов в этом случае приходят только в поверхностное соприкосновение. «Если посмотреть глубже, — пишет Дюркгейм, — то окажется, что во всякой гармонии интересов таится скрытый и только отложенный на время конфликт. Ибо там, где господствует только интерес, ничто не сдерживает сталкивающиеся эгоизмы, каждое «я» находится относительно другого «я» на военном положении, и всякое перемирие в этом вечном антагонизме не может быть долговечным».

Действительная природа органической солидарности, по мнению Дюркгейма, связана, с одной стороны, с развитой системой права, а с другой, с нравственным самосознанием. При этом нравственность рассматривается Дюркгеймом в качестве конкретной совокупности норм, воздействующих на реальное поведение индивидов через понимание ими своих прав и обязанностей. «Каждый народ вырабатывает свою систему нравственности, определяемую условиями, в которых он живет. Поэтому невозможно навязывать ему другую нравственность, — как бы высока она ни была, — не дезорганизуя его; а такие потрясения не могут не ощущаться болезненным образом отдельными людьми». В то же время в нравственных требованиях, как и во всякого рода иной деятельности, важно соблюдать меру. «Нравственность, — подчеркивает Дюркгейм, — не может повелевать сверх меры промышленными, торговыми и тому подобными функциями, не парализуя их, а они, между тем, имеют жизненное значение. Так, считать богатство безнравственным — не менее губительная ошибка, чем видеть в нем благо по преимуществу».

Фундаментальные понятия социологии Дюркгейма — нормальное и патологическое состояние общественных отношений. Они не отождествляются с нравственными оценками: нормальное не есть хорошее, а патологическое не совпадает с плохим. Для каждого типа социальных отношений имеется своя социально допустимая норма патологии или отклонения. Так, преступления, самоубийства, психические заболевания или несчастные случаи — пожары, дорожные происшествия — все это явления нежелательные. Но общество пока еще не нашло

средств от них избавиться. Они повторяются с определенной частотой и периодичностью. Если собрать статистические данные, касающиеся этих фактов, то окажется, что они обладают определенной устойчивостью. Для каждого общества существуют свои нормы социальной патологии — преступлений, самоубийств, которые фиксируются социальной статистикой. Метод Дюркгейма состоит в том, чтобы накапливать социальные факты и анализировать их в качестве своего рода естественнонаучных данных.

Особое внимание Дюркгейма привлекает феномен самоубийства. В рамках его теории статистика самоубийств должна выявить степень нравственной солидарности членов общества. В своей книге, посвященной этой проблеме, он впервые проводит сравнительное исследование статистики самоубийств на протяжении XIX в. в европейских странах. Дюркгейм подразделяет самоубийства на три группы: эгоистические, альтруистические и основанные на аномии, т.е. на потере главных ценностных ориентиров в жизни, разрушении смысла существования в результате личностного кризиса. Как правило, констатирует Дюркгейм, анемические самоубийства совершаются в условиях нравственного кризиса, разрушающего коллективное сознание в обществе. Далеко не все социальные потрясения, как показывает Дюркгейм, порождают нравственный кризис в обществе. Война, например, ведет к усилению патриотических чувств, к усилению солидарности и внутренней сплоченности общества. Эти периоды характеризуются резким уменьшением самоубийств и даже психических заболеваний.

Весьма интересны в этой связи рассуждения Дюркгейма о характере кризиса нравов, которое переживало европейское общество в начале XX в. Истоки и природу этого болезненного состояния Дюркгейм видит в том, что за небольшой промежуток времени в структуре наших обществ произошли глубокие изменения: они освободились от сегментарного типа со скоростью и в масштабах, подобных которым нельзя найти в истории. Поэтому нравственность, соответствующая этому типу, испытала регресс, но другая не развилась достаточно быстро, чтобы заполнить пустоту, оставленную прежней нравственностью в нашем сознании. Он пишет: «Наша вера поколеблена; традиции потеряли власть; индивидуальное суждение освободилось от коллективного. Но, с другой стороны, у функций, разъединившихся в ходе переворота, еще не было времени для взаимного приспособления, новая жизнь, как бы сразу вырвавшаяся наружу, еще не смогла полностью организовать... Если это так, то лекарство от зла состоит не в том, чтобы стараться во что бы то ни стало воскресить традиции и обычаи, которые, не отвечая более теперешним социальным условиям, смогут жить лишь искусственной и кажущейся жизнью. Что необходимо — так это прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла — разного рода внешнее неравенство».

Дюркгейм отмечал также, что «первейший долг в настоящее время — создать себе нравственность. Такое дело невозможно осуществить посредством импровизации в тиши кабинета: оно может возникнуть только самопроизвольно, постепенно, под давлением внутренних причин, благодаря которым оно становится необходимым. Рефлексия же может и должна послужить тому, чтобы наметить цель, которой надо достигнуть».

Существенный компонент новой нравственности — как ее понимает Дюркгейм, — заключается в регулировании конфликтов. Народы, пишет он за полтора десятилетия до начала первой мировой войны, взывают к состоянию, когда отношения между обществами будут регулироваться мирно. Но эти естественные человеческие устремления могут быть удовлетворены лишь тогда, когда все люди образуют единое общество, подчиненное одним законам. Точно так, как частные конфликты могут сдерживаться только регулирующим действием общества, заключающего в себе индивидов, так и интерсоциальные конфликты могут сдерживаться только регулирующим действием одного общества, заключающего в себе все другие. Единственная сила, способная умерять индивидуальный эгоизм, — это сила группы; единственная сила, способная умерять эгоизм групп, — это сила другой, охватывающей их группы.

Можно сказать, что социологическая теория Дюркгейма создала рационалистическую теорию разрешения макроконфликтов, к которым относятся и социальные конфликты.

Талкотт Парсонс: теория социального действия и социальная напряженность. В трактовке социального конфликта Талкотт Парсонс гораздо ближе к Дюркгейму, чем к Веберу и тем более к Марксу. Пафос его первой значительной работы «Структура социального действия» (1937) состоит в критике утилитаризма в объяснении поведения человека и в обосновании нормативного компонента в структуре социального действия. Схема действия, основанная на рациональном понимании субъектом своих собственных интересов, представляется Парсонсу недостаточной. В состав исходных элементов социального действия — цели, средства и условия действованиа — он вводит и понятие нормы, которая проистекает из веберовского понимания действия. Если субъект действия учитывает в своих намерениях и целях реакцию других, то само это учитывание становится своего рода нормативным требованием к формулировке целей. Причем этот компонент оказывается, с точки зрения парсонсианства, не менее важным, чем наличие материальных ресурсов социального действия. Введение этой составляющей в состав социального действия является для Парсонса основанием того, что он свою теорию называет волюнтаристической или идеалистической. В отличие от своих оппонентов или предшественников, он не сводит основания социального действия ни к утилитаристской позиции поиска эгоистических интересов, ни к чисто рациональной схеме поиска адекватных средств для достижения целей.

Из этой посылки проистекают весьма важные следствия. Парсонс отчетливо понимает, что нормативный элемент не может не встречать сопротивления при реализации социального действия. Следовательно, этот элемент есть один из важнейших источников социальной напряженности и потенциального конфликта. Более основательно эта мысль будет развита Парсонсом при рассмотрении взаимоотношений между социальной системой, с одной стороны, и системой культуры. Вычленение культуры в целом, а не только ее нормативной составляющей — одна из кардинальных идей парсонсианства.

Другой важный источник социальной напряженности, понимание которого заложено в теоретической конструкции Парсонса, связан с проблемой соотношения двух главных линий в регулировании социального действия. Как известно, социальное действие, по Парсонсу, разворачивается на четырех уровнях: организм, личность, социальная система, культура. Каждый из предшествующих уровней представляет собою предпосылку для реализации последующего: наличие определенной телесной организации человеческого существа есть предпосылка и условие существования и функционирования личности; формирование личности, в свою очередь, — предпосылка существования социальной системы: наконец, наличие социальной системы есть предпосылка существования культуры. Такова первая линия детерминации социального действия, раскрывающаяся через совокупность предпосылок. Здесь линия детерминации идет от более простых компонентов социального действия к более сложным. Но соотношение уровней социального действия этим не ограничивается. По мнению Парсонса, другая линия детерминации имеет не менее важное значение. Это линия связана с концепцией иерархического контроля: каждый последующий уровень действия оказывает на предшествующий обратное регулирующее воздействие. Это происходит прежде всего в силу того обстоятельства, что на каждом новом уровне иерархии социального действия накапливается более мощный информационный потенциал. Наряду с прямой связью существует в структуре социального действия обратная связь. Личность не есть просто следствие собственных биологических предпосылок: она воздействует на эти предпосылки благодаря ценностным ориентациям личности, составляющим ее мотивационное ядро. Наиболее существенные свойства личности, ее внутренний мир определяют, какие и в какой степени из биологических нужд и потребностей будут действовать в данной ситуации.

Социальная система также оказывает регулирующее, контрольное воздействие на личностные амбиции, на систему мотивов индивидуального поведения. Эти регулирующие свойства социальной системы проявляются самым многообразным способом, но главным

образом через механизмы социализации. Наконец, культура, отделившись от социальной системы, оказывает на нее огромное воздействие.

Две обозначенных линии внутри социального действия действуют в противоположном направлении. Они отнюдь не всегда взаимно и гармонически дополняют друг друга. В их взаимодействии, в реальном историческом процессе образуются разрывы, несовпадения, которые могут объяснить множество частных фактов и обстоятельств, связанных с социальной напряженностью, конфликтами, социальными взрывами и переворотами, попятными движениями и т.д. Благоприятным моментом социальной эволюции является взаимное дополнение обеих линий детерминации социальных и культурных процессов, но это происходит скорее как исключение, нежели как правило.

Важнейшей составляющей теоретической конструкции выдающегося американского социолога является выявление напряженности на всех уровнях социального действия, рассматриваемых самостоятельно.

При анализе организма как исходного компонента социального действия особое значение в теории Парсонса имеет разграничение внутренних физиологических потребностей, принимающих форму психологических побуждений, и потребностей в социальных отношениях, которые сопровождают человека с первого момента его появления на свет и оказывают существенное, подчас и преобразующее, воздействие на первый круг потребностей. Для Парсонса и всего его направления тезис о социальной природе человека не подлежит сомнению. Особое значение в его теоретической конструкции имеет анализ процесса социализации, в ходе которого человек оказывается приобщенным не только к способам функционирования социальной системы, но и к нормам и ценностям соответствующей культуры. Разумеется, что между обозначенными выше двумя видами потребностей организма складывается определенная напряженность, которая при неадекватных способах социализации может перерасти в открытый конфликт.

Следующий уровень развертывания социального действия связан с личностью. В этой связи Парсонс выделяет пять основных коллизий, характеризующих проблемы личностного выбора. Он характеризует их в качестве определенных стандартов (pattern-variables), которые организуют мотивацию социального поведения на уровне личности. Через эти стандарты характеризуются наиболее существенные и типические внутриличностные конфликты, которые так или иначе перерабатываются индивидом при осуществлении любых социально значимых поступков.

Первая дилемма заключается в возможности выбора между аффективностью и аффективной нейтральностью. Речь идет о том, что личность может быть включена эмоционально в совершаемое действие, переживая каждый его эпизод и малейшее изменение ситуации, или оставаться эмоционально нейтральной, невовлеченной в ход развития событий. Этот выбор не может быть продиктован внешними обстоятельствами. Он осуществляется не на основе рациональных соображений, хотя они и могут оказывать косвенное воздействие на степень вовлеченности в дело. Выбор определяется внутренней мотивацией и ценностными ориентациями личности как таковой.

Вторая дилемма связана с тем, что действие может быть ориентировано на сугубо личные или частные интересы индивидуума или же на те или иные формы коллективных интересов и коллективной заинтересованности. Это дилемма частного и общего интереса, которая решается также на основе внутренней работы и исходных ценностных ориентации личности.

Третья дилемма партикуляризма – это дилемма универсализма. Универсальные критерии при выборе варианта действия связаны с преобладанием когнитивных установок, с выявлением не просто коллективных интересов (которые могут носить весьма локальный или ограниченный характер), а с выявлением универсального смысла предпринимаемого действия в масштабах культуры. Партикулярная вовлеченность в действие предполагает концентрацию внимания на особенностях совершаемого действия и его результатов.

Четвертая дилемма достижения — дилемма предписания. В случае ориентации на достижение первостепенное значение имеет результат деятельности, и, следовательно, его оценка с точки зрения рационального соотношения целей и средств достижения результата. В случае ориентации на предписание первостепенное значение имеет выполнение заданных правил действия: ритуала, порядка его совершения, стабильности отношений, в рамках которых совершается действие.

Наконец, пятая дилемма специфичности — дилемма диффузности. При выборе в пользу специфичности особое значение приобретает вопрос о конкретном способе удовлетворения потребности, о специфически избираемом объекте социального действия. При выборе в пользу диффузности имеются более широкие возможности удовлетворения потребности с помощью вариации объектов действия. Так, в одном случае человек голоден, но он может удовлетворить свой голод в рамках изысканных предметов гастрономии и кулинарии, в другом — гастрономический изыск не имеет значения. Главное, чтобы была хоть какая-нибудь пища.

Еще раз следует подчеркнуть, что выделенные Парсонсом дилеммы являются основаниями внутрличностных конфликтов, которые разрешаются на основе ценностных ориентации личности. При определенных условиях они могут превращаться в зоны социальной напряженности и в социальные конфликты, разрешение которых осуществляется уже на ином — более высоком уровне.

Следующий уровень анализа социального действия связан у Парсонса с понятием социальной системы как коллективности определенного типа, характеризующейся специфическим распределением социальных ролей, с одной стороны, и нормативно-ценностными установками, возникающими в рамках культуры, с другой стороны. Главным понятием на этом уровне в парсонсианской концепции выступает понятие целостности, которая обеспечивается благодаря функционированию определенной системы равновесия.

Но само это равновесие и целостность системы не достигаются автоматическим образом, они есть результат сложного взаимодействия всех компонентов социальной системы, которая неизбежно проходит через определенные точки социальной напряженности. Социальная система, по Парсонсу, характеризуется четырьмя функциональными требованиями: воспроизводства сложившихся форм (*pattern-maintenance*), интеграции составляющих ее подсистем, достижения цели и адаптации. Порядок изложения функциональных требований социальной системы может быть иным. В данном случае он подчинен идее определенного цикла в изменениях социальной системы: от устойчивости за счет регулирования скрытых напряжений в социальной системе (это связано с первой функцией) до изменений, связанных с реализацией определенной цели и адаптации к новым условиям.

Проблема социальных изменений остается постоянно в поле зрения парсонсианской концепции. Она рассматривается в двух основных вариантах, по меньшей мере. *Во-первых*, постоянно происходят внутрисистемные изменения, ибо само равновесие социальной системы не есть неподвижность. Это — постоянно изменяющееся равновесие, которое характеризуется Парсонсом по аналогии с биологическим гомеостазом. В рамках системы существует постоянное нарушение баланса связей и их воспроизводство. *Во-вторых*, происходят изменения самой системы в целом под влиянием как внутренних — экзогенных, так и внешних — эндогенных факторов или точнее стимулов, которые могут иметь самое разное происхождение и силу воздействия.

Парсонс специально выделяет категорию напряжения как наиболее важную для понимания внутренних изменений. В общем плане напряжение есть некоторая тенденция или прессинг, обуславливающий возникновение дисбаланса в отношениях между структурными элементами социальной системы. В случае большого напряжения контрольные механизмы социальной системы могут не справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений, что приводит к разрушению структуры. Напряжение есть тенденция к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя или более компонентами системы.

Важно отметить, что структурные изменения социальных систем не осуществляются, по Парсонсу, некоторым безличным образом. Сама социальная система есть точка перекрещивания культурных нормативов и ценностных ориентации и индивидуальной мотивации. Поэтому потрясения системы органически сплавляются с потрясениями в сфере индивидуальной мотивации.

Чтобы понять механизм разрушения социальной структуры, Парсонс разъясняет более конкретно механизмы ее функционирования. Это функционирование связано, с одной стороны, с механизмами распределения, действующими с помощью таких средств, как деньги и власть; они определяют баланс между преимуществами и потерями, выигрышем и проигрышем действующих социальных субъектов, с другой стороны, действуют механизмы интеграционной коммуникации, которые влияют прежде всего на мотивацию этих субъектов, влияя на определение их желаний и средств осуществления этих желаний.

Возникающее напряжение — а источником его может стать практически все, что угодно — либо преодолевает разделительную черту, обеспечивающую сохранение данной системы, либо не преодолевает благодаря действию механизмов социального контроля и саморегулирования системы. Однако если напряжение выходит на этот уровень, оно, как подчеркивает Парсонс, всегда будет связано с более или менее сильными компонентами иррационального поведения. Это очень важная характеристика кризисных отношений.

«Напряжение на уровне структурных компонентов системы, — пишет Парсонс, — проявляется в некоторой совокупности признаков, симптомах возмущения (*disturbance*), демонстрирующих психологические приметы иррациональности. Эти признаки и приметы распределяются вдоль основных осей надежды и страха, оптимизма и возбуждения (*anxiety*), демонстрируя нереалистические тенденции в том и другом отношении... Обязательно в таких ситуациях будут возникать фантазии и утопические идеалы будущего состояния общества, идеализации прошлых состояний, надежности положения *status quo*, которое будет очищено от источников неудовлетворенности... Эти мотивационные компоненты оказываются общими симптомами возмущения в институционализации социальных структур».

Не меньший интерес с точки зрения понимания природы конфликта в современном обществе имеет и парсоновский анализ культуры как четвертого основного компонента в структуре социального действия. Конstellляции культуры, как они определяются Парсонсом, включают в себя три главных компонента:

- 1) системы идей и убеждений, где преобладающими являются познавательные интересы;
- 2) системы экспрессивных символов, куда относится искусство с его формами и стилями. Здесь преобладают не столько интересы познавательного характера, сколько «катектические» — по выражению Парсонса — интересы, то есть интересы желания и нежелания;
- 3) системы ценностных ориентации, где преобладают интересы оценки альтернатив действия с позиций их последствий для систем действия.

Такова аналитическая постановка вопроса о содержании культуры как подсистемы социального действия. Вместе с тем, когда Парсонс переходит к историческому материалу, связанному с проблемой взаимодействия социальной системы и культуры, то выясняется, что в рамках культуры им объединяются три области человеческой деятельности: религия (включая философию), искусство и наука. Нравственность им в большей степени связывается не столько с культурой, сколько с интегрирующими функциями социальной системы.

Одна из главных идей Парсонса состоит в обосновании самостоятельности культуры. На богатом историческом материале в своих последних работах 1966 и 1971 гг. он показывает огромное историческое значение отделения культуры от социально-политических отношений. Именно это отделение сыграло решающую роль в становлении европейской культуры. Последняя выросла из воссоединения культурных традиций, заложенных двумя античными обществами, которые Парсонс называет «произрастающими» цивилизациями (*seed-bed civilizations*) — древнеиудейской и древнегреческой. Именно в древней Иудее произошел впервые процесс отделения культуры от социальной системы, что нашло выражение в идее

монотеизма, с одной стороны, и в формулировке нравственного закона в виде десяти заповедей Моисея, с другой стороны. Социальные отношения, на основе которых возникли эти культурные явления, давно исчезли, но их культурный результат в виде определенной системы ценностей и убеждений сохранился. Феномены культуры приобрели самостоятельное существование. В древней Греции этот процесс приобрел еще более заметные формы: от религиозных и мифологических воззрений отпочковалась философская деятельность, сформировались предпосылки науки, наметились первые формы политической культуры, получившие значение самостоятельных образцов или стандартов организации общественных отношений. Возникла культура диспута. Основанием дальнейшего развития культурных процессов стала изобретенная письменность и другие средства накопления и передачи информации.

В своих последних работах Парсонс, как бы отвечая на критику, упрекавшую его в склонности к стабилизирующим концепциям, которые якобы содействуют апологетике существующих общественных отношений, выступает, прежде всего, как представитель неэволюционистского направления в социологии. Основной категорией в этих работах становится понятие структурной дифференциации, которая представляет собою главную пружину усложнения общественных связей и основную силу становления современного общества. Парсонс не игнорирует в этих работах классовые и политические конфликты. Но с его точки зрения наиболее существенными процессами, связанными с переходом к обществам современного типа, являются отделение права от государства, религии от церкви, развитие системы светского образования, становление рыночных отношений, равно как и современных форм представительства, парламентаризма, системы выборов и других атрибутов демократического строя.

Нейл Смелзер о теории социальных изменений Т. Парсонса. Теоретик структурно-функционального направления Т. Парсонс отнюдь не игнорирует проблему социальных изменений. Он лишь более резко, чем его предшественники, критикует модель однофакторного развития или концепцию доминирования одного из источников социальных сдвигов, включая и изменения в социальной структуре. По сути дела, вопросы о доминировании материально-экономических или, наоборот, идеологических сил в общественном развитии он считает выходящими за рамки социологии. Это вопросы философского, мировоззренческого плана, очень мало содействующие аналитическим усилиям социологической теории.

Социология с точки зрения Парсонса, равно как и его ученика Нейла Смелзера, призвана заниматься не построением умозрительных картин, а анализировать социальные процессы в деталях. Разумеется, к такого рода процессам, относящимся к компетенции социологии, относятся и социальные изменения различного рода. Основные положения теории социальных изменений Парсонс и Смелзер формулируют в книге «Экономика и общество», написанной в соавторстве. На основе анализа индустриальной революции в Англии авторы этой книги выделяют семь главных этапов социального изменения, которые могут быть названы основными этапами инновационного процесса.

1. Процесс начинается с того, что появляется некоторое чувство «неудовлетворенности» производственными достижениями экономики в целом или ее отдельных секторов и ощущение «возможностей» улучшения положения дел, основанное на потенциальной доступности производственных ресурсов.

2. Возникают симптомы беспокойства, с одной стороны, в форме неоправданных эмоциональных реакций негативного плана, включающих в себя обнаружение враждебности и агрессии, а с другой стороны, в виде нереалистических надежд, которые проявляют себя во всякого рода фантазиях, утопиях, воспоминаниях о лучших днях и т.д. Иными словами, здесь конкретизируется тезис Парсонса об иррациональном компоненте социальной напряженности как предпосылке структурных перемен.

3. На третьем этапе осуществляются попытки урегулирования возникших напряжений за счет мобилизации мотивационных ресурсов на основе существующей системы ценностей.

4. В высших управленческих сферах возникает благожелательная терпимость по отношению к быстро распространяющимся новым идеям, но эта терпимость пока проявляется в осторожных формах — без связи с ответственностью за предлагаемые перемены.

5. Предпринимаются попытки уточнить и конкретизировать новые идеи и предложения, так как они становятся объектом пристального внимания со стороны предпринимательских кругов.

6. Теперь осуществляется ответственное применение нововведения теми, кто принимает на себя определенный риск. В результате, если этот риск оказался оправданным, возникает прибыль, которая и есть форма вознаграждения, или же следует наказание в виде финансовой неудачи. Результат во многом зависит от поведения потребителя, который либо будет найден, либо нет.

7. На последнем этапе то, что было нововведением, становится элементом образа жизни и включается в повседневную рутину производственного процесса. Новый способ делать вещь становится институционализированным и превращается в часть экономической структуры.

Можно сказать, что мы здесь имеем дело с описанием фаз инновационного конфликта, который начинается с полного отрицания предлагаемого новшества, а заканчивается институционализацией и рутинизацией вновь возникшего процесса. И хотя авторы рассматривают эту проблему на примере экономических изменений, анализ этапов изменения вполне может быть применен и в других областях человеческой жизнедеятельности.

В «Теории коллективного поведения» (1962) Н. Смелзер преимущественное внимание обращает на те формы коллективных действий, которые обычно рассматриваются как иррациональные. К их числу относятся различного рода возмущения, бунты, восстания, формы коллективного помешательства, паники. В этот же ряд попадают религиозные и политические революции и национальные движения. Коллективное поведение он определяет, как мобилизацию на основе некоторых убеждений, которые по-новому определяют социальное действие.

В качестве основных компонентов социального действия в этой теории рассматриваются:

- обобщенные (или отвлеченные) (generalized) цели или ценности, которые обеспечивают наиболее широкие направления целенаправленного социального поведения;
- правила, контролирующие способы достижения этих целей — нормы;
- способы организации людей, которые обеспечивают мобилизацию индивидуальной энергии ради достижения определенных целей в рамках нормативной системы;
- доступные в данной ситуации возможности действия, которые действующее лицо использует в качестве средств.

По отношению ко всем этим компонентам или структурным уровням социального действия у отдельных индивидов складывается различное отношение: ценности есть предмет убеждения или веры, их можно принимать или не принимать и принимать с разной степенью приверженности. По отношению к нормам может существовать конформное, согласное с ними поведение и, наоборот, отклоняющееся поведение, выходящее за пределы нормативных требований. По отношению к организации может существовать индивидуальная ответственность или отсутствие таковой. В этом смысле можно говорить о лояльности индивида по отношению к организации. Что касается ситуационных возможностей действия, то здесь первостепенное значение имеет уверенность индивида в том, что он этими возможностями располагает, или, наоборот, отсутствие такой уверенности.

Для более конкретного анализа форм социального поведения важно обратить внимание на то, что, согласно Смелзеру, каждый из выделенных им четырех компонентов социального действия располагается на семи уровнях, различающихся между собою по степени конкретности ситуации и специфичности. Так он получает таблицу уровней специфичности действия, содержащую 28 (4 x 7) клеток. Напряженность, возникающая в любой точке этой системы, может служить источником коллективного поведения-возмущения: любой вид напряжения, — утверждает Смелзер, — может выступать в качестве некоторой детерминанты

любой формы коллективного поведения. Само же напряжение определяется как несоответствие между компонентами действия и, следовательно, их неадекватное функционирование.

Более детальный анализ напряжения заключается в выявлении того, как оно обнаруживается в каждом из компонентов социального действия. Смелзер начинает с последнего компонента, то есть с анализа напряжения при оценке возможностей действия в конкретной ситуации. Главная проблема в данном случае состоит в двойственности или неопределенности в решении вопроса об адекватности средств по отношению к избранным целям, источники которой могут быть исключительно многообразны. Неопределенность в выборе средств может быть результатом сложности и непредсказуемости ситуации, недостаточной подготовки в смысле знания и опыта того, кто предпринимает действие, конфликта при решении вопроса о выборе доступных средств его осуществления и т.д.

На уровне организации и мобилизации мотивации один из главных источников напряжения заключается в несоответствии между ответственным выполнением соответствующих ролевых функций и характером вознаграждения. При этом речь идет не об экономическом вознаграждении, а о реализации тех целей, которые связаны со спецификой соответствующих видов социального действия. Действительно, человек участвует в бизнесе ради экономического вознаграждения, но в политике он участвует на основе своих политических интересов, в религиозной деятельности — ради спасения души; он включается в деятельность определенных ассоциаций на основе своих убеждений или из соображений престижа. Соответственно под социальным вознаграждением имеется в виду богатство, власть и престиж. Там, где наблюдаются нарушения в распределении вознаграждения, задеваются интересы, что и оказывается источником напряженности, более или менее значимой. Эти интересы связаны с определенными областями функционирования общества — трудом, бизнесом, религией, образованием, семьей или «публикой».

Напряженность на уровне норм сопряжена прежде всего с уровнем интеграции взаимодействия людей, а на уровне ценностей она переплетается с взаимодействием различных культурных, религиозных и идеологических установок, приверженность к которым четко обозначает идейно-мировоззренческие установки индивидов.

Тот факт, что любая точка напряженности может перерасти в конфликт и стать причиной коллективного поведения, вовсе не означает, что в накоплении напряженности действует полный произвол. Предложенная Смелзером аналитическая схема опирается на обобщение огромного эмпирического материала, заимствованного из американской истории. Смелзер опирается на исторические исследования борьбы за гражданские права и становление американского федерализма, на детальный анализ многообразных этнических и социально-политических движений XIX в. в США, на знание стачечного движения и изменений в законодательстве, связанных с регулированием отношений между бизнесом, профсоюзами и рабочим классом. Он уделяет особое внимание вспышкам насилия в американской истории нового времени. Суть его концепции состоит в том, что психологические состояния, определяющие новое видение ситуации и вызывающие к действию, развиваются по принципу «добавления к стоимости». В развитии коллективных настроений, подготавливающих вспышки насилия и ненависти, одно состояние при определенных обстоятельствах может перейти в другое.

Исходной точкой развития становится ситуация неопределенности. Массовая психология направлена на то, чтобы уменьшить напряжение, возникающее на основе двойственности ситуации. При этом первой реакцией на возникновение двойственности или неопределенности оказывается распространение слухов и истерическая реакция. Смысл массовой истерии состоит в том, что она превращает ситуацию неопределенности в абсолютную угрозу. Это негативная реакция на двойственность ситуации, которая становится источником паники, а возможно, и разрушительных массовых действий. Промежуточный этап между неопределенностью и истерией состоит в крайнем возбуждении, которое порождается неясностью перспективы действия, неуверенностью в смысле и направленности действия, не говоря уже о выборе

средств. В обстановке неопределенности человек находится в состоянии возбуждения потому, что он не знает, чего он должен бояться, а когда он переходит в истерическое состояние, он по крайней мере полагает, что он знает, откуда исходит опасность. Истерия вносит определенность, но эта определенность, как правило, связана с формированием образа источника опасности — врага, который ответствен за создание ситуации неопределенности.

Изучение конфликтных ситуаций и событий так называемого коллективного поведения показывает, что истерия и крайнее возбуждение — не единственные формы реакции на неопределенность ситуации. Контрбалансом этим психологическим состояниям служит надежда на лучший исход событий, которая оказывается столь же существенной характеристикой коллективного поведения, как и истерия. Оптимистическая оценка ситуации неопределенности опирается на ее собственные позитивные компоненты и на оптимистический настрой в поведении человека. Именно поэтому при возникновении кризисных ситуаций, при резком повороте событий нельзя предсказать исхода. Он во многом зависит от соотношения негативной и позитивной оценок ситуации, от истерических компонентов ситуации, которая перерастает во враждебность, насилие, желание найти «козла отпущения» и выместить на нем свою злобу и от надежды на лучший исход дела — (wish-fulfilment beliefs), с помощью которых структурируется ситуация неопределенности. Дальнейший механизм разрешения ситуации Смелзер связывает с социальными движениями двух типов. Первые им обозначаются как нормативно ориентированные, вторые — как ценностно ориентированные. Первые как бы не затрагивают ценностных устоев действия, и в этой связи они могут быть охарактеризованы как реформистские, вторые ориентированы на изменения ценностных оснований системы. В эту рубрику попадают религиозные — преимущественно сектантские движения, движения национальные и социально-политические, характеризующиеся в современном мире через совокупность различного рода «измов».

Среди тех примеров напряженности, которые приводит Смелзер по ходу конструирования своей теории коллективного поведения, особого внимания заслуживает эпизод, связанный с развитием космической техники. Шоковое воздействие на общественное мнение США, на ученый мир и правительственные структуры этой страны произвели запуск первого советского спутника в 1957 году, а затем и первого космонавта в 1961 году. Это стало мощным источником социальной напряженности национального масштаба: самая богатая страна оказалась отставшей в важнейшем направлении развития науки и техники. Смелзер показывает, что возможны были разные стратегии снятия этой напряженности — от финансирования отдельных проектов до радикальных перемен в общественно-политическом устройстве. В результате был найден оптимальный уровень решения проблемы, который предусматривал отнюдь не частные изменения. Основной упор был сделан на изменение отношения к научному знанию в обществе в целом, на повышение престижа исследовательской работы.

В целом же при регулировании напряженности Смелзер возлагает особые надежды на информационную и психологическую подготовку населения, на разработку специальных программ, которые предотвращали бы негативное воздействие ситуации неопределенности и содействовали бы упорядочению психологических реакций, основанных на более глубоком понимании происходящего, на повышении авторитета компетентного знания и искусства управления в противоположность взрывам истерии, вспышкам насилия, упованию на харизматического лидера или на новые идеологические доктрины, неизбежной составляющей которых остаются различного рода утопические надежды.

Конфликт и модернизация общества в теории Ральфа Дарендорфа. Основная работа Ральфа Дарендорфа «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» была опубликована в 1957 году, то есть через 12 лет после окончания второй мировой войны. Автор этой книги родился в довоенное время, ужасы войны он пережил в детстве и в подростковом возрасте. Несомненно, что главным вопросом для него стал, как и для многих обществоведов его поколения, вопрос об интерпретации мира.

В готовом виде Дарендорф еще в студенческие годы застаёт две доминирующие интерпретации. Одна — предложенная американской социологией и воплощенная в теории социального действия Т. Парсонса. Другая — марксистская интерпретация действительности, положенная в основу тех политических систем, которые утвердились в Восточной Европе и в Советском Союзе после разгрома фашистской Германии. Ни та, ни другая интерпретация не удовлетворяют социолога. Он видит их «идеологизм», стремление оправдать соответствующие, хотя и противостоящие друг другу, системы власти.

В своем критическом анализе сложившихся интерпретаций мира Дарендорф стремится к максимальному объективизму. Он постоянно опирается на первоисточники, прибегая к обильному цитированию соответствующих авторов, и прежде всего К. Маркса и Т. Парсонса. Вся первая часть его работы «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» полностью посвящена разбору основных положений марксистской социологии. Дарендорф не без оснований исходит из того обстоятельства, что наиболее важная часть марксистской концепции — теория класса, и прежде всего теория осознания классом своих собственных интересов. Именно в классовом противостоянии основной источник конфликта в капиталистическом обществе XIX в. Маркс не придумывает социологические понятия. Его теория классового конфликта представляет собою осмысление двух наиболее важных процессов европейской истории XVII-XIX вв. — Великой Французской революции 1789-1793 гг. и промышленной революции, развернувшейся в Англии и других европейских странах. Ни тот, ни другой процесс не мог быть понят вне категорий классов и классовой борьбы.

Ральф Дарендорф предложил следующую классификацию социальных конфликтов:

1. По количеству участников конфликтного взаимодействия:

- внутриличностные - состояние неудовлетворенности человека какими-либо обстоятельствами своей жизни, которые связаны с наличием у него противоречащих друг другу потребностей, интересов, стремлений и могут вызвать аффекты;
- межличностные - разногласие между двумя или более членами одной группы или нескольких групп;
- межгрупповые - происходят между социальными группами, которые преследуют несовместимые цели и своими практическими действиями препятствуют друг другу.

2. По направленности конфликтного взаимодействия: горизонтальные - между людьми, не находящимися в подчинении между собой; вертикальные - между людьми, находящимися в подчинении между собой; смешанные - в которых представлены и те, и другие. Наиболее распространены вертикальные и смешанные конфликты, составляющие в среднем 70-85% от всех конфликтов.

3. По источнику возникновения:

- объективно обусловленные - вызванные объективными причинами, устранить которые можно, только изменив объективную ситуацию;
- субъективно обусловленные - связанные с личностными особенностями конфликтующих людей, а также с ситуациями, которые создают преграды на пути удовлетворения их желаний, стремлений, интересов;

4. По своим функциям:

- созидательные (интегративные) - способствующие обновлению, внедрению новых структур, политики, лидерства;
- разрушительные (дезинтегративные) - дестабилизирующие социальные системы.

5. По длительности протекания:

- кратковременные вызванные взаимным непониманием или ошибками сторон, которые быстро осознаются;
- затяжные - связанные с глубокими нравственно-психологическими травмами или с объективными трудностями. Длительность конфликта зависит как от предмета противоречия, так и от черт характеров столкнувшихся людей.

6. По своему внутреннему содержанию:

- рациональные - охватывающие сферу разумного, делового соперничества, перераспределения ресурсов;

- эмоциональные - в которых участники действуют на основе личной неприязни.

7. По способам и средствам разрешения конфликты бывают мирными и вооруженными:

8. По учету содержания проблем, вызвавших конфликтные действия, выделяют экономические, политические, семейно-бытовые, производственные, духовно-нравственные, правовые, экологические, идеологические и другие конфликты.

9. По форме: внутренние и внешние.

10. По характеру развития: преднамеренные и спонтанные.

11. По объему: глобальные, локальные, региональные, групповые и личные.

12. По используемым средствам: насильственные и ненасильственные.

13. По влиянию на ход развития общества: прогрессивные и регрессивные.

14. По сферам общественной жизни: экономические (или производственные), политические, этнические, семейно-бытовые.

Главный конфликт европейской истории XIX в. — это конфликт между предпринимателем и рабочим. Он развертывается в промышленной сфере, которая была на протяжении прошлого столетия доминирующей сферой общества. В этом пункте и именно в данных исторических границах Дарендорф полностью солидаризируется с Марксом.

Большое место Дарендорф уделяет механизмам развертывания классового конфликта. Для понимания этих механизмов особое значение имеет теория превращения «класса-в-себе» в «класс-для-себя», сформулированная К. Марксом. До тех пор, пока интересы класса остаются неосознанными, невысказанными и несформулированными, класс не выступает на политическом поприще в качестве самостоятельной общественной силы, он остается «квази-группой». У него имеются потенциальные предпосылки к объединению, но само объединение еще не происходит. Класс становится действительной общественной силой лишь тогда, когда он — благодаря своим идеологам и политическим представителям - обретает голос. Этот процесс завершает становление класса, превращает его в реальную политическую силу и «заинтересованную группу» в обществе. Наиболее важный признак становления класса в качестве самостоятельного субъекта исторического действия заключается, по Дарендорфу, в возникновении ассоциации — организации, претендующей на «выражение» классовых интересов или интересов некоторой иной «квази-группы». Ассоциация приобретает политический и юридический статус. Политическая партия — один из видов ассоциации. Ее формальным признаком является сознательное членство.

В связи с анализом проблемы превращения «класса-в-себе» в «класс-для-себя» Дарендорф обращается к дискуссии о природе интересов. Он показывает, что вопрос об объективности или субъективности интересов постоянно возникает в истории социологической мысли. По его мнению, интересы не есть объективно заданные силы, они объективно-субъективны. В их структуре можно выделить латентный компонент, связанный с требованиями, вытекающими из ролевых позиций субъекта, и явный компонент или явные интересы, которые представляют собою психологические реальности. Благодаря этим явным или осмысленным интересам чувства, воля и желания субъекта, в том числе и личности, направляются к некоторой цели. В марксистской традиции это понятие сближается с категорией классового сознания.

Особое место в дифференциации и поляризации интересов занимает, по Дарендорфу, отношение к власти или авторитету. Вслед за Вебером он определяет власть как способность осуществить свою волю, невзирая на сопротивление и независимо от оснований, на которых основывается сама эта способность. Авторитет в большей мере связан с легитимным признанием отношений господства (доминирования) и подчинения. Эти отношения пронизывают все структуры общественной жизни, так как ни одно совместное действие не может осуществиться без разделения уровней ответственности, то есть без авторитета и власти.

Отношения авторитета существуют при всех исторических условиях и в любых социальных образованиях. Свойства этих отношений заключаются в следующем:

1. Они всегда субординированны.

2. Вышестоящие инстанции осуществляют управление нижестоящими, и это соответствует ожиданиям. Средствами управления являются распоряжения и команды, предупреждения и запреты по отношению к конкретным действиям нижестоящих инстанций.

3. Ожидания, обосновывающие правомочность управления, относятся не к лицам, а к социальным позициям.

4. В силу этого обстоятельства отношения авторитета касаются лишь ограниченной сферы. В этом отличие авторитета от власти, которая стремится к обобщенному, а не специфическому управлению.

5. Поддержание авторитета — одна из функций правовой системы.

Отношения авторитета обязательно включают в себя ситуацию конфликта, так как та группа, которая обладает авторитетом, заинтересована в сохранении соответствующих структур, а группы, которые лишены доступа к власти заинтересованы в изменении тех условий, которые лишают их причастности к авторитету-власти.

XX век означает вступление в постиндустриальное общество, в котором снижается значение классового конфликта. Этот век внес, по мнению Дарендорфа, решающие изменения в социальную структуру общества. Прежде всего, развитые общественные системы перестали быть индустриальными обществами в строгом смысле слова. Промышленность и вместе с нею промышленное предприятие перестали играть доминирующую роль в организации общественных связей и отношений. Маркс и его последователи не смогли уловить этого перехода к постиндустриальной цивилизации. Промышленное предприятие перестало быть главным институтом, основной клеточкой этого постиндустриального общества, а вместе с этим изменением потерял свое значение и классовый конфликт между предпринимателем и рабочим. Этот конфликт перестал влиять на все стороны общественной жизни, перестал играть роль основного противоречия и главного конфликта. Он оказался локализован в рамках предприятий или отраслей промышленного производства.

Не менее важным обстоятельством, меняющим картину общественных отношений, стал факт институционализации этого конфликта. Рабочие и предприниматели западных стран выработали формы регулирования конфликта по поводу распределения прибыли и заработной платы. Отраслевые профсоюзы, законодательство, посреднические фирмы, государственная политика регулирования конфликтов — все это оказалось новой реальностью, благодаря которой была устранена крайняя напряженность классовой борьбы, пронизывающая ткань общественных отношений в XIX в.

Все это не означает устранение конфликта из жизни общества в принципе. Наоборот, конфликты становятся более многообразными, так как увеличивается многообразие линий дифференциации интересов и соответственно линий распределения авторитета.

Вместо общества, которое было резко поляризовано — дихотомизировано, возникает плюралистическое общество, с пересекающимися интересами.

Изменение характера конфликтов в обществе влечет за собой и изменение типов структурных изменений. Дарендорф выделяет три основных варианта структурных преобразований.

Первый состоит в том, что в ходе преобразований полностью меняется состав правящего слоя, занимающего доминирующие позиции в ассоциации или обществе. Это преобразование революционного типа, и в качестве примера Дарендорф приводит здесь русскую революцию.

Второй вариант предполагает частичную замену правящего слоя. Это скорее эволюционное, чем революционное, изменение, в большей мере соответствующее практике структурных изменений в европейских странах. Так, в Великобритании при смене кабинета министров в результате выборов новой правящей партии сохраняется прежний состав

администрации, что обеспечивает преемственность государственной деятельности и большую стабильность государственных интересов.

Третий тип изменений вообще не предполагает изменения состава персонала. Изменяется политика, проводимая существующей властью. Правящая партия имеет возможность включить в свою программу требования оппозиции и корректирует свою собственную политическую линию сообразно с этими требованиями. Такой вариант изменений наиболее медленный, но вместе с тем он во многих случаях оказывается наименее болезненным. Хорошо регулируемый конфликт ближе всего именно к этому третьему варианту структурных изменений.

Посткапиталистическое общество XX в. характеризуется прежде всего изменениями в самом типе структурных преобразований. В этом обществе вырабатываются нормы регулирования конфликтов, что связано, с одной стороны, с индустриальной демократией, а с другой стороны, с политической демократией.

Дарендорф считает, что индустриальная демократия и политическая демократия — главные системы институтов, характерные для европейских государств после второй мировой войны, и главные условия обеспечения социального мира и благоденствия. Что касается индустриальной демократии, то она представляет собою новый тип взаимоотношений между рабочим и предпринимателем в промышленности, который характеризуется следующими моментами. Прежде всего ей свойствен высокий уровень организованности противостоящих сторон: интересы предпринимателей защищаются самой организацией производства, финансовой мощью и законодательством. Но и интересы труда представлены достаточно мощными профсоюзными организациями, которые опираются на силу закона. Каждая из сторон имеет выработанные формы представительства не только на общенациональном уровне, но и в пределах каждого предприятия. Благодаря этому обеспечивается участие рабочих в управлении промышленностью.

Как индустриальная демократия, так и политическая возникли отнюдь не сразу. Западные страны вынуждены были прийти к ним, чтобы сохранить стабильность или чтобы найти пути выхода из кризиса в 30-е годы. Это новые формы общественных отношений, противостоящие тоталитарным обществам и тоталитарным структурам. Вместе с тем демократия в сфере индустриальных отношений, как и в сфере политики, не устраняет конфликта, ибо конфликт — по Дарендорфу — исходная клеточка социальной жизни. В этом пункте Дарендорф вступает в полемику, но уже не с К. Марксом, а с Т. Парсонсом.

Конфликт — неизбежный результат всякой системы управления, любой иерархически организованной системы. Идеал полного социального равенства — несомненная утопия, вредное заблуждение, которое приводит лишь к разрушению эффективности всякой совместной деятельности.

В западном посткапиталистическом обществе возникают большие возможности регулирования классового конфликта, который не устраняется, а локализуется в отраслевых рамках или рамках предприятия. Дарендорф считает, что применение термина «регулирование» применительно к конфликту гораздо точнее, чем термина «разрешение». Понятие «разрешение конфликта» вводит в заблуждение, оно отражает социологически ошибочную идеологию, согласно которой полное устранение конфликта возможно и желательно. Это по мнению Дарендорфа.

Для успешного регулирования конфликта, как он считает, важны три обстоятельства.

Во-первых, наличие ценностных предпосылок. Каждая из сторон конфликта должна признавать наличие конфликтной ситуации, и в этом смысле ее исходная позиция состоит в том, что за оппонентом признается само право на существование. Это не означает, разумеется, признания справедливости содержательных интересов оппонента. Иными словами, регулирование конфликта невозможно, если одна из сторон заявляет, что противоположная сторона не имеет права на существование или что позиция противоположной стороны не имеет под собою никаких оснований.)

Конфликт невозможно регулировать и в том случае, когда стороны или сторона заявляют об общности интересов. Это также своеобразная форма отрицания наличия самого конфликта. Решающим моментом в регулировании конфликта является признание различий и противостояния.

Во-вторых, чрезвычайно важным моментом в регулировании конфликта является уровень организации сторон. Чем более организованными являются обе стороны, тем легче достичь договоренности и исполнения условий договора. И наоборот, диффузный и расплывчатый характер интересов, их рассеянность делает невозможным регулирование конфликтов.

В-третьих, конфликтующие стороны должны согласиться относительно определенных правил игры, при соблюдении которых возможно сохранение или поддержание отношений между сторонами. Эти правила должны предоставлять равенство возможностей для каждой из сторон конфликта. Они должны обеспечивать некоторый баланс в их взаимоотношениях.

Регулирование конфликтов обеспечивается специальными институтами парламентского типа, которые должны:

а) обладать полномочиями на ведение переговоров и достижение согласия. Предполагается, что эти институты должны быть в достаточной степени автономными;

б) эти институты должны обладать монополией на представительство интересов своей стороны;

в) решения, принятые этими институтами, должны быть обязательными;

г) они должны действовать демократически.

Процедурные аспекты регулирования конфликтов состоят в примирении, посредничестве и арбитраже. Включение этих процедур в жизнь общества сужает возможности насильственного развития классового конфликта. Важна, следовательно, не революция, устраняющая классы, а эволюционные изменения, где классовые интересы поддаются постоянному регулированию в постоянно меняющемся мире.

Эволюционный характер структурных преобразований обеспечивается также и всей совокупностью институтов, составляющих современную политическую демократию. Одно из главных свойств политической демократии состоит в том, что общественные группы, не участвующие во власти непосредственно, обладают собственными организациями. Это обеспечивается свободой объединений и развитыми системами коммуникаций. Благодаря этому все конфликтующие стороны и их интересы признаются институционально. Парламентские органы обеспечивают систему регулярного примирения между партиями. Особое значение при этом имеют правила игры, основанные на конституции государства и на совокупности утвержденных процедур и регламентов, способствующих выработке решений. Суть этих правил состоит в ограничении монополии на власть со стороны правящей партии. Они обеспечивают всем сторонам политического конфликта законные ожидания того, что в будущем они могут получить власть.

Дарендорф всесторонне анализирует вопрос: кому же принадлежит власть в демократическом государстве? Он не согласен с той весьма распространенной точкой зрения, что за политическими институтами и учреждениями имеются некоторые «реальные» скрытые силы, которые определяют деятельность этих институтов. Он полагает, что правящий класс — не какая-то тайная пружина в общественном организме. Это совокупность тех лиц, которые занимают реально значимые политические должности и позиции. В этой связи он вводит понятие ситуационного класса. Как он пишет, премьер-министр, президент, спикер парламента, председатель Верховного суда обладают реальной властью. В своей деятельности они опираются на парламент и на администрацию. Правящий класс в буквальном смысле слова состоит из бюрократии и правительства. Парламент же частично входит в правящий класс, а частично представляет собою оппозицию. Что касается бюрократии, то она, согласно Дарендорфу, не может быть самостоятельным классом. Ее латентные интересы всегда направлены на сохранение того, что существует. Но то, что существует, определяется не самой бюрократией. Осуществление власти в современном обществе невозможно без бюрократии, но

и власть самой бюрократии невозможна, так как она не представляет собою единого класса. Ее власть, по Дарендорфу, не самостоятельна, она как бы делегирована ей для осуществления исполнительских функций подлинными носителями власти. Кроме того, бюрократия оказывается постоянной составляющей политического конфликта. Она сопровождает и поддерживает любую группу, которая находится у власти, причем только до тех пор, пока эта группа обладает властными полномочиями. Это слой, обслуживающий реальную власть, который проводит в жизнь директивы правящего слоя с обязательным условием лояльности по отношению к этому слою.

Одно из наиболее важных свойств демократического общества состоит в том, что оно строится на признании допустимости конфликта и многообразия несовпадающих интересов. Властные структуры призваны регулировать соответствующие конфликты, не позволяя им обостряться до насильственных форм. В обществе тоталитарного типа конфликт не признается. Он изгоняется из области регулирования общественных отношений и заменяется единообразием и полным согласием с существующей системой власти. Однако и демократическое, и тоталитарное общества Дарендорф рассматривает не столько как реально существующие политические структуры, а как определенные идеальные типы. В реальной политической жизни наблюдается наличие тоталитарных элементов в демократии, и наличие демократических тенденций в рамках тоталитарного политического устройства. Поэтому, по мнению Дарендорфа, борьба между демократией и тоталитаризмом не является главным политическим конфликтом послевоенной истории. В каждом реально существующем обществе идет внутренняя борьба между силами тоталитаризма и силами демократии и центральное место в этой борьбе занимает вопрос о допустимости конфликта и о методах его регулирования.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. Кто является автором книги «Социальный конфликт и социальные движения»?
2. Что понимается под конфликтом в социологии Макса Вебера?
3. Назовите основные идеи Эмиля Дюркгейма о конфликте как форме социальной девиации?
4. Каково значение работы Толкотта Парсонса «Структура социального действия» для анализа социального конфликта?
5. Перечислите главные этапы социальных изменений (по Т. Парсосу и Н. Смелзеру).
6. Назовите автора работы «Теория коллективного поведения».
7. Какие компоненты социального действия Вы знаете (по Н. Смелзеру)?
8. Кто является автором работы «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе»?
9. Назовите классификацию социальных конфликтов по различным основаниям (по Р. Дарендорфу).
10. Изменение характера конфликтов в обществе влечет за собой и изменение типов структурных изменений. Р. Дарендорф выделяет три основных варианта структурных преобразований. Перечислите их.

Тема 3. Социальная конфликтность в контексте российской истории: краткий эскиз

Рассмотрев вкратце европейские и американские подходы к конфликту, остановимся и на российской традиции или на российских традициях и подходах к решению конфликтных ситуаций. Исходный момент здесь заключается в том, что российское общество XIX в. было расколотым обществом. Крестьянская и дворянская культура, крестьянский и дворянский образ жизни соприкасались и порото весьма тесно, но почти не перекрещивались между собою. Это достаточно обстоятельно зафиксировано в художественной литературе, в классических ее образцах. На этой основе в России разворачивается и нарастает политический конфликт, первым

знаком которого было восстание декабристов 1825 года. Поражение восстания оказалось обусловленным не только мощью самодержавия, но и в не меньшей степени расколом самой революционной группы на сторонников умеренных преобразований и радикалов.

Крупный шаг в разрешении фундаментального национального конфликта был предпринят в ходе реформ 60-х годов. Речь идет об отмене крепостного права в 1861 году (время гражданской войны в США и жесткого очерчивания интересов национальных государств в Европе в качестве определенного протеста на доминирование российских интересов после 1815 года). Однако и в этот процесс вмешивается российский радикализм и максимализм. После событий 1 марта 1881 года начинается эпоха реакции и контрреформ, характерная для всего царствования Александра III. Эта же линия боязни реформирования общества прослеживается в качестве доминирующей и в царствование Николая II. Русская общественная мысль в этих условиях раскалывается. Одна линия связана с воспеванием революции, другая — с ее проклятиями. Между ними нет промежуточных вариантов и точек соприкосновения. Главный конфликт конца XIX-начала XX в. носит не классовый характер, как в это время в Западной Европе, а общедемократический, гражданский характер. Это конфликт между деспотизмом и произволом самодержавной монархии, с одной стороны, и общегражданскими правами пробуждающегося к самостоятельной жизни населения страны — с другой. В идеологическом плане полюса политической жизни закрепляются, с одной стороны, в концепциях религиозно-мессианского характера и предназначения России к неким великим свершениям и, с другой стороны, в прозападнических революционных теориях, берущих на свое вооружение идеи насильственных революционных преобразований.

В разных вариантах российского мировоззрения проблема конфликта занимала различное место.

Христианская религиозная философия обращалась к идее соборности, которая, по сути дела, не оставляла места для понимания каких-либо конфликтных отношений. Личность здесь растворялась в целостности народа, церкви, религии и государства. Конфликт мог рассматриваться с этой точки зрения лишь как ересь, отклонение от русской православной идеи и, естественно, должен был преследоваться и наказываться.

Революционные доктрины рассматривали конфликт, прежде всего, в терминах эксплуатации, личной зависимости и, несколько позже, в терминах классовой борьбы с указанием на классовую природу государства, о чем говорилось выше. На российской почве была развита теория трех форм классовой борьбы — экономической, политической и идеологической, — сыгравшая огромную мобилизующую роль в ходе революционных преобразований.

Либеральные теории и доктрины не получили особого распространения на российской почве. Кадетская партия, хотя и обладала известной политической устойчивостью, не имела особого влияния на принятие политических решений ни в годы распутинщины, ни тем более в постреволюционный период, когда она оказалась одной из первых запрещенных политических организаций.

Крайняя идеологизация конфликта, использование таких формул, как «если враг не сдается, его уничтожают» или «кто не с нами, тот против нас», стали, по сути дела, трагической особенностью российской истории, содействовавшей превращению революции в гражданскую войну, а впоследствии — установлению тоталитарного политического режима. В российском национальном самосознании было очень мало места для терпимости, для понимания точки зрения противоположной стороны, для посреднической деятельности в любых ее вариантах. Великие цели требовали великих жертвоприношений. Никто не хотел уступать, и свою правоту каждый был готов отстаивать ценой собственной жизни, не говоря уже об имуществе, собственности и прочих меркантильных интересах, которые отчуждались любыми вариантами русского национального самосознания. Идеал «духовности», к которому теперь столь часто обращаются, отнюдь не способствовал началу смирения и кротости. Наоборот, он требовал самопожертвования.

В этом плане чрезвычайно поучительна и роль толстовства как примиренческой идеологии, как попытки отстоять принцип непротivления злу насилieм. Прежде всего не следует забывать, что великий русский правдолюбец был предан анафеме ортодоксальной православной церковью, что для него было большим испытанием. Но и преклонение перед Толстым, стремление обрести в нем учителя жизни, характерное для интеллектуальных кругов второй половины первого десятилетия, то есть для эпохи послереволюционной (после первой русской революции 1905 года), не оказалось источником действия. Примиренческий потенциал, заложенный в толстовстве, оказался невостребованным. Слишком велики оказались людская злоба и ненависть, аккумуляировавшие в себе целые века взаимного отчуждения, господства и подчинения, принуждения и насилия, борьбы против этого насилия, выразившейся в истории российских бунтов или крестьянских войн, не приводивших страну к победе новых религиозных канонов. Более того, они оказались сконцентрированными на очень узком поле политического пространства, где почти каждое действие усугубляло это чувство взаимной неприязни и ненависти.

Что касается послереволюционного периода (после 1917 года), то, *во-первых*, в этот период утвердились концепции классовой борьбы; *во-вторых*, масса ненависти после гражданской войны оказалась неисчерпанной; *в-третьих*, образ или стереотип «врага народа» стал одним из господствующих политических стереотипов в массовом сознании. Официальная доктрина догматизированного марксизма, а с 1929 года «марксизма-ленинизма» играла огромную роль в мобилизации психологической энергии масс на преобразования такого масштаба, которые нельзя сравнивать с петровскими преобразованиями. Человек, личность был лишь материалом истории, ничтожной частью всемирных деяний, направленных на торжество «справедливости» во всемирно-историческом масштабе, с точки зрения которого «личная справедливость» и личная судьба были лишь помехой. Классовая битва шла в историческом масштабе, конфликты на более низких уровнях не могли иметь самостоятельного значения.

Такой подход к действительности, точнее говоря, такой способ видения и конструирования социальной реальности объясняет тот факт, что хотя в советской обществоведческой литературе обсуждалась проблема противоречий в разных ракурсах, но это обсуждение никогда не опускалось до дискуссии о конфликте, который имел вполне конкретный и осязаемый характер. Наоборот, долгое время в качестве установочной точки зрения по отношению к литературе и искусству господствовал принцип бесконфликтности, согласно которому конфликты могли иметь место лишь в качестве пережитков прошлого или быть свойством чуждой классовой среды. Считалось, что в советском обществе было достигнуто единство и даже сами противоречия играют в нем все более относительную роль. Но и понимание социальной конфликтности в таком контексте также весьма относительно, поскольку ее латентные формы совсем не учитывались, что и было подтверждено теми стремительными социальными трансформациями, которые произошли в самом конце советской истории. Но это был результат скорее замалчивания скрытой (латентной) конфликтности, нежели непонимание ее реального наличия.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. Как рассматривался конфликт в рамках христианская религиозная философия в России конца XIX-начала XX в.в.?
2. Как революционные доктрины рассматривали конфликт в России конца XIX-начала XX вв.?
3. Что нового в теорию конфликта внесли либеральные теории и доктрины в России конца XIX-начала XX вв.?
4. С чем связана крайняя идеологизация конфликта в России конца XIX-начала XX вв.?
5. Какова роль толстовства как примиренческой идеологии, как попытки отстоять принцип непротivления злу насилieм при разрешении конфликта?

6. Дайте характеристику послереволюционного периода (после 1917 года) развития теории конфликта в России.

7. Какое направление стало господствующим в общественных науках в России, начиная с 1929 года?

8. Что Вы понимаете под латентной конфликтностью?

Раздел 2. Динамика социальной конфликтности: ее мотивация и движущие силы

Тема 4. Динамические силы и закономерности социального конфликта

Конфликты разного рода пронизывают не только всю историю человечества и историю отдельных народов, но и жизнь каждого конкретного человека. Если говорить о самом общем определении конфликта, то его можно было бы дать следующим образом: *конфликт представляет собой столкновение интересов различных групп, сообществ людей, отдельных индивидуумов*. При этом само по себе столкновение интересов *должно быть осознано обеими сторонами конфликта*: люди, действующие лица, участники общественных движений, в самом развитии конфликта начинают понимать его содержание, приобщаются к тем целям, которые выдвигают конфликтующие стороны и воспринимают их как свои собственные. Разумеется, что конфликт может быть вызван существенными причинами, затрагивающими сами основы существования соответствующих конфликтующих групп, но он может быть и иллюзорным, воображаемым конфликтом, когда люди полагают, что их интересы несовместимы и взаимоисключают друг друга, а «на самом деле» можно не обострять конфликт, жить в мире и согласии.

В развитии конфликта, в переходе его в стадию крайнего обострения, многое зависит от того, как именно воспринимаются самые исходные, начальные события, приводящие к развитию конфликта, какое значение придается конфликту в массовом сознании и в сознании лидеров соответствующих общественных группировок. Для понимания природы конфликта и характера его развития особое значение имеет «теорема Томаса», которая гласит:

Если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям. Применительно к конфликту это означает, что если есть несовпадение интересов между людьми или группами, но это несовпадение не воспринимается, не ощущается и не чувствуется ими, то такое несовпадение интересов не приводит к конфликту. И наоборот, если между людьми имеется общность интересов, но сами участники ощущают друг к другу враждебность, то отношения между ними будут обязательно развиваться по схеме конфликта, а не сотрудничества. Сознание конфликта, ощущение враждебности намерений, реакция на воображаемую или реальную угрозу, состояние подавленности, угнетения порождают превентивные или защитные действия той стороны, которая чувствует ущемленность и связывает этот дефект с действиями некоторых иных групп или людей. Так воображаемое превращается в действительное.

В конфликте люди нередко сталкиваются с ситуацией, когда не «бытие определяет сознание», а сознание определяет «действительное положение вещей». Так оно и происходит в массе конкретных случаев, в каждом из которых некоторая реальность переплетается с определенными формами воображения. Это очень важно понять, анализируя межличностные, межгрупповые, социально-политические, идеологические (ценностные), территориальные, национально-этнические конфликты.

Обращаясь к тому, что предлагает нам жизнь в современном обществе, попытаемся разобраться, как «устроен конфликт». Предварительное расчленение этого вопроса предполагает необходимость выяснения трех исходных позиций:

- а) Кто участники конфликта? Кто ведет борьбу и с кем?
- б) За что именно идет борьба? Что является предметом спора и в какой мере предмет конфликта осмыслен его участниками?
- в) Какие средства применяются для достижения своих целей той и другой стороной? Углубляют ли эти средства конфликт или же они оставляют возможность умиротворения сторон?

Ответы на эти вопросы образуют своего рода трехмерное пространство, которое может помочь разобраться в содержании конфликта.

Кто ведет борьбу? В политике, коммерции, трудовых отношениях и повседневной жизни часто можно встретить ситуации, в которых участники конфликта подразделяются на тех, кто открыто выступает друг против друга, и тех, кто как бы смотрит со стороны, а подчас и стимулирует конфликт, надеясь получить от него прямую или косвенную выгоду. В прямом конфликте сталкиваются интересы двух сторон: например, двух претендентов на одно место, двух национально-этнических сообществ или государств по поводу спорной территории, двух политических партий при голосовании проекта закона и т.д.

Однако при более внимательном изучении ситуации выясняется, что этот прямой конфликт или открытое столкновение интересов сопряжено с более сложной системой отношений. Так, претенденты на одно место оказываются не просто равновеликими личностями, обладающими одинаковыми правами и притязаниями на должность. Каждый из претендентов поддерживается определенной группой людей. Если должность или позиция, по поводу которой разгорается конкуренция, имеет отношение к власти, к возможности распоряжаться другими людьми, то эта позиция является престижной, оцениваемой достаточно высоко со стороны общественного мнения. Поэтому не исключается, что открытое столкновение двух противоборствующих претендентов может быть инициировано третьей стороной или третьим участником, который до поры до времени остается в тени и ожидает, когда обстоятельства приведут к дискредитации соперников и общественное мнение склонится в пользу того, кто не участвовал до сих пор в борьбе за престижное место.

Весьма популярным в политике и коммерции является провоцирование конфликтов в тех же самых целях — дискредитации неявных противников и оппонентов через их взаимное самоистребление. Рассматривая вопрос об участниках конфликта, нужно, следовательно, различать прямых и косвенных участников, более широкий круг заинтересованных сторон, определить, в какой мере конфликт отвечает интересам сторон, а в какой мере он является спровоцированным. Возможно, что выявление всех этих аспектов сложной конфликтной ситуации само по себе будет способствовать урегулированию конфликта: каждая из сторон поймет, что она была лишь пешкой в более крупной игре.

Совсем недавно, в 90-х годах прошлого века, в условиях становления демократических институтов власти в России в качестве реальных субъектов конфликта на макроуровне выступали структуры Президентской власти, Правительство, Государственная Дума, Конституционный суд. Достижение консенсуса между этими участниками политического процесса обеспечило бы способность этих структур использовать властные полномочия в целях разрешения конфликтов на более низких уровнях общественной жизни. И напротив, конфликтность на верхних этажах власти стимулировало распространение конфликтных ситуаций в сферах, подлежащих регулированию со стороны правительства.

Большое значение в создании конфликтных ситуаций имеет личностный компонент, то есть способность конкретных политических деятелей, занимающих соответствующие позиции в структурах власти, обострять и без того напряженные отношения своими высказываниями или действиями. Многие депутаты и государственные деятели самого высокого ранга не всегда взвешивали последствия своих слов, не осознавали того, что слово политика воспринимается в общественном мнении не так, как слово частного лица и рядового гражданина. Разумеется, в политике действуют живые люди с их слабостями, достоинствами и недостатками, симпатиями и антипатиями, с их собственным кругозором и уровнем культуры. Но это тот слой людей, который воплощает и осуществляет представительские функции, поэтому всякий жест, слово и реплика политического деятеля воспринимаются как действие властной функции, расширяющей пространство влияния конкретной личности. Конкретных людей нельзя превратить в функции их политических ролей и позиций, но культура политического поведения предполагает по возможности устранение личных амбиций, симпатий и антипатий прежде всего тех людей, которые обладают властью. Неустраняемая личная антипатия или чувство

враждебности между политическими деятелями в высших эшелонах власти влечет за собой дополнительную напряженность, повышает коэффициент конфликтности политических отношений.

Рассматривая вопрос об участниках конфликта, необходимо заметить, что всякий конфликт так или иначе персонифицирован. У каждой из сторон конфликта имеются свои лидеры, вожди, руководители, идеологи, которые озвучивают и транслируют представления своей группы, формулируют «свои» позиции и представляют их в качестве интересов своей группы. При этом зачастую бывает трудно разобраться, выдвигает ли того или иного лидера сложившаяся конфликтная ситуация или он сам создаст эту ситуацию, поскольку он — благодаря определенному типу поведения — занимает позицию лидера, вождя, «выразителя интересов» народа, этнической группы, класса, социальной прослойки, политической партии и т.д. Во всяком случае, в любом конфликте личностные особенности лидеров играют исключительную роль. В каждой конкретной ситуации они могут вести дело на обострение конфликта или находить средства для его урегулирования.

Лидера поддерживает определенная группа, но эта поддержка почти всегда осуществляется на некоторых условиях. Определенные члены «группы поддержки» находятся одновременно в отношениях соперничества или конкуренции за позиции в лидировании. Следовательно, лидер вынужден считаться не только с противоположной стороной в конфликте, но и с тем, как он будет воспринят в своей собственной среде, насколько прочна его поддержка среди его собственных сторонников и единомышленников.

Следующий вопрос: насколько сплоченной и организованной является каждая из сторон конфликта и каковы «механизмы мобилизации» в рамках каждой из конфликтующих сторон. Одно дело — сплоченная группа, борющаяся за определенные идеалы справедливости, которые не пользуются поддержкой широких масс населения. И совсем другое дело — массовые движения, укоренившиеся в сознании сравнительно широких слоев населения, передающиеся в качестве некоторых заветов от одного поколения к другому.

За что же, как правило, разворачивается борьба? Каково соотношение между декларируемыми позициями и реальными побуждениями или интересами в конфликте?

Прежде всего, следует отметить бесконечное разнообразие конфликтных ситуаций и невозможность свести их окончательно к какому-либо единому началу и общему знаменателю. И все же исторический опыт и социальная практика позволяют определить некоторое число тех проблем, по поводу которых формируются конфликтные ситуации, перерастающие в конфликты. Целесообразно остановиться лишь на четырех источниках конфликтов, достаточно распространенных во всех человеческих сообществах. Это богатство, власть, престиж и достоинство, то есть те ценности и интересы, которые имеют значение во всяком обществе и придают смысл действиям конкретных лиц, участвующих в конфликтах. В разных исторических контекстах приоритетность соответствующих ценностей может модифицироваться, но содержательная сторона дела от этого изменяется не очень существенно.

На первое место для нынешней российской ситуации следовало бы поставить такую ценность, как *«богатство»*. *Во-первых*, обращение к идее социальной дифференциации позволяет каждому открыто стремиться к тому, чтобы избавиться от «бедности» и «стать богатым». В массовом сознании и в практических жизненных отношениях богатство — это не просто некоторая сумма денежных средств или имущества, а возможность расширения пределов своей деятельности и влияния. В ходе российских реформ возникло новое отношение как к богатству вообще, так и к деньгам в частности. Как только открылись новые каналы социализации в сфере торговли и финансовых отношений, масса людей ринулась в эту нишу для того, чтобы решить свои жизненные проблемы и избавиться от гнета бедности и уравнительности. Возникла жесткая конкуренция, не регулируемая законом.

Во-вторых, те, кто хотел добиться свободы через богатство, должны были рисковать, и они шли на этот риск, подчас подавляя в себе чувства осмотрительности и осторожности и порывая с предрассудками морали и законопослушного поведения. И это неудивительно,

впервые для людей энергичных и сообразительных открылись возможности приобретения движимости и недвижимости в крупных масштабах. При этом быстро шло усвоение той истины, что деньги сами по себе не должны просто «накапливаться», они должны быть в обороте, с тем чтобы приносить новые деньги. Очень скоро слой разбогатевших людей в России почувствовал и понял, что коммерческая деятельность, направленная на приобретение богатства, требует от человека постоянного напряжения. Быть богатым надо не только уметь, надо профессионализироваться в сфере коммерции и финансовых отношений, ибо конкуренция в этой области оказывается достаточно жесткой: тот, кто не может выдержать психологической и физической нагрузки, разоряется, теряет только что обретенное богатство, а с ним и открывшиеся возможности, влияние, положение и связи.

Материальным воплощением богатства является капитал, деньги, ценные бумаги, собственность на земельные участки и жилье, на средства транспорта и связи, технологии, оружие, средства рекреации. Но обладание всем этим дает человеку иное мироощущение жизни в сравнении с тем, которое существует у большинства. Это ощущение как бы безграничных или расширившихся возможностей, это ощущение власти, исключительности и привилегированности в этом мире, которое представители нового класса собственников стремятся передать по наследству. Поскольку борьба за собственность ведется исключительно жесткими и порою жестокими методами, постольку именно в этой области конфликты разворачиваются с особой силой. Эмпирическим свидетельством жесткости конфликтов по поводу богатства и собственности в российской практике являются сотни убитых предпринимателей, практика уголовных разборок, столкновений охранных отрядов, действующих по законам мафиозных структур. В этом плане формирование российских рыночных отношений напоминает период первоначального накопления, пройденного западными странами в XVI-XVII, а в США в XIX в. Крупный капитал ныне стремится к тому, чтобы завершить период накопления богатства и усилить роль права и государства в становлении цивилизованного социального неравенства.

Вторым не менее важным источником конфликтов является *борьба за власть*. Она не менее притягательна, нежели богатство как таковое, хотя бы потому, что булат и золото постоянно ведут между собою спор. Эмпирическим выражением властных позиций являются государственные и негосударственные должности и позиции, позволяющие контролировать распределение ресурсов на основе права распоряжения, определять доступ к потокам значимой информации, участвовать в принятии решений. Поле власти создает специфическую среду общения, вхождение в которую — один из важнейших мотивов политической деятельности. Здесь также формируется чувство исключительности, приобщенности к чему-то более важному и значимому, чем повседневные интересы. В особенности эти чувства обостряются в тех ситуациях, когда человек получает возможность распоряжаться средствами насилия: отдавать распоряжения об аресте, определять движение войсковых соединений, давать приказы о применении оружия. Конфликты в политическом пространстве обладают столь же большой силой вовлечения, как и конфликты, связанные с богатством, но они, как правило, обрамляются более высокопарной фразеологией, связанной с декларациями относительно общих — национальных, государственных — интересов и интересов прогресса в целом.

Еще один источник конфликта, сказывающийся непосредственно на характере его протекания, — распределение властных полномочий и позиций, имеющих в иерархии властных или управленческих структур. Чем более высокое положение затрагивается в конфликте, тем ожесточеннее борьба. На самом вершине иерархической системы — посты президента, председателя кабинета министров и членов правительства, руководящие позиции в парламенте или иных политических структурах — борьба является наиболее ожесточенной. Вопросы материальной выгоды здесь, как правило, отступают на задний план. И каждый из участников конфликта готов пожертвовать многим ради достижения целей, связанных с политическим престижем, соответствующими символическими позициями, связанными с

государственной атрибутикой с расширением властных полномочий своих собственных или своей группировки.

В политике скрытой доминантой всех отношений является борьба за власть. Но эта доминанта никогда или почти никогда не декларируется открыто. Она облекается в сложные нравственные, правовые и идеологические одежды. Дело в том, что любой политик и любая политическая партия нуждаются в поддержке со стороны общественного мнения и в самооправдании. Поэтому ни один из участников политического конфликта не может заявить прямо, например, так: «мои оппоненты попользовались властью, теперь настала моя очередь». Такое откровенное и циничное заявление сразу же лишило бы претендента на власть искомой поддержки. Он должен представить прежнюю власть как не соответствующую интересам народа, нации, общества, мешающую прогрессу, свободе и вообще должен включить в свою аргументацию как можно более широкий круг аргументов. При этом вопрос о том, верит ли претендент этим аргументам или нет, не имеет принципиального значения. То, что на самом деле имеет значение, это поддержка данной политической партии, общественного движения, данного лидера со стороны общественного мнения.

С точки зрения социологии конфликта, исходным пунктом развития политического конфликта оказывается необходимость перераспределения власти и авторитета, как в масштабах всего общества, так и в масштабах отдельных организаций и объединений. В свою очередь, обозначенная необходимость обусловлена тем, что в жизнь вступают представители новых поколений — в прежних общественных структурах, так или иначе формируется новая элита, требующая себе места под солнцем. Чем стабильнее и чем более замкнутой выглядела система властных отношений на прежних этапах развития, тем болезненнее оказывается конфликт, связанный с перераспределением власти. Это — основная линия развития конфликта, распространяющаяся многообразными путями и способами сверху вниз.

Третий источник — *престиж*. Реальным воплощением престижа являются известность и популярность личности, ее репутация и авторитет, сила влияния на принятие решений, демонстрируемое уважение к данному человеку и его мобилизационный потенциал. Престиж в очень редких случаях может быть завоеван без поддержки власти и богатства, поэтому это в какой-то мере вторичный источник конфликта. Но дело в том, что и богатство, и власть как бы аккумулируются в престиже. Ни то, ни другое не может сохранить свое влияние, не получая поддержки со стороны общественного мнения. Борьба за власть и богатство может начинаться с конфликтов по поводу престижа — создания репутации, или наоборот, дискредитации той или иной персоны или группы людей в глазах общественного мнения. Отсюда и возникает представление о так называемой четвертой власти, которая сосредоточена в средствах массовой информации.

Рассматривая российскую ситуацию, важно указать и на четвертый источник конфликтов в современной практике общественных отношений. Это *человеческое достоинство*. Речь идет о таких ценностях, как уважение и самоуважение, компетентность, профессионализм, представительность, признание, нравственные качества личности. Если все свести только к предыдущим трем источникам конфликтов, то получается довольно безрадостная картина почти неопровержимого утверждения зла и порока, разрушения нравственного начала в обществе. Однако в борьбе за богатство, власть и славу человеку не стоит забывать о границах своего выбора, отделяющих человеческое, гуманное, культурное начало от бесчеловечного и безнравственного. И эти границы проходят внутри каждого конкретного индивида. Тот, кто переходит эти границы, теряет, прежде всего, право на самоуважение, а вместе с тем подрывает свое личностное достоинство, свою гражданскую и профессиональную честь. Поэтому, кстати, в борьбе за власть и богатство, за социальный престиж особое место занимает стратегия либо на возвышение личности, либо на унижение человеческого достоинства. С помощью стратегии второго типа создается криминальная среда, формируются сообщества подонков, действующих во имя интересов хозяина. Обычно мобилизационные механизмы создания такой среды сопряжены с формулами «деньги не пахнут» или «политика — грязное дело». Однако

нравственный конфликт, связанный с определением конечных ценностей или смысла человеческого существования, пронизывает все иные конфликты. Как правило, проблема нравственного конфликта сопряжена с выбором средств достижения своих целей в том или ином конкретном конфликте.

Характер конфликта, реальное его развертывание и протекание зависит не столько от деклараций о намерениях сторон, интересы которых не совпадают, сколько от тех средств, которые на самом деле используются в конфликте. Крайние полюса — насилие и переговорный процесс. Однако между этими крайними полюсами существует масса промежуточных ступеней, которые демонстрируются на практике в достаточно очевидных масштабах.

Принципы и интересы субъектов конфликтного противостояния. При анализе природы конфликта нельзя обойти и вопрос о том, что же именно является конкретным предметом притязаний конфликтующих группировок.

Конфликт по поводу ценностей, важнейших жизненных установок относится к числу наиболее сложно разрешимых. Здесь включается в дело то, что называется принципами, которыми очень трудно, а подчас и невозможно поступиться. Отступая от принципов и от определенных традиций, конфликтующая сторона теряет свое лицо, свой престиж, свой собственный образ, сложившийся в самосознании. Спор по поводу меры отступления от принципа всегда влечет за собою раскол соответствующей группы, находящейся в состоянии конфликта с другой группой. Это связано с изменением лидерства и с иным пониманием исходных ценностей.

Конфликты по поводу материальных ресурсов поддаются регулированию с большим эффектом. Прежде всего, эти материальные ресурсы могут так или иначе соизмеряться, и поэтому вопрос о разделе ресурсов может стать и становится, как правило, предметом торга, переговоров. Здесь возможны взаимные уступки и договоренности.

В российской ситуации различие между этими конфликтами видно при сопоставлении вопросов суверенитета той или иной республики или вновь образовавшегося суверенного государства и проблем обеспечения этих государств энергетическими ресурсами. Одна из ошибок руководства СССР, ускорившая его развал, состояла в неумении видеть разницу между этими двумя типами конфликтов. Это непонимание особенно ярко проявилось в связи с попыткой организовать экономическую блокаду прибалтийских государств. В этом случае она неизбежно привела к результату, противоположному в сравнении с тем, который ожидался. Антисоветские, антиимперские настроения лишь усилились и привели к более высокому уровню сплочения населения вокруг исходных ценностей.

В целом в последние годы в политике СССР можно было заметить явную переоценку экономической проблематики, надежду на автоматическое действие экономических факторов, экономических интересов и их разумное толкование. Наличие единого народно-хозяйственного комплекса само по себе рассматривалось как гарантия незыблемости Союза ССР. Философская же предпосылка этой аргументации заключалась в упрощенном материализме, уверенности в том, что в политике нельзя пренебрегать экономическими интересами. На самом деле ситуация доказала обратное. В условиях кризиса тот достигает большего политического эффекта, кто менее всего считается с экономическими интересами, кто выдвигает на первый план принципы суверенизации, независимости от центра, автономизации.

Источником обострения конфликтов между большими группами, как уже отмечалось, является накопление неудовлетворенности существующим положением дел, возрастанием притязаний, радикальное изменение самосознания и социального самочувствия. Как правило, сначала процесс накопления неудовлетворенности идет медленно и подспудно, пока не происходит некоторое событие, которое играет роль своего рода спускового механизма, выводящего наружу это чувство неудовлетворенности. Неудовлетворенность, приобретающая открытую форму, стимулирует возникновение социального движения, в ходе которого выдвигаются лидеры, отрабатываются программы и лозунги, формируется идеология защиты интересов. На этом этапе конфликт становится открытым и необратимым. Он либо

превращается в самостоятельный и постоянный компонент общественной жизни, либо завершается победой иницирующей стороны, либо решается на основе взаимных уступок сторон.

Адекватный анализ конфликтной ситуации предполагает тщательное *выделение обстоятельств созревания конфликта*. Здесь могут действовать исторические, социально-экономические и культурные факторы, завершающиеся в действиях политических структур и институтов.

Следует подчеркнуть своеобразие возникновения каждого из основных типов конфликта.

Социально-экономический конфликт возникает на основе неудовлетворенности прежде всего экономическим положением, которое рассматривается либо как ухудшение в сравнении с привычным уровнем потребления и уровнем жизни (реальный конфликт потребностей), либо как худшее положение в сравнении с другими социальными группами (конфликт интересов). Во втором случае конфликт может возникнуть даже при условии некоторого улучшения условий жизни, если оно воспринимается как недостаточное или неадекватное.

Сложнее обстоит *дело с национально-этническими конфликтами*. В разных регионах бывшего СССР эти конфликты имели разный механизм возникновения. Для Прибалтики особое значение имела проблема государственного суверенитета, для армяно-азербайджанского конфликта — территориальный статусный вопрос Нагорного Карабаха, для Таджикистана — межклановые отношения.

Политический конфликт означает переход на более высокий уровень сложности. Его возникновение связано с сознательно формулируемыми целями, направленными на перераспределение власти. Для этого необходимо выделение на основе общей неудовлетворенности социального или национально-этнического слоя особой группы людей — представителей нового поколения политической элиты. Источники этого слоя формировались в последние десятилетия в виде незначительных, но весьма активных и целеустремленных, диссидентских и правозащитных групп, открыто выступавших против сложившегося политического режима и становившихся на путь самопожертвования ради общественно значимой идеи и новой системы ценностей. В условиях перестройки прошлая правозащитная деятельность стала своего рода политическим капиталом, позволившим ускорить процесс формирования новой политической элиты.

В развитии политического конфликта на макроуровне особое значение имело переплетение источников этих трех конфликтов, установление связей между движениями разного рода. Так, важнейшим элементом поражения горбачевского курса стало выдвижение бастующими шахтерами и их руководителями требования об отставке Президента СССР, сформулированного в отчетливой форме в 1991 году.

Цена конфликта. В зависимости от возможного исхода конфликты подразделяются на чистые и смешанные. Первые характеризуются тем, что в них нет места для соглашения, даже для возможного согласия. Вторые могут разрешаться таким образом, что обе стороны могут оказаться в выигрыше. Может быть выигрыш этот будет распределяться неравномерно, но лучше иметь небольшое улучшение своих позиций, чем потерять все. Под этим углом зрения можно представить себе четыре возможных варианта конфликта между двумя противостоящими сторонами «А» и «Б»:

«А» выигрывает за счет «Б».

«Б» выигрывает за счет «А».

Обе стороны оказываются в проигрыше, хотя они надеялись на благоприятный для себя исход.

Обе стороны могут оказаться в выигрыше в разных отношениях на основе компромисса, взаимных уступок, взвешивания возможных потерь в ходе самого конфликта.

К сожалению, очень часто противостоящие стороны не учитывают «цены» самого конфликтного действия, тех жертв, которые окажутся принесенными ради достижения, казалось бы, очень легко достижимой цели. В результате конфликт развивается таким образом,

что обе стороны несут ущерб и не могут остановиться в своей конфронтации, так как каждый шаг в развязывании конфликта ведет к ответным действиям, образованию порочного круга и тупиковой ситуации.

Обычно любой конфликт начинается с предъявления определенных притязаний одной из сторон к другой. Если вторая сторона имеет возможность эти притязания удовлетворить и удовлетворяет их, то конфликта удастся избежать или, по крайней мере, отодвинуть его. Дело в том, что предъявление притязаний далеко не всегда является адекватным. Это можно наблюдать как в быту, так и в серьезных политических столкновениях. Важно поэтому разобраться, в чем существо спора, что на самом деле разделяет стороны и является источником антагонистических отношений и враждебности.

Динамика конфликта. Рассматривая вопрос о стадии, на которой находится конфликт, мы вновь должны обратиться к исходному определению социального конфликта. Это определение по необходимости носит весьма общий характер. В нем присутствуют такие элементы, как указание на связь конфликта с социальной напряженностью, с противостоянием социальных сил, с источниками социальных изменений.

Итак, *конфликт* — это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями. Существенная сторона социального конфликта состоит в том, что эти субъекты действуют в рамках некоторой более широкой системы связей, которая модифицируется (укрепляется или разрушается) под воздействием конфликта.

Если интересы разнонаправлены и противоположны, то их противостояние будет обнаруживаться в массе самых разных оценок; они сами найдут для себя «поле столкновения», при этом степень рациональности выдвигаемых притязаний будет весьма условной и ограниченной. Вполне вероятно, что на каждом из этапов развертывания конфликта он будет сосредоточен в определенной точке пересечения интересов, которая и будет представляться конфликтующими сторонами главным предметом столкновения.

Каждая из сторон воспринимает конфликтную ситуацию в виде некоторой проблемы, в разрешении которой преобладающее значение имеют три главных момента:

во-первых, степень значимости более широкой системы связей, преимущества и потери, вытекающие из предшествующего состояния и его дестабилизации, — все это может быть обозначено как оценка доконфликтной ситуации;

во-вторых, степень осознания собственных интересов и готовность пойти на риск ради их осуществления;

в-третьих, восприятие противостоящими сторонами друг друга, способность учитывать интересы оппонента.

Нормальное развитие конфликта предполагает, что каждая из сторон способна учитывать интересы противостоящей стороны. Такой подход создает возможность сравнительно мирного развертывания конфликта с помощью переговорного процесса и внесения корректив в предшествующую систему отношений в направлении и масштабах, приемлемых для каждой из сторон.

Однако в переживаемой нами ситуации чаще бывает так, что сторона, инициирующая конфликт, исходит из негативной оценки предшествующего положения дел и декларирует лишь свои собственные интересы, не принимая во внимание интересы противоположной стороны. Противостоящая сторона вынуждена в этом случае предпринимать особые меры для защиты своих интересов, которые воспринимаются и интерпретируются инициатором конфликта как стремление защитить *status quo*. В результате этого обе стороны могут претерпеть определенный ущерб, который относится на счет противостоящей стороны в конфликте.

Такая ситуация чревата применением насилия: уже на начальной стадии конфликта каждая из сторон начинает демонстрировать силу или угрозу ее применения. В этом случае

конфликт углубляется, так как силовое воздействие обязательно встречает противодействие, связанное с мобилизацией ресурсов сопротивления силе.

Чем большее стремление к применению силы наблюдается в конфликте, тем сложнее его разрешение, то есть выход на новые параметры социальных отношений. Насилие создает вторичные и третичные факторы углубления конфликтной ситуации, которые подчас вытесняют из сознания сторон исходную причину конфликта.

Каждая из сторон вырабатывает на этой фазе свою интерпретацию конфликта, неизменными элементами которой являются представление о правомерности и обоснованности собственных интересов и предпринятых в их защиту действий и обвинение противоположной стороны, то есть создание образа врага. На этом этапе создается, следовательно, идеологическое оформление конфликта, которое для каждого из его участников выступает в виде определенной суммы критериев, разделяющих весь социальный мир на своих и чужих, на тех, кто, либо поддерживает, либо не поддерживает именно эту сторону. Силы нейтральные, настроенные примиренчески, воспринимаются при этом как союзники противоположной или враждебной стороны.

Таков путь к возникновению новой фазы конфликта — тупиковой ситуации. Она означает практически паралич действий, неэффективность принимаемых решений, так как каждая из сторон воспринимает предложения и действия, направленные на выход из кризиса, в качестве одностороннего выигрыша противоположной стороны.

Тупиковая ситуация имеет тенденции к саморазрушению. Выход из нее может быть найден только на путях радикального пересмотра сложившейся ситуации и отказа от тактики борьбы по принципу «все или ничего». Как правило, такой пересмотр связан со сменой лидеров вначале одной, а затем и другой конфликтующей стороны, которые пересматривают сложившиеся на предыдущих этапах идеологические обоснования конфликтов, выявляя их мифологическое содержание и отсутствие социологического реализма.

Здесь открываются новые возможности для переговорного процесса, которые должны опираться на переопределение, новое осознание собственных интересов, основанное на опыте развертывания конфликтной ситуации и осмыслении общих потерь, понесенных сторонами на стадии обострения конфликта, его идеологизации и тупика.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. Назовите самое общее определение конфликта.
2. Для понимания природы конфликта и характера его развития особое значение имеет «теорема Томаса». В чем ее сущность?
3. Существует четыре основных источника конфликта. Назовите их.
4. Что является материальным воплощением богатства?
5. С точки зрения социологии конфликта, исходным пунктом развития политического конфликта является...
6. Что является источником обострения конфликтов между большими группами людей?
7. Что предполагает адекватный анализ конфликтной ситуации?
8. Перечислите, известные Вам типы конфликтов.
9. Каждая из сторон воспринимает конфликтную ситуацию в виде некоторой проблемы, в разрешении которой преобладающее значение имеют три главных момента. Каких?
10. Что понимается под тупиковой ситуацией в конфликте?

Тема 5. Интересы, движущие силы и мотивация конфликтов в специальной социологической теории

К числу крупных теоретиков конфликта следует отнести также Георга Зиммеля, Питирима Сорокина, Луиса Козера, Иммануила Валлерштейна и др. Вопросы взаимоотношения противоречий, социальной структуры, конфликтов разрабатывались в работах английских социологов Джона Рекса и Энтони Гидденса. Эти авторы разрабатывали направления социальной конфликтности, которые в теоретическом отношении можно назвать специальными.

Связано это с тем, что проблематика конфликта носит сугубо прикладной характер. Она пользуется широким спросом при решении вполне конкретных ситуаций, в которых наблюдается столкновение интересов двух или большего числа сторон. По сути дела, в практике организации современного менеджмента, в дипломатии, в юриспруденции, коммерческой деятельности и иных областях жизни, где наблюдается непосредственное столкновение интересов противостоящих сторон, сложилось прикладное направление, которое и получило название *конфликтологии*. Конфликтолог — это *специальная профессия*, представители которой участвуют во многих переговорных процессах, выезжают в «горячие точки», где работают в качестве консультантов и участвуют в переговорном процессе на разных уровнях и в разных ситуациях.

Одна из наиболее известных работ по конфликтологии в собственном смысле слова — вышедшая в США книга Роджера Фишера и Уильяма Ури «**Переход к согласию: переговоры о соглашении без уступок**», выдержавшая только в этой стране около 20 изданий и переведенная в 30 других странах. Авторы этой книги обобщают в ней свой многолетний опыт по разрешению конфликтов. Единственным условием успешной деятельности конфликтолога и реализации советов, которые даются в этой книге и других работах конфликтологического профиля, — это желание самих конфликтующих сторон вести переговоры и находить пути к примирению противоположных интересов. О содержании конфликтологии как направления прикладной деятельности достаточно убедительно говорит содержание этой книги, изданной на русском языке в 1990 году. Вот названия ее глав: «Не ведите позиционный торг», «Делайте разграничения между участниками дискуссии и обсуждаемыми проблемами», «Сосредоточьтесь на интересах, а не на позициях», «Изобретайте взаимовыгодные варианты», «Настаивайте на использовании объективных критериев» и т.п. по аналогии. К числу работ этого направления относятся и публикации известного конфликтолога Кеннета Боулдинга, специализирующегося в области общей теории конфликта применительно, прежде всего, к анализу международной переговорной практики. Другой американский исследователь — Анатолий Раппопорт разрабатывал теоретические модели конфликтных ситуаций разного рода.

Для того чтобы иметь более полное представление об исследовательской работе в этом направлении, важно знать, что между теоретическими и сугубо прикладными работами конфликтологического характера существует промежуточное звено: тот слой теоретических разработок, которые Роберт Мертон назвал бы «теориями среднего уровня» в области изучения конфликтов. Здесь также преобладают американские авторы. Среди работ этого направления можно назвать книгу Луиса Крисберга, исследование Чарльза Тилли «От мобилизации к революции» (1978), а также упоминавшуюся уже работу Энтони Обершелла «Социальный конфликт и общественные движения» (1973), работы Джеймса Рула «Теории гражданского насилия» (1988), Розмари Кромптон (Великобритания) «Класс и стратификация. Введение к современным дебатам». Как видим, эти авторы специализируются либо на анализе многообразных форм конфликта, либо на его специфических аспектах. Так, в работе Л. Крисберга рассматриваются такие вопросы, как виды и ступени развития конфликтов, их основания, вопросы возникновения конфликтов и формулировки целей конфликтующих сторон, эскалации и деэскалации конфликтов, их возможные результаты, проблемы посредничества и переговорного процесса и, наконец, теории моделирования конфликта.

При определении самого понятия «конфликт» чаще всего мы сталкиваемся с попыткой подвести его под более широкую категорию противоречия. Но такой способ определения влечет за собою игнорирование специфики собственно конфликтных отношений. Поэтому такое подведение частного под общее недостаточно, а порою и ошибочно.

В догматизированной версии марксизма, выполнявшей функции официальной идеологической доктрины, признавалось наличие противоречий в советском обществе преимущественно неантагонистических, но до признания конфликтов, тем более социальных, дело не доходило. О характере противоречий, о том, какое противоречие нужно было считать основным или главным, продолжались многократно возобновлявшиеся дискуссии. При этом во всех дискуссиях противоречия формулировались в предельно абстрактной и обезличенной форме: между производством и потреблением; производительными силами и производственными отношениями; между производительными силами и отдельными сторонами производственных отношений; между «новым» и «старым». Основная методологическая установка состояла в том, чтобы подчеркнуть значение единства сторон, целостности социально-политической системы. Некоторые авторы рассуждали о том, что при социализме, в отличие от капитализма, единство противоположностей, а не противоречие, является движущей силой развития общества. Мышление в этих категориях не давало возможности перейти к конкретному анализу социальных процессов, к поведению социальных групп и лиц, решающих те или иные вполне определенные конкретные жизненные задачи. Но этот тезис не должен быть категоричным, поскольку он является сутью одного из всеобщих законов развития природы, общества и человеческого мышления – закона единства и борьбы противоположностей.

Вопрос о связи между противоречием и конфликтом рассматривался известным английским социологом Энтони Гидденсом. «Под конфликтом, — пишет он, — я имею в виду реальную борьбу между действующими людьми или группами независимо оттого, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон. В отличие от конфликта понятие противоречия относится к некоторой структуре. Оба эти понятия весьма близки между собой, так как противоречие выражает уязвимое место, слабое звено в конструкции социальной системы. Вместе с тем противоречие указывает на разделение интересов между различными группами и категориями людей, в том числе и между классами».

Гидденс далее подчеркивает, что социальные противоречия связаны с различиями в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, и неравенством их жизненных шансов, которые, в свою очередь, определенным образом влияют на формирование картины мира. Но противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречий в конфликты необходимы осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения. Пока противоположность интересов не осознана, конфликт, как полагает Гидденс, еще не наступает. С этой точки зрения конфликт выступает, прежде всего, как осознанное, осмысленное противоречие несовпадающих или противостоящих друг другу интересов сторон, готовых предпринять или уже предпринявших определенные действия, основанные на указанном противостоянии.

Несколько иной ракурс проблемы конфликта выявляется при попытках вывести социальную напряженность из уровня удовлетворения базовых потребностей людей и социальных групп.

Именно такой подход к проблеме демонстрирует Питирим Сорокин при выяснении вопроса о причинах социальных конфликтов и революций. «Непосредственной предпосылкой всякой революции, — пишет он, — всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения...

Если инстинкт самосохранения доброй части населения «подавляется» голодом, то налицо одна из причин восстаний и революций; если подавляется инстинкт самосохранения деспотическими экзекуциями, массовыми убийствами, кровавыми зверствами, то налицо другая причина революций... Если «подавляется» собственнический инстинкт масс,

господствуют бедность и лишения, и в особенности, если это происходит на фоне благоденствия других, то мы имеем еще одну причину революций» Так рассуждал Питирим Сорокин.

Среди подавленных инстинктов, потребностей и рефлексов, которые вызывают социальное напряжение, взрыв и конфликт, П. Сорокин выявляет, помимо перечисленных выше, потребности коллективного самосохранения (семьи, религиозной секты, партии), потребность в жилище и одежде, половой рефлекс, инстинкт самовыражения и интерес к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребность в свободе.

Указание на связь неудовлетворенных потребностей и нарастающих конфликтных ситуаций, рассмотрение источника конфликтов в подавлении базовых потребностей человека, без удовлетворения которых он не может существовать, позволяет ближе подойти к анализу конкретных социальных конфликтов. С этой точки зрения всякий конфликт характеризуется прежде всего неудовлетворенной потребностью и стремлением найти средства для того, чтобы эту потребность удовлетворить. Многомерная неудовлетворенность потребностей и интересов, депривация значительных масс населения составляет, по Сорокину, главный источник революционных потрясений в обществе. Предотвращение революции, развитие общества по пути реформирования возможно тогда, когда власть предрержащие отслеживают меру удовлетворения потребностей различных социальных слоев и находят средства для их удовлетворения или компенсации, когда они не допускают кричащих антагонизмов в мере развития и удовлетворения потребностей, поддерживая социальное неравенство на уровне социальной нормы.

Следующий шаг по пути конкретизации конфликтов связан с разработкой вопросов социального равенства и неравенства. Положение людей и вытекающий из него уровень социальных притязаний определяется не вечными инстинктами, а сопоставлением с другими людьми. То, что является приличным уровнем жизни для одних людей, другими может рассматриваться как бедность и нищета. Важны не сами по себе потребности, но и средства их удовлетворения, доступ к соответствующим видам деятельности, который обусловлен социальной организацией общества. Именно в этой связи встает вопрос не только о равенстве и неравенстве в уровне благосостояния, но и сопоставлении жизненных шансов различных социальных групп. Как показал опыт советского общества, само по себе стремление к всеобщему равенству не может рассматриваться в качестве блага; оно часто приводит к уравнительности, к угасанию стимулов творческой деятельности и инициативы. Неравенство, в том числе и социальное, неустранимо. Более того, оно имеет положительное значение для общества в целом, так как оказывается важнейшим источником состязательности, конфликтности, стимулирующим жизненную энергию человека.

Неравенство, как и социальный конфликт, содействует мобилизации жизненной энергии, влечет за собой необходимость социальных изменений, в том числе и в организации общественной жизни. Применительно к социальному конфликту неравенство социальных положений означает неодинаковый доступ к ресурсам развития индивидов, социальных групп или сообществ людей. Поэтому в определение природы конфликта включается проблема ресурсов как средств достижения социальных целей.

Однако здесь возникает центральный вопрос, на который указывает Р. Дарендорф. Кто и каким образом распоряжается ресурсами? Иными словами, в чьих руках находится власть распределения? Этот вопрос безусловно связан с определением самой власти, которая представляет собой совокупность социальных позиций, позволяющих одной группе людей распоряжаться деятельностью других групп людей. Именно здесь заложен центральный конфликт в любой системе общественных отношений. Люди делятся между собою не только на богатых и бедных, не только на тех, кто обладает недвижимостью, и тех, кто живет на зарплату, но и на тех, кто участвует во власти, и кто не участвует в ней. Точнее говоря, все названные деления существуют и имеют определенное значение, в том числе и для формирования

конфликтов, но в сравнении с признаком участия или неучастия во власти иные признаки имеют восторженное или третьестепенное значение.

Помимо трех названных подходов к объяснению социальных конфликтов, существует и четвертый, который может быть охарактеризован как нормативно-ценностный подход. Согласно этой точке зрения, которая идет от Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, несовпадение целей и интересов людей или соответствующих групп есть главная причина конфликтов. «Социальный конфликт, — утверждает, например, Луис Крисберг, — существует в том случае, когда две или большее количество сторон убеждены в том, что цели их деятельности несовместимы».

Все выделенные выше позиции имеют в своем основании некий общин фундаментальный теоретический вопрос: о природе интереса и о способе его осознания действующим субъектом. В любом определении конфликта так или иначе мы сталкиваемся с вопросом о несовпадении интересов, целей, борьбы за жизненные ресурсы и т.д. Поэтому при рассмотрении конфликта вполне уместно вновь задаться вопросом: что же такое интересы как побудители социальных действий? В литературе долгое время существует спор относительно того, являются ли интересы некой объективной данностью или же они представляют собою некоторые характеристики сознания людей и различных социальных сообществ. Позиция автора этой книги по этому вопросу была сформулирована еще в 1964 году и позже развита в более основательную теоретическую конструкцию. Вслед за Гегелем можно сказать, что интерес — это момент субъективности во всяком объективном деле. Интерес — это стремление чего-то достичь, что-то изменить или сохранить, он не просто осознается в качестве некоторой объективной данности наподобие закона природы или сложившегося порядка вещей. Интерес — это внутреннее отношение действующего субъекта к действию, которое он производит; это переход субъективности, сложнейшей внутренней мотивации в некоторый результат, который фиксируется как нечто объективное, уже совершенное, сделанное. Такое определение интереса позволяет понять главную дилемму, сформировавшуюся при обсуждении проблемы мотивации человеческой деятельности и человеческих поступков: почему получается так, что люди, руководствуясь собственными интересами, совершают ошибки личностного и социального плана? Ответ на этот вопрос таков: интерес не есть нечто стабильное и неподвижное. Интересы подвижны, изменчивы, и главным источником изменений интересов оказывается сам опыт человеческой деятельности. По мере развертывания социального действия происходит изменение отношения к нему или в направлении углубления заинтересованности в самом процессе действия и его результате, или же в направлении ослабления интереса и переключения его на те аспекты последствий деятельности, которые ранее не были заметны и очевидны. Такое толкование интереса включает в себя и динамику сознания субъекта действия, распространяет сферу заинтересованности не только на непосредственные выгоды меркантильного характера, но и на нравственные аспекты сознания. Вместе с тем, оно позволяет по-иному взглянуть и на известную дилемму взаимоотношения интереса и долга, ответственности, нравственных оснований социального действия.

Ныне в российском обществе сложилась устойчивая тенденция к стабилизации общественно-политических отношений. Ранее кризисное состояние общества было сопряжено с разрушением общественных связей и с диффузным характером социальных интересов. Такая ситуация возникла тогда, когда на первый план выступали не «выражение» интересов как неких объективно заданных параметров, определяемых социальным положением субъекта, а полагание интересов, связанных с их декларированием и отстаиванием в конфликте. Сами реформы и социально-политические преобразования в России для многих людей означали и означают необходимость переосмысления интересов, нахождения новых точек опоры как в жизненной философии, так и в практических формах социального поведения. Это справедливо не только применительно к отдельным индивидам и личностям, но и к социальным группам, институтам и государствам.

В этой связи весьма существенны соображения, высказанные Фрэнсисом Фукуяма — консультантом Рэндкорпорейшн (США): «Попытки определить «объективный» национальный интерес, — утверждает он, — ни к чему не приведут. Реальные «базовые» национальные интересы, безусловно, существуют, однако они обычно минимальны и не являются решающими при определении государственной внешней политики. Государства обладают значительным запасом свободы в определении своего национального интереса, и то, что сейчас подразумевается под понятием «национальный интерес», в действительности скрывает массу идеологических, политических, исторических и культурных точек зрения относительно целей государства, внешнего окружения и т.д. Таким образом, когда говорят, что Россия или какая-либо другая страна должна следовать ее национальному интересу, вопрос о том, что это за интерес, остается».

Важнейшим средством выхода из кризиса и преодоления насильственных конфликтов остается современная рациональная политика, учитывающая при декларации и формировании проводимых в жизнь интересов реакции противоположной стороны в конфликте. Социология конфликта, следовательно, органически связана с признанием *дискурсивного характера теоретического мышления* и переходом к *рефлексивной политике*, суть которой не в силовой аргументации, а в превентивном учете интересов противоположной стороны. Именно в силу этого обстоятельства она может восприниматься традиционалистами, которые исходят из прежних представлений о взаимосвязи «окостеневших» интересов и государственных структур, как «предательская политика», руководствующаяся интересами противника, врага или оппонента. Это сложный вопрос, который требуют учета складывающихся тенденций в системе социальных отношений.

Движущие силы и мотивация конфликтности. Ситуация конца XX столетия дает массу материала, раскрывающего новые грани конфликтов разного рода — от международных до личностных. Эта ситуация предполагает новые теоретические разработки и подходы аналитического характера. Они могут содействовать систематизации исторического и эмпирического материала и становиться своего рода средством понимания происходящего.

Аналитическая схема исследования конфликтов. Конфликт — это одновременное развертывание действия и контрдействия. Это реализация намерений и вместе с тем преодоление сопротивления, которое неизбежно встречается в ходе этой реализации. Это исключительно сложное совместное действие по меньшей мере двух сторон, объединенных противостоянием. В более специфической литературе по анализу конфликтов можно встретить преимущественно две точки зрения на природу конфликта. Первая может быть названа ресурсной точкой зрения, вторая — ценностной. В теориях первого типа доминирует экономическое объяснение конфликта. Он всегда развертывается за существенно значимые средства жизнедеятельности, будь то территория, сырьевые и энергетические ресурсы, сферы политического доминирования. Теории второго типа можно назвать ценностными. На первый план здесь выступают системы верований и убеждений, несовместимые принципы организации общественного устройства, взаимоисключающие культурные стереотипы.

В теоретическом анализе можно объединить ресурсный и ценностный подходы, показать, с одной стороны, различия в обосновании социального поведения в том и другом случаях и, с другой стороны, раскрыть способы их взаимодействия между собою.

Как видно из предшествующего изложения, любое социальное напряжение может превратиться в социальный конфликт при соответствующих условиях. Однако ход этого превращения, способ осмысления этого процесса, характер его представления в сознании действующего субъекта будет вместе с тем развиваться по определенным правилам. При этом будет сохраняться определенная последовательность в аргументации, в выдвижении притязаний и в обосновании своих требований. В действиях противостоящих сторон всегда будет иметь место апелляция:

- к тому, что *жизненно необходимо* для соответствующего субъекта;

- к тому, что представляют собою *вариации средств и методов* удовлетворения соответствующих жизненных потребностей;

- к тому, что для него существенно и важно с точки зрения сохранения собственной идентичности; к тому, что «общепринято»; освящено обычаем.

Эти четыре линии аргументации, выдвигаемые с обеих сторон конфликта, обозначаются как апелляции к *потребностям, интересам, ценностям и нормам*. Разграничение между потребностями, интересами, ценностями и нормами составляет первую линию аналитического расчленения конфликтов. Пока нет смысла рассматривать вопрос о том, в какой мере конкретное содержание притязаний в ходе развертывания конфликта соответствует «действительным» потребностям, интересам, ценностям и нормам. Дело в том, что если эти линии аргументации возникают и разрабатываются, то они становятся сами по себе реальностью конфликтной ситуации, опровержение которых осуществляется не теоретическим путем, а практически.

В конфликте одна совокупность потребностей, интересов, ценностей противостоит другой, выдвигаемой противоположной стороной. При этом обозначенные линии причинного развертывания конфликта могут действовать не только совместно, но и каждая в отдельности. Конфликт будет полным и развернутым, когда он основывается на одновременном включении в мотивацию всех четырех способов причинных обоснований или всех четырех уровней мотивации: потребностей, ценностей, интересов и норм. Что касается четвертого уровня, связанного с апелляцией к нормативности, то он имеет преимущественное значение на этапе регулирования конфликта, выяснения возможных точек соприкосновения или примирения сторон. На практике дело может обстоять таким образом, что в конфликт может быть включен лишь один из уровней мотивации. Чаще всего конфликт осознается как противостояние интересов.

Вторая линия аналитического расчленения конфликтов связана с тем, в какой из сфер жизнедеятельности общества развертывается данный конфликт. Речь идет о трех сферах: экономической, политической и культурной. В первой из них конфликт, как правило, развертывается по поводу ресурсов социального действия или, более широко, по поводу средств жизнедеятельности субъекта. Во второй — политической сфере — главным предметом конфликта будет являться власть. В третьей — интерпретация культурных норм и целевых установок общества как некоего социального целого. Сопоставляя между собою обозначенные выше линии аналитического расчленения конфликтов схематически, можно выявить наиболее существенные причины глубинных конфликтов между субъектами разного уровня.

В сфере экономики это будут конфликты, сопряженные с вариантами распределения ресурсов, конфликты, связанные с функционированием институтов распределения, и конфликты, раскрывающие противоположность экономических установок разного типа.

В сфере политики вся совокупность жизненных интересов вращается вокруг способов организации общества, уровня его сплоченности и характера властных отношений.

В сфере духовной жизни конфликты связаны с внутренним миром человека, характером свободы, типом культуры и интерпретацией высших ценностей: добра, справедливости, высшего блага.

Что касается движущих сил или глубинных причин конфликтов, то они также обладают значительной вариабельностью. Если речь идет о потребностях, то необходимо учитывать не только проблему воспроизводимости ресурсов и характера их использования, но и фундаментальные проблемы, касающиеся способов самоорганизации общества, равно как и преимущественную ориентацию субъекта действия либо на рациональные, либо на эмотивные характеристики и побуждения деятельности.

Интересы, в свою очередь, представляют собою не просто некоторые стремления к благам, удовлетворяющим жизненные нужды и потребности. Они определяют отношение к сложившимся в обществе институтам распределения, которые, в свою очередь, определяют допустимые для данного общества пределы и социально устоявшиеся формы неравенства. Во

взаимодействии с духовными сферами жизнедеятельности людей интересы определяют типы культуры: ее ориентацию преимущественно на познание, на труд, на досуг, на индивидуальные достижения или на сильно развитые формы группового контроля над поведением индивида.

Ценности проявляются, как видно из предложенной схемы, не только в области чисто духовных отношений. Они в значительной мере определяют базовые ориентации общества, в том числе и его выбор между типами экономического развития и экономической организации общества. Характер ценностных ориентации в обществе во многом определяет и отношение к власти. Крайние варианты этого отношения сопряжены с прагматическим отношением к ней или с восприятием ее как самодовлеющего начала, выполняющего роль терминальной ценности в отношениях между членами сообщества.

Такой анализ может служить средством исследования реальных конфликтных ситуаций, поскольку она определенным образом демонстрирует порядок выдвижения требований конфликтующими сторонами. В нем содержится минимальный набор предъявляемых требований и притязаний. Этот набор предъявляется каждой из сторон. В определенных случаях выдвигаемые требования могут носить «зеркальный» характер: потребности, выдвигаемые одной из сторон, с той же силой предъявляются и другой стороной. Но в большинстве реальных ситуаций характер притязаний является асимметричным, что позволяет более тщательно отнестись к проблематике обмена уступками, подводя на практике дело к взаимной выгоде.

Важно обратить внимание и на структуру каждой из клеточек мотивационного ядра конфликта. Каждая из них содержит определенные варианты устремлений. В силу этого каждая из них может быть источником напряжения, раскола, возникновения новых конфликтных ситуаций и усугубления стародавних конфликтов.

Используя схематику, предложенную Н. Смелзером, можно выстроить следующий ряд уровней конфликтующих сторон, поднимаясь от простых ко все более сложным субъектам действия:

1. Межиндивидуальные конфликты.
2. Межгрупповые конфликты, при этом в числе групп можно выделить:
  - а) группы интересов,
  - б) группы национально-этнического характера,
  - в) группы, объединенные общностью положения.
3. Конфликты между ассоциациями (партиями).
4. Внутри- и межинституциональные конфликты.
5. Конфликты между секторами общественного разделения труда.
6. Конфликты между государственными образованиями.
7. Конфликт между культурами или типами культур.

Важно обратить внимание на то, что каждый из субъектов действия может выступать стороной конфликта, при этом применительно к данному субъекту конфликт может развертываться во всех сферах его жизнедеятельности и со всей полнотой мотивации или с включением всей совокупности его движущих сил.

Рассмотрим более подробно наиболее существенные проблемы детерминации конфликта через выстроенную систему движущих сил.

Потребности и жизненные ресурсы. Современная ситуация в мире выдвигает проблему ресурсов или жизненных потребностей на одно из первых мест. Как известно, имеются различные оценки состояния экономических и демографических ресурсов как применительно к миру в целом, так и применительно к его отдельным регионам, странам и народам. Эти оценки распадаются, как правило, на две крайние группы — алармистские и оптимистические. Каждая из этих крайних позиций пытается воздействовать на сложившуюся ситуацию таким образом, чтобы предоставить аргументы в пользу своей точки зрения определенным политическим силам и группировкам и оказать влияние на состояние общественного мнения. Это, разумеется, не означает, что проблем не существует на самом деле. В полемике по вопросам экологии

рассматриваются действительно существенные вопросы, решение которых связано с обеспечением перспектив жизнедеятельности соответствующих общественных групп и человечества в целом.

Для России наиболее существенными проблемами экологического порядка оказываются загрязнение атмосферы и водных массивов, истощение почвы, нарушение экологического равновесия в ряде регионов страны в результате индустриализации и химизации народного хозяйства. Огромный ущерб жизненным интересам населения бывшего Советского Союза нанесла Чернобыльская авария. Как выяснилось через некоторое время после этой аварии, на территории России имеется целый ряд районов, пораженных радиоактивным излучением и практически непригодных для жизни. Однако применение средств контроля радиационной обстановки не развито. Население в целом, за исключением сравнительно узких привилегированных групп, не имеет доступа к информации по этим вопросам.

Конфликты по поводу потребностей могут быть подразделены на два типа: **во-первых**, конфликт из-за реальной или кажущейся ограниченности ресурсов; **во-вторых**, из-за соотношения краткосрочных и долгосрочных потребностей. Несомненно, что к числу наиболее существенных долгосрочных потребностей всего человечества относится освоение околоземного космического пространства. Однако реализация соответствующих программ — дело чрезвычайно дорогостоящее. В условиях кризиса это дополнительная нагрузка на бюджет, в связи с чем появляются аргументы против развертывания соответствующих программ. Примерно таким же образом обстоит дело и с вопросами финансирования фундаментальных научных исследований, которые не могут дать непосредственной отдачи в краткосрочной перспективе. Однако свертывание этих программ означает некоторый выигрыш с точки зрения ближайшей перспективы и проигрыш в долгосрочном варианте.

Проблема ориентации на ближайшие и отдаленные цели является общечеловеческой и вечной проблемой. Она касается не только человечества в целом, но и жизнедеятельности любых сообществ, социальных институтов, социальных групп, жизненных потребностей любой семьи и каждого отдельного индивида. Во всех структурах человеческого взаимодействия эта проблема возникает вновь и вновь, решается и вновь перерешается. Примеры, иллюстрирующие значение этой проблемы, могут быть приведены из самых разных областей. Так, каждая семья в современном обществе самостоятельно решает вопрос о количестве детей, то есть о продолжении своей жизни в потомстве. При этом семейная политика призвана учитывать с помощью семейного планирования «качество» будущих новых членов семьи — их здоровье, уровень образования, характер жилищных условий и т.д.

Все это связано с долгосрочными потребностями воспроизводства на индивидуальном уровне. Выбор в пользу этих потребностей несомненно означает определенный ущерб текущему благосостоянию семьи. В кризисных условиях ущерб этот может быть весьма существенным. Совокупный результат решений, принимаемых на индивидуально-семейном уровне, может стать и становится подчас важнейшим фактором неблагоприятной демографической ситуации для населения данной страны или данной этнической группы. Так, с 1993 года в России наблюдается тенденция превышения смертности над рождаемостью, зафиксированная в социальной статистике и в семейно-демографических обследованиях населения. Лишь в некоторые годы после этого статистика выравнивалась. Но эта проблема все еще достаточно сложная и требует самостоятельно рассмотрения.

Следующая линия конфликта, связанного с динамикой потребностей, проходит через формы и способы организации совместной жизни людей. Сами эти способы неверно представлять в качестве некоторой внешней силы по отношению к данному сообществу. Случаи навязывания политического строя имеют место в истории, но лишь в редких случаях они оказывают определяющее воздействие на потребности людей. По большей части эти формы совместной жизни вырабатываются обществом и являются существенной характеристикой народного образа жизни. В современной политологической литературе принято деление политических систем на четыре группы: либеральные, демократические, авторитарные и

тоталитарные. Каждый из вариантов политической системы опирается на определенную сумму стереотипов политического повеления, которые и составляют потребности определенного рода.

Новые политические потребности — потребность участия в политической жизни — складываются с трудом. Главный вопрос здесь заключается в формировании нового нравственно целостного отношения к власти, которая сама по себе далека от демократического идеала. Конфликт между нравственностью и политической практикой сегодняшнего дня оказывается глубинным конфликтом, развивающимся на уровне жизненных потребностей человека. Этот конфликт не сразу дастся массовому сознанию, как бы отступая на второй план по сравнению с жесткой борьбой политических интересов, разыгрывающихся на поверхности.

Третья сфера конфликта на уровне потребностей связана с выработкой баланса рационально осмысленных и эмотивных стремлений, в которых проявляются подчас подсознательные сферы мотивации. Здесь общество сталкивается с общечеловеческими свойствами. Конфликт рационального и эмоционального пронизывает все структуры человеческой жизни. Он лежит в основе разделения между собою высших сфер духовной деятельности — науки и искусства, которые пытаются найти компромисс между собою при помощи философии и религиозного сознания.

В кризисной ситуации эмоциональное начало в человеческом поведении — вполне необходимая составляющая мотивации — все больше отходит от соединения с мотивацией, основанной на способности человека к познанию и мышлению. Оно как бы отгораживается от рациональных импульсов искусственно создаваемой стеной и становится все в большей мере основанием для иррациональной мотивации, для немотивированного поведения, которое не хочет соотноситься с требованиями разума, тут и там ставя его под сомнение. Наблюдается повсеместное обращение к суевериям, к силам и соображениям потустороннего характера, к возвышению непосредственного чувства, интуиции над разумом. Эта тенденция ведет к примитивизации культуры, к обоснованию быстрой реакции на ситуацию. Она стимулирует таким образом насилие, которое выступает в качестве реакции на непосредственные чувства.

Уровень сложности процессов, переживаемых в критических ситуациях и свойственных социальному кризису, превосходит те схемы рационального объяснения действий и поступков людей, которые работали ранее и которые исключали из поля зрения массового сознания нежелательные события, факты, тенденции, отношения. Кризис сознания, таким образом, следует рассматривать не как кризис рациональности вообще, а как кризис определенных ограниченных форм рациональности, задававших приемлемые формы интерпретации социальных отношений.

Рациональность, как заметил еще М. Вебер, органически связана с проблемой власти в обществе. Она призвана упорядочить существующие способы господства и подчинения и предложить людям определенные варианты мышления, оправдывающие их законопослушание. Естественно, что с изменением типа власти, который происходит в настоящее время в России, меняется и тип рациональности. Становление нового типа — это процесс не столько социализации, сколько процесс выработки новых форм культуры, основанной на иных ценностных характеристиках и параметрах.

Рассмотрение конфликта потребностей в трех взаимодействующих между собою и все же самостоятельных сферах жизнедеятельности человека и общества показывает, что потребности нельзя сводить лишь к сумме внешних требований, проистекающих из социальных и экономических условий. Они представляют собою определенные стержневые линии организации всей системы взаимодействия в социуме. Они проявляются в массовых привычках и навыках культуры, которые усваиваются людьми в ходе их социализации, индивидуального развития, воспитания.

Вместе с тем проблема определения приоритетности тех или иных потребностей остается важнейшей проблемой социально-политического характера. Ни одно государство, ни одна политическая партия не может в своей практической политике закрывать глаза на потребности, по сути дела сущностные конфликты, которые связаны не только с

определенными вариантами использования ресурсов, но и с выбором определенных вариантов развития самой культуры.

Исследование конфликта в сфере удовлетворения потребностей людей (питание, жилье, медицинское обслуживание, соотношение заработной платы и цен, пенсионное обслуживание, страхование, семейная политика, решение экологических проблем) предполагает пересмотр нормативистского подхода, длительное время доминировавшего при разработке основных проблем социальной политики. Суть этого подхода состояла в определении некоторого среднестатистического показателя обеспечения жизненных потребностей (например, научно обоснованного метража жилой площади на человека или научно обоснованных нормативов потребления мяса, овощей и т.д.) и сравнения с этим показателем достигнутого на этот год показателя реального потребления опять же в среднестатистическом измерении.

Этот подход был положен в основу социальной статистики. Он исходил из уравнилельной трактовки потребностей, не учитывал реальных механизмов распределения и потребления как составляющих компонентов общего экономического процесса.

Теоретическая модель удовлетворения потребностей населения и реальный процесс находились в вопиющем противоречии друг с другом. Согласно теоретической модели в экономике должен был действовать принцип материальной заинтересованности работника в результате своего труда, однако на практике преимущества в области потребления доставались тем слоям общества, которые *контролировали* процесс распределения жизненных благ. Именно на этой основе формировалась теневая экономика как результат сращивания торговой мафии с партийно-бюрократическими структурами. Этот слой в большей мере овладевал механизмами присвоения общественного богатства и становился стержнем номенклатуры, обеспечивающей себе наиболее высокий жизненный уровень, основанный на использовании гласных и негласных привилегий.

Основной результат теневой дифференциации жизненного уровня состоял не столько в возникновении нового общественного слоя, сколько в формировании особой предкризисной психологической атмосферы в обществе, основной особенностью которой было падение престижа квалифицированного труда во всех областях производственной деятельности и подавление какой бы то ни было инициативы.

Различные варианты реформирования экономики имеют в виду в качестве конечной цели восстановление разорванных связей между производством и потреблением с помощью рыночных отношений, то есть на основе соотношения спроса — со стороны потребностей и предложения — со стороны производства. Если товар не пользуется спросом, то он не должен и производиться, а если на него возникает и поддерживается спрос, то и производство должно быть выгодным производителю и расширяться. Однако практическое осуществление реформ не укладывается в эту вполне ясную схему. В действие при практических преобразованиях вступает множество опосредствующих факторов, которые приводят к существенным отклонениям от задуманных программ.

Если обратиться к анализу практики проведения экономической реформы в 1992-1996 гг., то следует отметить следующие наиболее важные тенденции в развитии потребностей населения.

1. На первом этапе экономической реформы произошло массовое снижение жизненного уровня, сопровождающееся быстрым ростом дифференциации социального положения. Богатство, неравенство в имущественном положении признаются вполне законными, что фиксируется эмпирически в появлении клуба миллионеров, с одной стороны, и восстановлением профессионального нищенства (не исключаящего нищенства от нужды), с другой. Соответственно, и сами потребности резко дифференцируются. На одном полюсе накапливается спрос на жизненные блага исключительного характера, на предметы роскоши и атрибуты комфортной жизни, на другом — происходит примитивизация потребностей и формирование замкнутых циклов потребления, обеспечивающих простое «выживание».

2. В этих условиях вполне понятно стремление опереться на «средние слои», которые могли бы обеспечить развитие массового спроса на предметы жизненной необходимости и задать определенные стандарты потребления, которые оказались бы «нормальными», то есть не впадающими в крайности неумеренной роскоши и демонстративной нищеты. Однако создание такого слоя предполагает формирование потребителя, который смог бы обеспечить себе определенный достаток. Главное препятствие состоит в том, что этот потребитель должен быть одновременно и современным производителем, нормальным работником с высокоразвитой трудовой и производственной мотивацией. Инициаторы реформы пытаются стимулировать мотивацию через превращение труженика, работавшего на государство, в собственника (с помощью механизма «ваучеризации»), полагая, что обладание собственностью, в том числе и на средства производства, окажется главным мотиватором созидательной инициативы. В качестве одного из важнейших аргументов этих преобразований выступает тезис о том, что политическая свобода должна опираться на свободу экономическую, то есть, на право свободного распоряжения своей собственностью.

Этот поворот в социальной политике меняет отношение прежде всего к деньгам, которые становятся мерой индивидуального богатства и формируют новую психологию, центральным пунктом которой является успех в сфере рыночных отношений.

В результате реформа проникла прежде всего в область торговли и распределительных отношений и почти не задела интересы, связанные с расширением производства, с новыми инвестициями и новыми технологиями. Сложнейшей проблемой реформирования российской экономики стала увязка интересов быстро растущего торгового капитала и капитала производственного. Важнейшей составляющей российской экономики стал компрадорский капитал, вывозящий то, что добыто коммерческим предпринимательством, за пределы страны.

Отказ от государственного вмешательства в ход реформы стал важнейшим источником некоторых проблем в структуре экономической деятельности. Там, где возникали проблемы со взаиморасчетами в условиях полного паралича судебных властей, экономического арбитража, органов охраны правопорядка, возникала потребность в охране имущественных интересов с помощью вооруженных группировок, применения насилия и постоянной угрозы насильственной расправы с должником, нарушителем партнерских отношений в сделке и т.д.

Ввести экономические отношения в русло законности и правопорядка оказалось гораздо более трудной задачей, чем создать эту ситуацию, которая складывалась как бы стихийно на основе тех принципов, которые были провозглашены в связи с либерализацией цен и поощрением коммерческого начала во всей структуре предпринимательской деятельности.

Конфликт интересов. Общее между потребностями и интересами состоит в том, что в обоих случаях дело связано со стремлениями людей, непосредственно воздействующими на их социальное и экономическое поведение. Однако если потребности ориентируют поведение людей на обладание теми благами, которые оказываются жизненно необходимыми или стимулируют жизненно значимые способы деятельности человека, то интересы — это те стимулы действия, которые проистекают из взаимного отношения людей друг к другу. *Непосредственный предмет социального интереса* — это не само благо как таковое, а *те позиции индивида или социального слоя, которые обеспечивают возможность получения этого блага.* А поскольку эти позиции являются неравными, постольку интересы в определенном смысле более конфликтогенны, чем потребности. Как в повседневной речи, так и в теоретическом анализе интересы гораздо чаще соединяются с социальным положением, которое фиксирует на определенное время совокупность возможностей, предоставляемых действующему лицу обществом. Именно социальное положение очерчивает границы доступного и возможного для индивида и социальной группы. Через возможное и в принципе доступное оно воздействует и на формирование реалистических желаний и стремлений. Положение, отрефлексированное в желаниях, чувствах, умонастроениях и жизненных планах, превращается в совокупность сложных стимулов деятельности — в интересы, которые и выступают в качестве непосредственной причины социального поведения.

Со стороны общества на формирование интересов оказывают наибольшее воздействие институты и системы распределения жизненных благ, сложившиеся в нем. Так или иначе через системы распределения решается наиболее существенная задача организации всякой социальной общности: соотнесения результата деятельности и признания этого результата через вознаграждение. При этом не следует иметь в виду лишь материальное или финансовое вознаграждение. Это — лишь частный случай более общего социального механизма мобилизации мотивации деятельности индивидов и социальных групп. В качестве вознаграждения может использоваться весьма широкий спектр не только имущественных, но и духовных благ, предоставление которых означает повышение престижа вознаграждаемого лица или социальной группы за то, что считается или признается полезным для общества.

Денежное вознаграждение в условиях рыночной экономики выступает в качестве «обобщенного» средства вознаграждения, поскольку оно предоставляет человеку большую свободу выбора в расходовании полученных средств. Конкретное благо, получаемое удовлетворение в рамках этой системы, становится частным делом. В рамках бюрократической системы гораздо большее значение в качестве средства вознаграждения имеет, например, продвижение по службе.

Через определенные виды соединения пользы и награды общество организует интересы социальных групп, направляя их по некоторым более или менее стабильным каналам. Интересы поэтому направлены не на абстрактное общество вообще, а на систему социальных институтов и прежде всего на институты распределения, которые оказываются главными инструментами регулирования социального положения. Через эти институты и закрепляется (воспроизводится) и изменяется совокупность социальных положений в обществе.

Любые социальные институты, особенно институты распределения, теснейшим образом связаны с организацией экономической жизни. Но вместе с тем они имеют продолжение в сфере политических, то есть властных, отношений. Поэтому и экономические интересы имеют тенденцию к превращению в интересы политические. Это происходит в тех случаях, когда напряженность, возникающая на основе неудовлетворенных экономических притязаний, не получает разрешения в своей сфере, когда становится очевидным, что политическая власть направлена на сохранение прежде существовавших экономических институтов и прежде всего институтов распределения, рассматриваемых в широком смысле слова. С одной стороны, они регулируют распределение благ, а с другой, — распределение массы населения данного общества в соответствии с имеющимися в обществе позициями, социальными ролями, положениями. Институты политической власти имеют более непосредственное отношение именно к этому второму виду распределения, скрепляя при помощи права, законодательства, обычая и авторитета социальную структуру. При этом осуществляется либо интегрирование общества, либо его расслоение и раскол.

Естественно, что не всякое расслоение ведет к расколу. Наоборот, во многих случаях органическая солидарность, о которой писал Дюркгейм, обеспечивается социальной дифференциацией. Раскол возникает в случае нелегитимной дифференциации, которая основывается на дисфункциях распределительных и политических институтов. Социальные интересы в этом случае не дополняют друг друга, а становятся антагонистическими, взаимоисключающими.

Все социальные революции, радикальные общественные преобразования порождаются глубинными конфликтами интересов: деятельность социальных групп в этом случае оказывается разнонаправленной прежде всего по отношению к наиболее существенным экономическим институтам — собственности и системам распределения, — а также к средствам и способам использования политической власти. Низы в этом случае не желают жить по-старому, а верхи не могут управлять обществом с помощью прежних политических, экономических и социальных институтов.

С точки зрения социологии конфликта интересы, следовательно, нельзя сводить только лишь к экономическим отношениям. Они пронизывают все сферы жизнедеятельности и все

жизненные отправления человека, раскрывая их социальную природу, постоянно демонстрируя, что любой жизненный акт так или иначе затрагивает отношения с другими людьми, с обществом, с социальными группами. В духовной жизни интересы получают свое завершение, оформление через формирование определенных стереотипов культуры, через признание нормальными определенных форм жизнедеятельности людей. Нежелание жить «по-старому» означает слом старых стереотипов культурного поведения и формирование новых «образцов», на которые ориентируется массовое сознание.

Одновременное преобразование экономических, политических и культурных институтов под напором соответствующих потребностей и интересов означает по сути дела переструктурирование общества, формирование новых социальных групп. Но теоретически этот процесс может быть представлен двояким образом. Первый вариант состоит в том, что возникновение новых групп происходит в прежнем социальном пространстве. Каркас общества остается неизменным, а изменяются лишь взаимоотношения групп: те, кто занимали очень мало места в прежнем социальном пространстве, стали занимать больше места, и наоборот.

Прежние преобразования объяснялись столкновением интересов крупных общественных сил, что составляло стержень классовой борьбы и социальных преобразований. Отсюда и попытки объяснить преобразования в России с помощью дихотомического противостояния общественных сил. На первом этапе эти силы фиксировались как бюрократические и демократические. При этом демократические силы рассматривались в качестве движущей силы перестройки, а бюрократические — в качестве основы «механизма торможения».

Смысл реформ в Советском Союзе, активно проводившихся в жизнь с 1987 года, состоял в изменении общественно-политической ситуации в стране, в разрушении системы тоталитаризма с помощью гласности и демократизации. Выборы на Первый съезд народных депутатов, состоявшиеся весной 1989 г., сопровождалась радикализацией политических умонастроений и вовлечением преобладающей части населения в политический процесс. Эти выборы положили начало разрушению монополии КПСС на осуществление властных полномочий в обществе. Речь шла теперь не о борьбе против бюрократии в общем плане, а об отстранении от власти партии, о разрушении ее идеологических устоев, действовавших в качестве ценностного основания всей общественной системы. В конце концов эта борьба привела вначале к изъятию из текста Конституции СССР знаменитой шестой статьи, закреплявшей монопольное положение КПСС в системе власти, а затем и к более основательному решению этой задачи.

В ходе быстрой демократизации изменялись не только политические институты, но и представления об обществе. На первом этапе перестройки общественная мысль ограничивалась противопоставлением номенклатуры и бюрократии, с одной стороны, и интересов народа или общества, с другой. Номенклатура рассматривалась в качестве особого класса со своими собственными интересами, получающими наиболее полное удовлетворение в рамках тоталитарной или административно-командной системы.

Дальнейшее развитие событий показало ограниченность этой первоначальной точки зрения. Конфликт интересов оказывается в нашем обществе отнюдь не дихотомическим (демократия против номенклатуры), а гораздо более сложным и многоплановым. Он развивается на основе усложненного варианта структурной кристаллизации общественных отношений и связей, в котором особую роль играют не столько традиционные факторы социально-экономического положения, сколько взаимоотношения социальных институтов и развертывание внутриинституциональных конфликтов.

К анализу крупномасштабных конфликтов на социальном уровне можно подойти двумя путями. С одной стороны, следует рассмотреть основания этих конфликтов, связанные с различием положения социальных групп в обществе. При этом, чтобы анализ был адекватным требованиям современной науки, необходимо отойти от пресловутой трехчленной формулы описания социальной структуры общества, достаточно подробно раскрытой в литературе еще в 70-е и 80-е годы. Необходимо зафиксировать, если угодно, эмпирически

наблюдаемые различия в социально-экономическом положении и статусе соответствующих групп, как и различия в ролевых функциях этих групп. С другой стороны, нельзя обойтись при анализе конфликтов на макроуровне и без выяснения идейного противостояния.

В идеологических формулах о будущем России и о перспективах ее развития противостояние обнаруживается наиболее резко и отчетливо. Идеологические ориентации, в свою очередь, не могут не оказывать воздействия на оценку настоящего: те, кто поддерживает правительственный курс, в большей мере склонны к выявлению позитивных тенденций в ходе реформ, а у тех, кто противостоит этому курсу, формируя «право-левую» оппозицию и предоставляя ей идейно-теоретический материал, преобладает алармистская оценка действительности.

Сами эти оценки не остаются в сфере «субъективного». Они вплетаются в жизнь, становятся частью этой жизни и действительности, побуждают людей не только к соответствующим высказываниям, но и к действиям. Таким образом, сама действительность оказывается конфликтной. При этом конфликт разворачивается как бы на двух направлениях. Одна линия идет от социально-структурных различий между группами, а вторая — от идеологических разногласий. Обе эти линии воздействия на макроконфликт пересекаются, но не совпадают. Современное общество ушло очень далеко от дихотомического деления, свойственного большинству европейских стран XIX в., когда идеологические ориентации опирались на вполне определенные классовые интересы, когда идеологи и политические доктрины «выражали» эти интересы. В конце XX в. усложнилась социальная структура и более многообразными стали идейные ориентации, разрушились прямые взаимосвязи между интересами и идеями, а главное, существенно обогатился социальный опыт соответствующих групп.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. Что такое конфликтология?
2. Кто такой конфликтолог?
3. Что понимает под конфликтом Э. Гидденс?
4. Каковы причины социальных конфликтов и революции (по П. Сорокину)?
5. Когда может существовать социальный конфликт, по мнению Луиса Крисберга?
6. Что включает в себя апелляция к потребностям, интересам, ценностям и нормам участников конфликта?
7. Назовите уровни конфликтующих сторон, поднимаясь от простых ко все более сложным субъектам действия (по Н. Смелзеру).
8. Какие наиболее существенные проблемы детерминации конфликта существуют?
9. В современной политологической литературе принято деление политических систем на четыре группы. Какие?
10. Что понимается под непосредственным предметом социального интереса?

Тема 6. Макро- и микроконфликты в системе социальных отношений

Практическая задача регулирования конфликтов предполагает уяснение механизмов их развертывания. В этой связи одна из наиболее сложных теоретических задач связана с уяснением механизмов взаимоотношения конфликтов на разных уровнях. Как уже отмечалось в предыдущих разделах книги, эта проблема относится к числу фундаментальных проблем социологии конфликта. Она остается весьма слабо разработанной, главным образом в связи с тем, что всякий конфликт носит, как правило, многоуровневый характер. Между его развертыванием на макроуровне и в микромасштабе имеется масса переходных моментов, связанных со специфическими особенностями сферы развертывания конфликта, равно как и фазы его развития.

Динамика конфликтности от макро – к микроуровням обывденной жизни. Для уяснения российской специфики важно обратить внимание на перекрещивание экономических,

политических и ценностных конфликтов, которое резюмируется в понятии кризиса. Эти формы макроконфликтов не только накладываются один на другой, но и взаимно стимулируют друг друга таким образом, что вопрос о первичности какой-либо одной из конфликтных областей лишается смысла. В кризисе находится не экономика или политика, а общество в целом. Программы выхода из кризиса, предлагавшиеся до сих пор, оказались неэффективными именно в силу того, что они не учитывали и не учитывают этот целостный или, как говорят сейчас, системный характер конфликтов, взаимно порождающих друг друга.

Чтобы более основательно понять процесс смены ситуации, нужно проанализировать не столько макроструктурные процессы, сколько обратить внимание на связь между макро- и микроуровнями и попытаться обозначить переходы между ними. Это тем более важно, что реформирование политических и экономических структур в России осуществляется сверху. Оно опирается или пытается опереться на государственные рычаги управления при значительной инертности массы населения и консервативности многих промежуточных структур.

Прежде всего, надо обратить внимание на неоднозначность самого понятия «конфликт на микроуровне». Основной смысл его состоит, на наш взгляд, в том, чтобы обозначить развертывание конфликта в повседневной жизни и повседневных обстоятельствах. За последние годы сложилось целое направление в теоретической литературе, названное «социология повседневной жизни». Кризисная ситуация в обществе не может не задевать уровня повседневности. Здесь происходят огромные изменения, которые сопровождаются межличностными конфликтами разного рода. Основная проблема для подавляющего большинства населения связана со степенью включенности в новые общественные отношения. Более точно следует сказать об уровне участия в строительстве этих новых отношений, перемалывающих прежние психологические установки. «Участие» при этом вовсе не означает вполне осознанную, целерациональную деятельность, связанную с осмыслением происходящего. Новые отношения предполагают стимулирование действий, направленных на достижение ближайших целей.

Обобщенная формула этого целеполагания на уровне массового сознания обозначается как «выживание». Опросы, например, в 1992 и 1996 годах показывали, что от 10 до 25% населения России решали задачи выживания достаточно успешно. При этом значительная часть общества медленно двигалась в заданном направлении — к предпринимательству, частной инициативе, к доказательству своей конкурентоспособности, преодолевая огромные трудности личностного и психологического порядка.

Другое понимание конфликта на микроуровне связано с тем, что любой макроконфликт, особенно политический и ценностный, обладает свойством персонификации. Борьба партий и политических группировок, разных «социальных сил» имеет обязательное личностное воплощение. Опыт последних десятилетий демонстрирует, насколько важным оказывается этот личностный аспект политического процесса. Неумение и нежелание отрешиться от личностных пристрастий, амбиций, предвзятых оценок со стороны лидеров политических направлений приводили во всех такого рода случаях к обострению конфликтных ситуаций. В сфере большой политики стимулирование конфликта на микроуровне обязательно осложняет конфликт, разрушает возможности компромисса или переговорного процесса, а подчас такого рода личностные выпады намеренно используются для провоцирования противника или оппонента.

Необходимо понимать связь макроуровней с повседневной жизнью и повседневными отношениями. Стимулов для возникновения конфликтных ситуаций в повседневном обиходе в условиях напряженности функционирования экономики и политики более чем достаточно. Главные каналы воздействия макроконфликтов на повседневную жизнь состоят, *во-первых*, в резком снижении жизненного уровня значительной массы населения, ускорившемся процессе очевидной социальной дифференциации, разрушении производственных связей и структур, оборачивающихся угрозой массовой безработицы. *Второй канал* стимулирования конфликтных ситуаций заключается в изменении сложившихся ранее институтов

социализации. Речь идет о школе, системе высшего и среднего образования, организации способов прохождения военной службы, возникновении новых каналов социализации, связанных с развитием малого бизнеса, коммерческих структур, различного рода полуправовых образований.

И тот, и другой каналы воздействия, исходящие от общества, оказывают влияние прежде всего на семейные отношения. Изменение размеров и источников дохода приводит к возникновению новых проблем в семье. В то время пересматривались взаимные отношения между супругами, все большее значение в этих отношениях приобретали материально-имущественные компоненты, что означало возникновение новых форм ответственности и взаимозависимости в семье. Молодое поколение в тех семьях, которые оказались достаточно прочными и способными пережить удары экономического кризиса, гораздо более критически относилось к представителям старшего поколения в семье и искало собственные пути обеспечения своей экономической самостоятельности. Разрушение семейных традиций в профессиональном и нравственно-этическом плане получил в те годы большее распространение.

Важнейший источник продуцирования конфликтов, разворачивающихся в сфере повседневности, заключается в кризисе системы ценностей на уровне всей общественной системы. За несколько последних лет изменились смысловые значения общественно-политических отношений и структур, произошли существенные сдвиги в области культурных ориентации. То, что представлялось ранее значимым и важным, перестало быть таковым в условиях ценностного кризиса, который проявляет себя во всех областях жизни как кризис рациональности.

Ценностный кризис глубоко переплетался с кризисом политическим, ибо вопрос о смысле тех или иных политических платформ и программ тесно связан с исходными мировоззренческими ориентациями, с символами веры идеологического характера.

Переплетение экономического, политического и идеологического кризиса порождает ситуацию саморазрушения и хаоса. С точки зрения взаимодействия конфликтов на макро- и микроуровнях этот кризис означает, прежде всего, переход в ситуацию неопределенности для каждого отдельного человека и для его семьи. Общественные структуры не предлагают человеку четко очерченных путей и способов социализации. Возникают новые масштабы свободы выбора и самоопределения, к которым человек оказывается психологически и нравственно не подготовлен. Наоборот, все более широкое распространение получают десоциализация личности, потеря жизненных ориентиров, формирование асоциальных способов личностной мотивации. В структурах сознания все большее место занимают новые самоидентификации, основанные на чувстве национальной или племенной принадлежности. В таких условиях распространяются иные архаичные структуры и формы сознания.

Одна из наиболее существенных характеристик ценностного кризиса заключается в утверждении чувства реванша по отношению к прошлому как важнейшей социально-психологической детерминанте практического поведения, особенно в политической сфере. На этой основе вырабатывается система официальных клише-заклинаний идеолого-мифологического характера, с помощью которых осуществляется разрыв с прошлым. Система новых символов становится важнейшим средством завоевания политического пространства новой политической элитой, характеризующейся не столько стремлением к конструктивному диалогу или к созидательной деятельности, сколько накоплением опыта провоцирования конфликтов. Политика таким способом конструирует новую политическую реальность: ее особенность в углубляющемся разрыве между структурами власти и повседневной жизнью. Каждая из этих сфер движется в своего рода замкнутом пространстве, без соприкосновения друг с другом.

Иррациональная действительность и конфликтность на микроуровнях. В силу повторяемости и массовости социальные противоречия определенным образом воздействуют

на макропроцессы. Без уяснения этой стороны дела картина взаимодействия конфликтов будет не ясна.

Возникает процесс *меркантилизации* отношений между людьми. Это неперенный атрибут перехода к рыночной экономике, его психологическое обрамление, особенно сильно действующее в начальной фазе этого процесса. Несомненно, что меркантилизация отношений подрывает основы общечеловеческих ценностей и приводит к массе неожиданностей в сфере личностных отношений. То, что ранее составляло предмет повседневных обязанностей и воспринималось как само собою разумеющееся, вдруг стало предметом купли-продажи, торговой сделки.

Важнейшим следствием ценностного кризиса на микроуровне оказывается *смена авторитетов*. Любая система власти и управления в обществе предполагает определенную иерархию авторитетов, добровольное согласие подчиняться или по крайней мере согласовывать свои действия с представителями власти. Изменение властных структур, а тем более изменение политического режима сопряжено с несколькими этапами в признании новых лидеров и новых авторитетов. Вначале происходит разрушение прежних авторитетов и образование своего рода вакуума. На этом этапе на первый план выдвигаются лидеры, энергия которых направлена на разрушение прежней системы ценностей. Лишь позже, когда будет пройден этап полного отрицания, вновь возникнет потребность в авторитетах созидательного типа. Это означает, что изменения властных структур и поиск новых форм легитимности происходит не только на институциональном уровне, но и персонифицируется.

В перспективе выдвигается новый тип организатора производства и политического лидера, появляются новая социальная среда и новые способы формулирования притязаний и выражения интересов. Все это вместе взятое означает формирование новой элиты, для которой характерен не только новый лексикон, но и новый стиль поведения. При этом смена «лидеров общественного мнения» тесно связана со сменой поколений. Обладание авторитетом в прошлых структурах и в системе прошлых отношений само по себе оказывается препятствием для приобретения статуса в новых общественно-политических структурах и отношениях.

Третья существенная характеристика кризисной ситуации — широкое распространение *чувства незащищенности и страха*. Это — непосредственная реакция на разрушение границ между дозволенным и недозволенным, на разрушение авторитетов. В то же время эти настроения растут в результате развития криминогенной ситуации в обществе. В 1991-1993 гг. в России ежегодный рост зарегистрированных преступлений составлял до 30% в год. Особенно много совершается преступлений против личности. В городах и населенных пунктах складывается неизвестная ранее ситуация, когда жители в вечерние часы опасаются выходить на улицу, возникает страх за жизнь своих близких и свою собственную.

Все это вместе взятое означает, что на микроуровне возникают новые типы мотивации повседневного поведения людей. И эти новые типы мотивации, основанные на частном интересе, на меркантилизации отношений, на потере авторитетов, сопряженной с ростом чувства личной ответственности, на постоянном чувстве страха и угрозы для жизни людей, продуцируют варианты дестабилизирующего поведения. Те процессы, которые происходят на макроуровне, приобретают значение именно через призму этой новой мотивации. В какой мере они содействуют психологической стабилизации или дестабилизации внутреннего мира личности? В этом наиболее существенный вопрос всех тех преобразований, которые происходят в обществе. Разумеется, на первых порах проведения преобразований имеется некоторый запас психологической устойчивости, который, однако, может быть израсходован достаточно быстро. Поддержка реформ предполагает создание в общем позитивного психологического баланса. Слишком долгое накопление негативных социальных эмоций неизбежно ведет к росту социальной напряженности структурного порядка и к открытым массовым конфликтам.

Рост социально-психологической напряженности ведет к возрастанию иррациональных форм поведения на микроуровне. Нетерпение оборачивается экстремизмом и отчаянием. В силу

этих обстоятельств программы, рассчитанные на рационального экономического человека, который знает, в чем состоят его собственные интересы, не получают поддержки и не могут быть реализованы. Большая часть этих программ не учитывает складывающейся социально-психологической атмосферы. Кризисная ситуация, потрясшая в те годы российское общество, демонстрировала несостоятельность рационально-экономической доктрины и показывала значение внеэкономических ценностных ориентации. Аффективность и иррационализм вряд ли могут быть вполне поняты на основании тех методологических установок, с помощью которых объясняются социальные процессы в условиях стабильности.

Психоаналитическая оценка иррациональной конфликтности. Краеугольным понятием психоанализа в этом отношении выступает понятие «вытеснение». Несомненно, что жесткий авторитет властных структур, свойственный прежней системе общественных отношений, был связан с вытеснением в сферу подсознательного, иррационального всей проблематики власти. Все, что касалось содержания властных полномочий, механизмов действия властных структур, мотивации, присущей властным отношениям, не подлежало осмыслению и анализу. Действовали закрытые инструкции, запрещавшие публиковать какие-либо данные, касающиеся методов работы партийного аппарата. Тем самым аппарат был выведен за пределы критики, а его деятельность — за пределы теоретического анализа.

Практически это означало не только формирование антидемократических норм, связанных с нарушением гласности. Эффект был более существенным. Сложившаяся практика формировала принципиально раздвоенное сознание. Был наложен запрет не только на обсуждение, но и на обдумывание тех вопросов, которые имели самое непосредственное отношение к эффективности принимаемых решений. Главным успехом успешного функционирования в рамках партийного аппарата и продвижения по служебной иерархии, в котором соблюдалась почти железная последовательность ступеней, было безусловное признание формального авторитета вышестоящего начальства. Более того, между руководителем и подчиненным складывались отношения феодальной зависимости, при которой все вопросы подчиненного, включая его сугубо личные отношения, так или иначе становились предметом заботы начальства. Нормой поведения был конфликт на уровне равных статусных позиций и в то же время умение подчиняться или создавать видимость полного подчинения.

Стиль отношений в рамках аппарата был источником психологической фрустрации у многих работников партийного аппарата и государственных служащих. Именно этим можно объяснить столь яростный разрыв с прежней системой власти и идеологические метаморфозы, наблюдавшиеся среди тех, кто так или иначе был вовлечен в высшие эшелоны власти. Многие публикации 1987-1991 гг. — свидетельство того, что этот разрыв происходил не на уровне рациональной критики прошлого, а прежде всего, был связан со всплеском освободившихся от постоянного контроля и самоконтроля эмоций. Личностный конфликт, основанный на механизмах замещения и вытеснения, часто разрешался благодаря его переносу в сферу политической и идеологической деятельности.

В определенных случаях можно было наблюдать такую зависимость: чем глубже были заверения в верности официальной идеологической доктрине и чем успешнее была карьера в рамках прежней системы, основанная на такого рода заверениях, тем более основательным был разрыв с прошлым. Этот конфликт сопровождался невротическими срывами. Необъяснимые и неожиданные поступки стали на протяжении этого периода не исключением из правил, а скорее нормой политического поведения. В конечном счете неотрефлексированность этого процесса привела к ряду кризисов властных структур и в последующий период, что проявилось наиболее отчетливо в событиях 21 сентября-4 октября 1993 года.

Процедура психоанализа предполагает осознание глубины залегания вытесненного в слоях подсознания. Механизм освобождения и рационализации деятельности связан с осмыслением и названием вины за совершенное преступление или деяние, осуждаемое общественной моралью. В этом пункте концепция психоанализа имеет прямую связь с

проблематикой оценки прошлого исторического опыта, с преступлениями, совершенными сталинским режимом, и с темой покаяния, широко обсуждаемой в средствах массовой информации и в кругах гуманитарной интеллигенции. Покаяние с точки зрения некоторых бывших идеологов, а ныне строгих носителей нравственного императива, — предполагает радикальное изменение личностных установок, оно должно быть продекларировано публично, как это было сделано авторами целого ряда социологических и философских публикаций. Смысл его в том, чтобы признать собственную вину и ответственность за поддержание тоталитарного режима и таким путем добиться очищения.

Речь идет о проблеме исключительной сложности, которую невозможно обойти молчанием. Абсолютно неправильно утверждать или делать вид, что такой проблемы не существует и что каждый решает ее в соответствии с собственным мироощущением и чувством нравственной ответственности.

В этой части учебника целесообразно отметить роль коллективного бессознательного в структуре которого К.-Г. Юнг главное место определял архетипам. В свою очередь, числу важнейших архетипов К.-Г. Юнг относил архетипы, символизирующие структурные части психики человека, среди которых имеет место и конфликтность. Доктрина коллективного бессознательного оказала большое воздействие не только на психологов, но и на социологов, культурологов, историков, этнологов, религиоведов, а также и на западное искусство XX в. Проблема психоанализа социальной конфликтности признается далеко не всеми, ее критикуют. Но знать о ней надо, поскольку многие феномены массовой конфликтности и недовольства не всегда можно считать актами сознательной деятельности людей. Нередко они очень напоминают действия, как следствие бессознательной мотивации. Особенно это касается случаев безответственного поведения граждан.

По этому поводу можно добавить, что А. Стивенс (практикующий врач-психиатр, психоаналитик, лектор института К.-Г. Юнга, автор ряда книг по психологии К.-Г. Юнга) рассматривает причины происхождения войн, их психологические и биологические корни и источники, привлекая для объяснения психоаналитическую теорию архетипов К.-Г. Юнга, данные биологических и социальных наук, антропологии, политики. На основании подробного анализа он приходит к заключению, что корни агрессии и войны скрыты в глубине человеческой психики. Агрессия, так же, как и сексуальные влечения, является древним инстинктом человечества. Война, вскрывая самое лучшее и худшее в нас, способствует нашей самореализации. Она мобилизует наши глубинные источники любви, сострадания, самопожертвования, сотрудничества и одновременно порождает ненависть, жестокость, разрушение. Она временно устраняет конфликты, существующие в обществе, возрастает сплоченность сообщества, значимость каждого ее члена, повышается способность его членов ко всеобщей идентификации, люди временно освобождаются от рутины и ответственности.

Психиатр А. Стор отмечает, что люди, утратившие смысл жизни, испытывающие неудовлетворенность, почти с религиозным чувством подчиняют себя единой воле, отдаются разрушительному порыву. Об универсальности войн говорят сухие цифры статистики, констатирующие, что в период с 1500 по 1860 год на каждый год мира приходилось 13 лет войны. История человечества есть история его войн. Еще в Древнем Риме возник столь известный теперь лозунг «Хочешь мира — готовься к войне». Война и мир сменяют друг друга, как фазы Луны, с таким же постоянством и неотвратимостью природного закона. Они неразрывны, как тепло и холод, день и ночь, порядок и хаос. Длительные периоды мира связаны с сублимацией и репрессией воинственности, которая тем не менее находит свой выход в мирной жизни в возрастающем количестве фильмов, пропагандирующих культ насилия и жестокости, росте преступности и др. В мифологии, в естественнонаучных, психологических и социальных учениях Дарвина, Маркса, Фрейда мир предстает как результат борьбы различных начал, противоположных сил. Это борьба видов в животном мире, борьба различных экономических и социальных систем, борьба его и самости, суперэго и бессознательного, разума и чувства.

В основании всех жизненных явлений лежит единый универсальный принцип взаимодействия противоположных начал, конфликт есть универсальная характеристика мира, его движущая сила, источник развития. Динамические полярности могут находиться только в двух состояниях: конфликта и равновесия. Конфликт между государствами, нациями, отдельными людьми есть лишь частный случай действия всеобщего закона. З. Фрейд утверждал, что сама человеческая личность является продуктом борьбы принципа удовольствия и принципа реальности. В биологии выражением этого закона служит механизм гомеостазиса. Все существующие политико-экономические объяснения причин возникновения войн являются лишь рационализациями императивного древнего опыта человечества, закона универсума. Существуют два основных подхода к рассмотрению человеческой природы: один утверждает, что человек есть существо рациональное, а всплеск агрессии и жестокости возникает как нетолерантная реакция на жизненные обстоятельства; другой утверждает изначальную иррациональную природу человека, для которого акты насилия и агрессии являются природными и естественными. Представителями первого направления являются французские философы и мыслители эпохи просвещения (Руссо, Буффон), рассматривающие человеческое сознание и психику как *tabula rasa*, формирующиеся прижизненно.

Они считали, что реформы и совершенные социальные институты с неизбежностью приведут к уничтожению войн. Второе направление получило свое развитие в английской философии XVII в. (Т. Гоббс) и далее в немецкой романтической философии, в трудах Ницше, Фрейда. Представители этого направления предприняли попытку более глубинного взгляда на человеческую психику. Они рассматривали воинственные проявления человека не как патологию и отклонение в его природе, а как естественное состояние, диктуемое его собственной природой. Война есть единство рационального и иррационального, когнитивного и аффективного, она является результатом взаимодействия многих переменных. Для нее справедливы основные принципы гомеостазиса: саморегуляция, целенаправленность, наличие положительной и отрицательной обратной связи.

Существуют психологические объяснительные механизмы возникновения агрессии. Основы враждебного и дружелюбного отношения к миру закладываются уже в детстве. Через привязанность и любовь к матери, дающей ребенку защиту и покровительство, формируется, выражаясь словами Э. Эриксона, «базовое доверие к миру», рождает доброжелательность и миролюбие. Различение «своих» и «чужих» формируется уже в младенческом возрасте, оно существует у шестимесячного младенца, когда по отношению к «своим» ребенок проявляет позитивные эмоции, встречает их улыбкой, при общении с «чужими» он плачет, стремится избегать контактов. Все «чужие» и «посторонние» рассматриваются им как потенциальные носители опасности и вызывают защитное агрессивное поведение. На протяжении всей последующей жизни человек стремится принадлежать какой-либо определенной группе и противостоит другим. То, насколько прочно сформировалось доверие к миру, определяет дальнейшее поведение человека в нем: будет ли оно агрессивным или миролюбивым.

Существование врожденной агрессивности подтверждают нейропсихологические исследования, которые утверждают, что, подобно всем млекопитающим, мы наделены природными механизмами агрессии и ее контроля, обеспечивающими эффективность организма в экстремальных физических условиях. Эндокринологами установлена связь между уровнем мужского гормона тестостерона в крови и выраженностью агрессии. Поэтому, очевидно, ошибочно мнение отдельных исследователей, утверждающих, что все человеческие формирования (сознательность поведения, эмоциональное реагирование) образуются при жизни и являются лишь результатом научения.

В природе все устроено разумно. Все имеет свой смысл и значение, в том числе и агрессия, являющаяся необходимым условием выживания любого животного вида в мире, где ведется постоянная борьба за более благоприятные условия, территории, источники пищи, за власть, за доминантность, за лидерство. Агрессия обеспечивала селективное воспроизведение. Она, генетически закрепляясь, служила условием естественного отбора, где все слабое и

недееспособное элиминировалось. Агрессия, связанная с доминантностью и социальным превосходством, приводила к выделению лидеров внутри каждой группы, их задача состояла в объединении сообщества, выработке и принятии решений, поддержании дисциплины. Агрессия к особям своего вида всегда была выражена слабее, чем к особям любого другого вида, что диктовалось биологическими соображениями сохранения вида.

Одновременно формировалась и внутригрупповая кооперация, обеспечивающая наиболее эффективные условия защиты от врагов, охоты и борьбы с особями иных групп. Интересно, что две различные формы агрессивного поведения контролируются различными структурами мозга. Таким образом, биологический шовинизм, эволюционируя, перерастал в социальный. В человеке живет бессознательная установка делить людей на «своих» и «чужих», потенциальных друзей и врагов. Интересно, что латинское слово "hostis", от которого происходит английское слово «враждебность» (hostility), переводится как «посторонний», «чужой». На определенном этапе развития человеческого вида, когда для различий и делений внутри одного вида уже нет биологических оснований и предпосылок, возникают, как указывал Э. Эриксон, псевдовиды, имеющие культурные; языковые, религиозные, территориальные и политические различия. Биологически сформированная и закрепленная потребность делить мир на «своих» и «чужих» порождает расизм, национализм, войны. Опираясь на юнгианскими понятиями, «война» и «мир» являются архетипическими структурами человеческого бессознательного. Юнг определял архетипы «как психологический «сгусток» родового опыта, но не сам опыт».

Ж. Моно, французский молекулярный биолог, высказал аналогичную мысль о том, что все формы человеческого поведения происходят не из его индивидуального опыта, а из опыта, сформированного эволюционно, накопленного видом homo sapiens, умножаемого на каждом этапе развития. Архетипы так же универсальны, как те биологические основания, на которых они образуются, они есть универсальный субстрат человеческой психики, духовное наследие человечества, сформированное в ходе эволюции. Архетипы являются не только биологически детерминированными, но и трансперсональными по своей природе.

Они передаются через время, расы, культуры, определяя индивидуальные и коллективные формы поведения. Жизненный цикл, который проходит индивид, формируется под воздействием архетипических структур: этап материнства, освоение окружающей среды, враждебность к «чужакам», включенность в группы, инициация во взрослую жизнь, поиск места в социальной иерархии, союз мужчин для противостояния внешней агрессии, воспитание детей, религиозные ритуалы, принятие социальной ответственности, подготовка к смерти — все эти паттерны заданы архетипически.

Как для каждого инстинкта существует свой пусковой сигнал, так для актуализации архетипических комплексов характерны свои высвобождающие механизмы (например, появление знакомого человека вызывает у младенца улыбку, и его плач вызывает беспокойство матери, появление «чужака» вызывает страх или агрессию). Архетипы действуют как врожденные программы, обеспечивая адаптацию организма к меняющимся внешним и внутренним условиям, они задают наиболее вероятные формы поведения, «валентные» направления, создавая тем самым наиболее благоприятные условия для их обучения.

Агрессивность — это часть биологического арсенала человека. Поэтому ошибочны утверждения, рассматривающие агрессивность как результат индивидуального развития или как простую реакцию индивида на неудовлетворенные потребности. Хотя это тоже бывает. Но за последние 35-50 тыс. лет человек по своей биологической сути практически не изменился: геноцид, Гитлер и Пол Пот мало отличаются по своей жестокости и механизму возникновения от племенных войн Бурунди, воинственности Чингиз-Хана, Тамерлана и Атиллы. И хотя теперь общество считается цивилизованным, тем не менее, по своей биологической сути современные люди нисколько не гуманнее предков, управляемых древними бессознательными импульсами. Сама история человечества подтверждает биологическую значимость агрессии.

Наиболее воинственные романские племена, саксы, готы эволюционно закреплялись и выжили, отвоевав себе наиболее благоприятные территории и климатические условия,

Калахарские бушмены, аборигены Тасмании, ацтеки исчезли как этнос, вытесненные своими агрессивными соседями. Природное миролюбие эскимосов, пигмеев объясняется лишь тем, что никто и никогда не претендовал на их территории в силу малопригодных для жизни климатических условий. Некоторые исследователи возражают, что война теперь стала скорее делом профессионалов и утратила тем самым свое эволюционное значение. Но ведь война предоставляет возможность не только для действия, но и для фантазии. Агрессивность может принимать разнообразные формы, находя свое выражение в фильмах, военных играх и ритуалах, политических и научных спорах. Отсутствие явно выраженной враждебности не говорит о том, что ее нет в действительности. Она лишь находится в латентной форме и не проявлена.

Нельзя согласиться с точкой зрения Лоренца, утверждающего, что агрессия имеет силу инстинктивного побуждения, которое должно быть непосредственно реализовано. Такие формы открытого проявления агрессии свидетельствуют лишь о патологии. В норме агрессия всегда зависит от стимула и включается в целостную структуру человеческого поведения. Например, объединение молодых людей для совершения совместных агрессивных действий в банду является не проявлением инстинкта, а активацией архетипических диспозиций.

Ряд авторов усматривают в подобной архетипической гипотезе обоснования войн определенный биологический фатализм, который обеспечивает человечеству алиби и развязывает ему руки. С точки зрения этих авторов уничтожение возможных разногласий и их причин должно привести к уничтожению самих войн. Это утверждение, хотя и является логичным, не отражает психологических особенностей человеческой природы, которая не всегда следует законам логики и рациональности. Человек, движимый архетипическим опытом, всегда будет находить причины логичные и нелогичные.

Таким образом, ни концепции Т. Гоббса и К. Лоренца об инстинктивной природе агрессии, ни концепции Д. Локка и А. Монтегю о ее принудительном характере, который диктуется внешними обстоятельствами и неудовлетворенностью человеческих потребностей, не могут вскрыть ее истинной природы. Они пытаются дать лишь наиболее рациональные объяснения природы социальной конфликтности и агрессивности. Ранее, до 1991 года, такие подходы к пониманию такого рода явлений назывались биологизаторскими.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. В чем состоят главные каналы воздействия макроконфликтов на повседневную жизнь?
2. В чем заключается важнейший источник продуцирования конфликтов, разворачивающихся в сфере повседневности?
3. Назовите наиболее существенные характеристики ценностного кризиса.
4. Перечислите важнейшие архетипы по К.-Г. Юнгу.
5. Почему корни агрессии и войны скрыты в глубине человеческой психики (по А. Стивенсу)?
6. В основании всех жизненных явлений лежит единый универсальный принцип. Назовите его.
7. Существуют два основных подхода к рассмотрению человеческой природы. Назовите их и дайте характеристику.
8. Перечислите, известные Вам психологические объяснительные механизмы возникновения агрессии.
9. Назовите этапы жизненного цикла, который проходит индивид и который формируется под воздействием архетипических структур.
10. Что понимается под социальной агрессивностью?

Глава 3. Кризис системы ценностей и социология конфликтности

Тема 7. Духовно-нравственные ценности и профилактика напряженности в системе социальных отношений

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (по пунктам):

I. Общие положения:

4. Традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

5. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

6. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

7. Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

8. Осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность.

9. Государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее - государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей) представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей.

10. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества. В реализации такой государственной политики участвуют федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности, и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий.

17. Распространение деструктивной идеологии влечет за собой следующие риски:

г) внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, рост употребления алкоголя и наркотиков.

IV. Инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей:

29. Мониторинг достижения целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей требует разработки соответствующей системы показателей, основанных на следующих данных:

- а) официальная статистическая информация;
- б) итоги социологических исследований;
- в) результаты мониторинга проблемных ситуаций, связанных с сохранением и укреплением традиционных ценностей (по субъектам Российской Федерации и сферам ответственности органов публичной власти).

Этот документ является важнейшим регулятором социальной конфликтности, поскольку обращает внимание на необходимость соблюдения, формирования и стремления к базовым и фундаментальным духовно-нравственным ценностям нашего народа. В нем содержатся сведения, которые имеют прямое отношение к профилактике социальной конфликтности, поскольку обращают внимание на такие ценности, которые в условиях социальной нестабильности могут привести к личным трагедиям граждан. Именно поэтому так необходимо ответственно относиться к общественной жизни.

В целом же проблематика кризиса духовно-нравственных ценностей в прикладной социологии достаточно давно рассматривалась в качестве условия и источника социальной конфликтности. Эта тема предполагает анализ рисков в связи с разрывами ценностей культуры и ценностных ориентаций человека. Связь между этими двумя крайними компонентами культуры — важнейшее цементирующее и стимулирующее начало всей общественной жизни. И напротив, разрыв этой связи означает глубокий духовный кризис. В современном обществе в соединении различных составляющих общественной жизни и в осознании его целостности огромная роль принадлежит интеллигенции. Она выполняет роль духовного и интеллектуального посредника в системе общественных связей.

Но интеллигенция может справиться с этой ролью лишь при условии, если ее сознание не разорвано, если оно само основывается на определенных посылах мировоззренческого характера. Одна из особенностей российского духовного кризиса заключается в резком повороте от атеистического миропонимания к религиозному. Потребность в религии определяется поиском смыслообразующих оснований жизни. В связи с этим в главе рассматриваются фундаментальные проблемы социологии религии. В заключительном параграфе дается характеристика наиболее распространенных идеологических ориентации, выявляется специфика идеологического конфликта как разновидности конфликта ценностного.

Культура и ценностные ориентации человека. Всякое человеческое сообщество скрепляется не только с помощью взаимных интересов, обмена благами и услугами, проистекающего из разделения труда, не только общими для всех членов сообщества угрозами и опасностями, но и определенным, более или менее одинаковым пониманием всей совокупности жизненных задач и проблем.

Разумеется, одинаковость понимания нужно принимать *cum grano salis*, то есть у каждого — свое мировоззрение, свой жизненный опыт, свои предпочтения и привязанности. И все же, чтобы эти индивидуальные предпочтения признавались и уважались другими, необходима общая система координат, в качестве которой выступает невидимая глазу и неосозаемая реальность: общая система ценностей.

Система ценностей — это мир значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем его собственное эмпирическое существование, это окультуренная и передающаяся от поколения к поколению с помощью некоторой совокупности условных знаков (символов) констелляция чувств, эмоций и идей, существенных для данного сообщества. Система ценностей — важнейший компонент культуры и культурной жизни. Она возвышает человека, приобщает его к миру духовности. Благодаря ценностям, человеческое существование выходит за рамки потребностей и интересов, за рамки того, что

необходимо для жизни, и того, что выгодно, удобно, эффективно в данный момент времени. Именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл.

Система ценностей выполняет важную функцию как в жизни сообщества людей, так и в жизни отдельного человека. Главное ее назначение состоит в том, что здесь как бы накапливаются критерии, позволяющие отделить добро от зла, пользу от вреда, истину от заблуждения. Это задача безусловных ценностей, составляющих стержень духовной культуры сообщества людей. Их называют также терминальными ценностями. Другая группа критериев связана с ценностями инструментального порядка, с теми, которые позволяют отделить важное от менее важного и совсем неважного, значимое и существенное от мелкого и преходящего.

С древних времен вырабатывались представления о классической триаде ценностей, составляющих основание культуры и духовности: *добро, истина и красота*. Именно здесь сосредоточены подлинно человеческие устремления, возможности выхода человека в царство свободы и преодоления им мира необходимости и своекорыстия. На протяжении истории человеческого общества, равно как и на материалах культурно-антропологических исследований неоднократно демонстрировалось, что конкретное содержание этих главных ценностных понятий наполнялось разным, а порою и прямо противоположным содержанием. Однако все социально значимые побуждения в любых человеческих культурах и сообществах люди облекали именно в форму этих понятий. В известном смысле эти понятия являются абсолютными характеристиками культуры. Как бы низко ни падал конкретный человек, как бы ни кипели страсти под влиянием нужды, зависти, политических амбиций и притязаний, люди вновь и вновь будут обращаться к идеалам прекрасного, справедливого, истинного. Такова позиция, исходящая из уважения к классическим формам развития знания, искусства и философского мышления. Этой позиции противостоит модернизм — неопределенное умонастроение в культуре, исходным понятием которого оказывается «здесь и сейчас».

В XIX и XX вв. мир ценностей существенным образом расширился и обогатился. Значимыми стали ценности личного достоинства и индивидуальной свободы. Идея гражданских прав приобрела ценностное содержание и стала важнейшим критерием, используемым для сравнения между собою различных политических порядков и режимов власти. Вместе с тем обнаружили очень сложные пути достижения названных выше основных ценностей. Прямолинейное восхождение по нарастающей линии духовного прогресса, воплотившееся в свое время в идеологии Просвещения, оказалось несбыточной мечтой, фантазией, мифом. В XX в. возникла практика массового уничтожения целых народов, обоснование которой было дано теориями расового неравенства и неполноценности определенных этнических групп. Сторонники этих концепций, как и те, кто контролировали лояльность по отношению к государству или политическому режиму на основании критериев идеологического порядка, также взывали к абсолютным истинам.

Поэтому современное общество и современная общественная мысль с большой осторожностью относятся ко всякого рода декларациям по поводу абсолютных ценностей. Один из наиболее фундаментальных процессов, совершающихся в культуре современных обществ, — процесс релятивизации ценностных представлений. стремление ограничить их действие и смысл сиюминутными ситуациями, что приводит подчас к низведению ценностей к интересам и потребностям материального или физиологического порядка. Если рассматривать более широкий круг человеческих побуждений, то нельзя не заметить важной духовной потребности человека к поискам и обоснованию смысла своего собственного существования в этом мире. Человек хочет понять мир, в котором он живет. Чтобы ориентироваться в этом мире, он должен знать, что хорошо и что плохо. Какие из его действий и побуждений получают поддержку и одобрение со стороны того сообщества людей, к которому он принадлежит, а какие — будут явно неодобряемы и даже наказуемы? Понимание критериев самооценки и оценки поступков других людей дается благодаря усвоению ценностного и нормативного содержания культуры. Наиболее существенная характеристика системы ценностей состоит в

том, что именно здесь сосредоточены представления людей о смысле их жизни. Система ценностей — это смыслообразующая сфера общественных отношений. Именно здесь формулируются конечные основания выбора действия, связанные с философией данного общества, с его мировоззренческими установками. Благодаря усвоению системы ценностей человек решает для себя вопрос о том, ради чего он живет. Оценка каждого конкретного поступка приобретает смысл только в соотношении со способом решения этой общей мировоззренческой задачи, которая осмысливается в виде понятий добра, правды, справедливости, красоты, достоинства, свободы и иных ценностных категорий. Сообразно этим категориям соответствующие поступки называются добрыми или злыми, героическими или низкими, прекрасными или безобразными, справедливыми или эгоистическими, а люди, их совершающие, становятся носителями соответствующих нравственных и эстетических качеств.

Усвоение ценностных критериев, предлагаемых обществом, — дело исключительно сложное и неоднозначное и в то же время необходимое. Если у людей не было бы общих представлений о добре и зле, то их совместная жизнь была бы просто невозможной. Наличие системы ценностей, воплощаемое в культуре, — одно из неперемennых условий сохранения каждого данного сообщества, а распад этой системы ценностей и есть не что иное, как свидетельство кризисного состояния общества. Такой распад приводит к разрушению ценностных ориентиров и критериев различения правильного от неправильного, доброго от злого, хорошего от плохого, полезного от вредного и т.д. Чтобы уяснить значение ценностных критериев, важно иметь в виду, что каждый отдельный поступок мотивируется сам по себе гораздо более конкретным спектром побуждений и интересов. Мотивация совершения поступка всегда ситуативна, соотнесена с данными обстоятельствами и интересами данного человека — субъекта этого действия. При этом он может думать о конечных нравственных категориях, а может вообще не принимать их во внимание, преследуя самые ближайшие задачи, вытекающие из данной ситуации. Более того, многие поступки, совершаемые конкретными людьми, совершаются ими не под влиянием расчета, не в результате обдумывания и взвешивания ситуации, а на основе интуиции или в результате аффективной концентрации эмоций, которые требуют разрядки, выхода из сложившегося положения, ответной реакции на угрозу, действительное или кажущееся оскорбление и т.д. Реальные поступки совершаются далеко не всегда под воздействием прямой ценностной мотивации, в них всегда или почти всегда присутствует иррациональный момент, компонент подсознательной мотивации, которая не осмысливается самим действующим агентом.

Между конкретной мотивацией, следовательно, и миром ценностей и культуры существует дистанция, которая то увеличивается, то сокращается. Ценностный кризис заключается прежде всего в увеличении этого разрыва. Наиболее краткая характеристика такого состояния общественных отношений выражена в формуле «распалась связь времен» — *the time is out of joint*.

«Нормальное» состояние общества, напротив, характеризуется прежде всего наличием механизмов передачи и изменения наследия, созданного предшествующими поколениями, к поколениям современным. Благодаря институтам социализации разрыв между индивидуальным миром и ценностями культуры данного сообщества преодолевается с обеих сторон.

Ценностный мир личности или совокупность ее ценностных ориентации строится прежде всего на основе переживания собственного опыта. Сам процесс переживания этого опыта, воспоминаний о содеянном, самооценка поступка, самоанализ — дело сугубо интимное. Здесь человек остается наедине с самим собою. В ходе этой нравственно-психологической работы по осмыслению и переживанию собственного опыта человек формирует образ самого себя или «Я-образ», в котором содержится не только память о том, что было важным и существенным в жизни, но и отношение к себе, основанное на сопоставлении «Я» с «Другими» и на предполагаемом восприятии этого «Я» «Другими». Разумеется, структура самосознания не сводится к Я-образу. Как показывает современный психоанализ, она более сложна и

многогранна. Но именно вокруг Я-образа концентрируются ценностные представления и ценностные ориентации личности, придающие ей определенность. В свою очередь ценностные ориентации организуют мир эмоций и переживаний, они оказывают наиболее существенное воздействие на мотивы поступков и действий. Благодаря ценностным ориентациям разрешаются на подсознательном уровне конфликты желаний, побуждений, устремлений, составляющие содержание внутреннего психологического процесса.

Третий важнейший компонент внутренней жизни — стремление освоить мир ценностей, предлагаемых культурой сообщества, к которому принадлежит человек, хотя это ему далеко не всегда удается в полной мере. Важно обратить внимание, однако, на сам способ усвоения ценностей культуры. Это усвоение происходит при помощи наиболее широких обобщений философского, мировоззренческого и религиозного плана, которые входят в определенные системы рационализации жизненного опыта. Рационализация как система умозаключений связывает внутренний мир с миром культурных ценностей и значений. С ее помощью человек упорядочивает свой опыт, придает ему некоторый социальный смысл и получает ответы на вопросы такого плана: зачем я живу, зачем я действую, есть ли смысл в моей жизни?

Медиация (посредничество) и роль интеллигенции. Со своей стороны, общество предлагает и разрабатывает свои варианты преодоления разрыва между ценностными ориентациями личности и ценностями культуры, используя разнообразную совокупность средств.

Прежде всего, оно предлагает упрощенные варианты ценностей в качестве прямо одобряемых образцов поведения: героев средств массовой информации, лауреатов премий и т.д., с помощью которых декларируются идеалы общественной полезности или общественного блага. Оно помещает в центр своей пропагандистской деятельности не систему философских обоснований мира ценностей и культуры, а конкретных индивидов, образы которых должны стать частью комплексов, мотивирующих поведение других людей. Таким образом осуществляется интерпретация системы ценностей для массового сознания и для массового потребления.

Кроме того, в обществе происходит структурная интерпретация ценностей. Представления о добре и зле, о красоте и уродстве, об истине и заблуждении разъясняются специально предназначенными для этих целей «проповедниками», в качестве которых выступают определенные профессиональные группы в обществе: художники, писатели и музыканты, например, наиболее компетентны в вопросах искусства и, следовательно, в вопросах разграничения прекрасного от безобразного. Ученые в наибольшей мере компетентны в вопросах истины и заблуждения, учителя жизни — в вопросах справедливости и добра в их отличии от зла и несправедливости. На этом поприще выступают ныне профессиональные политики, которые должны «знать», в чем состоит общественное благо и общественная польза.

Однако само содержание такого рода пропагандистской деятельности существенным образом различается в условиях стабильности и бурных социальных перемен, и социальных потрясений. Стабильность характеризуется наличием социально-ценностного консенсуса. Как минимальное ее условие необходима официальная интерпретация системы ценностей общества, получающая более или менее значительную поддержку со стороны массового сознания. В условиях кризиса, *во-первых*, нет единой официальной интерпретации системы ценностей, что порождает огромные трудности перед слоем посредников-пропагандистов. Какой версии исторического процесса должен учить, например, школьный учитель в условиях конфронтации и идеологического противостояния? *Во-вторых*, кризис характеризуется тем, что массовой поддержки официальной идеологической доктрины не существует. В этом и заключается главный механизм разрыва между целостным общественным организмом и частной индивидуальной жизнью.

В результате этого разрыва ослабляется действие не только социализирующих институтов в обществе: школы, семьи, системы высшего образования, но и институтов социального контроля:

- правосудия, правоохранительных органов, системы поддержания и обеспечения правопорядка, ставится под вопрос эффективность пенитенциарной системы, то есть тюрем, колоний и других учреждений, обеспечивающих исполнение приговоров, связанных со сроками изоляции преступников от общества. В результате создаются благоприятные условия для криминализации всей системы общественных отношений.

Опыт российских преобразований свидетельствует, что плавный переход от одной стабилизирующей системы ценностей к другой, вырабатываемой на совершенно противоположных основаниях, невозможен. Главная причина здесь не только в сложности опосредствующих связей, но и в неопределенности ценностных ориентации складывающейся системы.

Складывается впечатление, что в настоящее время общество подошло к такому моменту, когда необходима конкретизация целевых установок каждого.

Скорее всего эффективность ценностного согласия может быть обеспечена не столько путем декларирования терминальных ценностей, сколько путем утверждения в массовом сознании правомерности инструментальных ценностей, к числу которых можно отнести верность договору, признание приоритета закона, соблюдение кодекса правил конкурентной борьбы, правопослушное поведение граждан, отклонения от которого могут служить источником применения санкций, в том числе и насильственных, если они опираются на авторитет государства, честность и порядочность во взаимоотношениях между частными лицами, уважение к личному достоинству и частных интересов.

Религиозность. В годы кризисов, войн и иных общественных потрясений сознание людей в своем стремлении понять происходящее неизбежно обращается к смыслообразующим категориям, к последним основаниям бытия. Особенно привлекательными, притягивающими оказываются ранее отвергнутые формы мышления и стереотипы поведения, к числу которых долгое время в России относилась и религия. В силу множества причин, слившихся воедино, духовный кризис, переживаемый обществом, переплетается ныне со своеобразным религиозным ренессансом: прежде всего речь идет о религиозном обосновании нравственности, о стремлении возродить ритуалы, освящающие наиболее важные вехи человеческой жизни — рождение, вступление в брак, смерть. В связи с этим за короткое время церковь из отторгаемой и полузапретной организации превратилась в мощный центр духовного притяжения. В несколько раз увеличилось количество прихожан; церковные праздники превратились вновь в события народной жизни; средства массовой информации обеспечили наглядность участия в церковных церемониях и обрядах высших должностных лиц государства, а должность священнослужителя стала одной из наиболее престижных в общественном мнении.

Несомненно, что одним из главных условий наблюдающегося религиозного ренессанса стало изменение самого общества, утверждение демократических норм в отношении религиозного мировоззрения и церковных учреждений. Следует отметить, что наряду с этим действует и другой фактор — мотив реванша в общественном сознании, стремление сделать наоборот по отношению к тому, что ранее не одобрялось или запрещалось. Здесь, следовательно, важен не только момент вновь обретаемой веры, но и демонстративная мотивация протеста по отношению к прошлому, на основании чего складывается своего рода мода на религию и участие в церковных обрядах, распространяющаяся среди молодежи и интеллигенции.

Само по себе обращение к религии так же, как и избрание конфессии, дело сугубо личное и интимное, однако общество ныне озабочено выработкой противовесов небывалому росту преступности, всеобщей необязательности и анархии. Вопрос состоит в том, может ли религия стать одним из таких противовесов? В какой мере восстановление мирской власти должно опираться на религиозное обоснование? Является ли эта задача своего рода культурной инновацией или это воспроизведение архаических структур в системе образования и воспитания? Эти вопросы являются отнюдь не личностными. Они входят в сферу социологии религии. Нейл Смелзер в своем учебнике по социологии определяет предмет этой дисциплины

следующим образом: «Для социолога религия — социальное явление. Социологи хотят знать, как организованы любые религиозные группы, не только те, к которым принадлежат они сами. Они хотят знать нормы и ценности религиозных групп и то, что дает религия как для членов соответствующей группы, так и для общества в целом. Они хотят знать, почему существуют религии и каким образом они передаются от поколения к поколению. Они хотят знать также, как принадлежность к религиозным группам воздействует на другие стороны жизни людей — на их установки, семейную жизнь и т.д.».

В современной социологической литературе религия рассматривается не в качестве отчужденной формы общественного сознания, отраженного бытия, а в виде органической формы самой жизни, связанной со смыслообразующими началами культуры. Вместе с тем, всякая религия соединена с определенными формами организации, с групповыми материальными и идейными интересами соответствующих общественных сил и прежде всего с интересами и формами жизни священнослужителей, которые так или иначе опираются на признание и поддержку «мирян».

Анализируя в свое время истоки религиозной деятельности и религиозного мышления, Макс Вебер пришел к заключению о том, что важнейшим свойством большинства мировых религий является их способность удовлетворять «потребность в спасении». Конечно, сама идея спасения трактуется в разных религиозных доктринах и даже религиозных толках по-разному. В одном случае речь идет о более благоприятном перевоплощении в последующей жизни (буддистское учение о Карме), в других — о райских вратах как вознаграждении за праведную жизнь (христианство, ислам). Но все же сама потребность в спасении — это некоторая психологическая реальность.

Сама эта потребность оказывается, по мнению Вебера, тем сильнее, чем более дифференцированы и структурированы социальные связи, ограничивающие жизнь человека и его сознание некоторым замкнутым пространством. В силу усложнения самой культуры и увеличения многообразия ценностей возникает напряженность, противоречие между повседневностью, которая как бы лишается смысла, фрагментарностью особых интересов, с одной стороны, и стремлением человека к неким высшим ценностям, благодаря которым жизнь его обретает смысл и наполняется всеобщим содержанием, с другой стороны. Это психологическое и культурное напряжение и составляет главное основание религиозного поиска, размышлений о смысле бытия, о судьбе человека, о греховности повседневных побуждений и потребности в спасении.

Это напряжение разрешается посредством формулирования определенной доктрины — суммы религиозных постулатов, главным из которых является постулат божественного определения смысла существования. Освящение бытия, повседневной жизни, поступков и деяний отдельных лиц — это то, что оказывается объединяющим моментом для всех религиозных доктрин и благодаря чему религия становится важной составляющей всей человеческой культуры.

Более конкретным основанием потребности в спасении выступает проблема несправедливости страдания: одна из общечеловеческих тем культуры. Почему одни счастливы на этой земле, а жизнь других проходит в страданиях? Почему страдает невинный ребенок? Почему люди не равны в распределении счастья и горя? Поиск ответа на этот вопрос порождает идею вечности, включая идею вечного бога и бессмертия, благодаря чему в конечном счете происходит «воздаяние», ибо, как гласит Евангелие, «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (от Марка, гл. X, 25). Религия, следовательно, по крайней мере в учении о греховности и воздаянии представляет собою ответ на уравнительную тенденцию, заложенную в общественной психологии.

Предлагаемые религиозными доктринами варианты спасения во всех случаях предполагают, что структура мира обладает определенной целостностью и смыслом. В нем есть определенный порядок вещей, хотя этот порядок и не создается ни отдельным человеком, ни сообществом людей. Он дан изначально и имеет сверхъестественное происхождение. Такова

суть религиозного рационализма, который имеет в своем основании идею смысла. Один из наиболее популярных священнослужителей православной церкви протоиерей Александр Мень писал: «Даже те, кто утверждает абсурдность мира, его бессмысленность и отчужденность человека от мира, делают это потому, что в человеке заложено противоположное понятие, понятие смысла. Тот, кто не знает, что такое смысл, не чувствует, никогда не поймет, что такое абсурд. Он никогда не возмутится против абсурда, никогда не восстанет против него, он будет с ним жить, как рыба в воде. И именно то, что человек восстает против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует».

Однако поскольку вопросы смысла существования, порядка вещей, греховности и воздаяния, потребности в спасении и т.д. основываются на весьма сложной системе аргументации, постольку само знание полемики вокруг этих вопросов становится особым специализированным занятием в рамках данной религиозной общины. Понимание того, что в обществе возникает и воспроизводится специальная группа людей, занимающаяся не только вопросами богословского порядка, но и поддерживающая соответствующие обычаи и ритуалы общения с высшим миром, и составляет основание социологического взгляда на религию.

Социолог не занимается богословской или философской дискуссией по поводу специфических религиозных вопросов. Он исходит из того, что такая дискуссия есть данность религиозной жизни. Его интересует именно группа священнослужителей — ее положение в обществе, ее представления о самой себе и о своей роли в обществе, ее дифференциация, ее не только духовные, но и сугубо мирские, в том числе и материальные интересы. Представление о том, что этой группе чужды мирские интересы так же нелепо, как и утверждение о том, что священнослужители — сплошь обманщики, эксплуатирующие невежество и непросвещенность массы.

Среди религиозных деятелей можно найти немало людей высоконравственного поведения, преданных своим идеалам и своей вере. Но эти примеры не опровергают того тезиса, что сословие в целом нуждается в материальных средствах для своего существования, что борьба политических и экономических интересов свойственна любой церковной организации.

Для анализа внутренних конфликтов религиозной и церковной жизни огромное значение имеют исследования в области истории христианства. В 1912 году немецкий историк Эрнест Трельч (1865-1923) опубликовал труд «Социальные учения христианских церквей». Главная задача этой работы состояла в том, чтобы ответить на вопрос: каковы были взаимоотношения церковных организаций и тех общественных структур, в рамках которых они действовали. Отношения между церковью и государством, например, не сводятся к известной формуле: «Кесарю — кесарево, а Богу — богово», хотя в ней и намечается как бы нравственная граница сфер влияния. Э. Трельч в своем исследовании пришел к выводу: история христианской церкви может быть понята как противоречивое взаимоотношение двух тенденций — компромисса с миром и в то же время — отрицания мира.

С одной стороны, существует линия приспособления к миру, а с другой — протеста против этого приспособления. Трельч рассматривает этот конфликт применительно к четырем сферам римского общества — семье, политике, экономике и обучению (философии). Во всех четырех направлениях он обнаруживает глубокий конфликт, выраженный в компромиссе: «брак допускается, но безбрачие рассматривается в качестве высшей ценности; существующие власти признаются законными, но в целом политическая власть для христианина является ценностью низшего порядка; труд и торговля воспринимаются как необходимые условия общественной жизни и благосостояния людей, но погоня за богатством оказывается весьма опасным делом для души христианина; рациональность и обучение принимаются, но весьма избирательным образом: лишь постольку, поскольку они не противоречат христианским убеждениям и ценностям».

Опираясь на эту работу, Макс Вебер решает весьма важную в методологическом плане задачу. Он конструирует идеальные типы религиозного отношения к миру. Его задача — показать теоретическую возможность конфликта или столкновения между собою различных

структур жизненных отношений или своего рода констелляций материальных и духовных интересов. В сфере чисто религиозного сознания Вебер конструирует два противоположных отношения к миру. В одном случае — аскетизм — уход от мира, неприятие его ценностей, отшельничество и мистицизм, соединяющийся с надеждой помочь миру, обращаясь к религиозному призванию, молитве, вере в спасительное начало религиозной идеи.

Другая линия конфликта, четко обозначающаяся в религиозном сознании, связана с напряженностью, возникающей между религиозным мирозерцанием и повседневностью. В этой связи Вебер указывает на одну из загадок Священного писания. Как толковать слова Евангелия: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его». И далее, еще сильнее: «Кто любит отца и мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 34-37).

Каким же образом проповедь христианской любви совмещается с этим евангельским *credo*, произносимым самим Иисусом Христом? Ответ Вебера состоит в том, что потребность в спасении и вере разрушает все остальные связи, как бы сильны они не были. Братство на основе веры сильнее отношений родства и семейных привязанностей. Только тот, кто поймет эту истину, может быть на самом деле верующим.

Разумеется, выделенное Вебером типологическое отношение между религией и мирской повседневностью в действительности не существует в чистом виде. Оно опосредовано массой конкретных обстоятельств и социальных институтов. Однако суть дела в том, что это отношение указывает на вполне возможную идеологизацию религиозного сознания, которая проявляется на самом деле в крайних формах религиозной жизни. С точки зрения социологии конфликта важно знать не только распространенность религиозной обрядности в массе населения, но и степень приверженности, меру фанатичности в исповедовании соответствующих доктрин.

Как правило, в своем официальном выражении все религии и церкви провозглашают идеалы терпимости. Другое дело — фанатические, экстремистские направления и группы, готовые ради доказательства своей приверженности религиозной доктрине определенного типа пойти на самосожжение и иные формы коллективного самоубийства. Ситуация абсурда, о которой упоминал А. Мень, погибший, по-видимому, от руки фанатиков веры или иных носителей абсурда, содействует появлению мессианских идей и настроений, которые могут оказаться весьма опасными в их практическом применении.

Поэтому для рациональной политики в делах возрождения религиозности и восстановления прав церкви очень важно соблюдать меру соотношения религиозного и светского компонентов массовом сознании. Определенные данные на этот счет были получены в исследовании 1992 года, то есть сразу после великой социальной реконструкции. В целом на прямой вопрос: являетесь ли вы верующим человеком? — 23,4% ответили утвердительно; 33,8% — избрали неопределенный ответ; 42,6% — ответили отрицательно.

Поскольку ожидания негативных последствий в связи с декларацией религиозных взглядов были устранены, постольку можно сказать с определенной долей уверенности, что полученные данные заслуживают доверия на тот период времени. Но сейчас они нуждаются в уточнении. Не лишены интереса и данные о распределении ответов на этот вопрос по регионам России.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. В чем состоит содержание Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809?
2. Что понимается под системой ценностей?
3. Какова основная функция системы ценностей в обществе?
4. Назовите классическую триаду ценностей, сформировавшихся в Древние времена.

5. Какие Новые ценности появились в XIX и XX вв.?
6. В чем заключается ценностный кризис в современном обществе?
7. В настоящее время в обществе происходит структурная интерпретация ценностей. Что это такое?
8. Чем является для социолога религия (по Н. Смелзеру)?
9. Что является важнейшим свойством большинства мировых религий (М. Веберу)?
10. Кто является автором труда «Социальные учения христианских церквей»?

Тема 8. Работа как социальная ценность и причина конфликтности

В 80-х годах прошлого века считалась очень востребованной книга немецких авторов В. Франк, К. Кранк, Г. Петер «Организационная политика государства в отношении труда и технологий». Актуальность труда этих исследований обусловлена тем обстоятельством, что они в основу социального недовольства поставили труд человека. Хотя эта идея совсем не нова и не они являются первооткрывателями социальных проблем в этой сфере. Но некоторые их рассуждения сохраняют свою актуальность в плане социологии конфликтности и в наше время.

Это связано с тем, что в современных условиях работа для чего является важнейшей социальной ценностью. Общество динамично развивается и рынок труда постоянно обновляется. Возникают вызовы, которым необходимо соответствовать как по квалификационным, так и по мотивационным характеристикам. Занятый человек, как правило, удовлетворен своим социальным статусом, но степень этой удовлетворенности колеблется. В этом отношении важно правильно понимать и сочетать возможности, способности и потребности не только отдельных работников, но, прежде всего, больших групп людей, занятых в производственной сфере.

Технологическое развитие производства является основой конкурентоспособности на рынках труда. Такое развитие является продолжением тех процессов, которые возникли в 70-х годах прошлого века, когда бурное развитие науки и техники оформилось в виде понятия «научно-технический прогресс».

Окончательно сформировавшееся отношение «труд-техника-прогресс» переживает и в настоящее время определенное напряжение. С введением новых технологий в производственной и общественной сферах происходят коренные изменения, смысл и целесообразность которых часто не оправдывают себя. В результате возникают в основном новые формы социального протеста, ставящие под сомнение выгоду, получаемую от введения определенных видов новой техники и историческую взаимосвязь между развитием технического прогресса и повышением уровня жизни. Они также указывают на существование объективных границ и опасности слишком стремительного научно-технического развития. Даже по поводу цифровизации сфер национальной экономики можно слышать требования «сбавить обороты».

Взаимосвязь технического и общественного развития породила множество разногласий и проблем:

- глубокое взаимопроникновение новых технологий; например, микроэлектроника распространилась на технологии рационализации в производстве, управлении и производительности труда;
- широкое распространение систем информации, коммуникации и контроля во всех сферах жизни;
- расширение производства и массовое введение новых технологий ставят под угрозу экологию;
- усовершенствование военных технологий приводит к наращиванию международной гонки вооружений.

Технологический прогресс приводит к пересмотру имеющихся концепций и идей в области государственной политики, предпринимательства, деятельности профсоюзов и науки.

Необходимо вовремя сформулировать цели и задачи на будущее, а также определить, предусмотреть и предотвратить те конфликтные ситуации, которые рано или поздно непременно появятся. Ориентирование на образ будущего в науке и политике не может быть автоматическим. Это, прежде всего, социальный процесс, неизбежно связанный с конфликтом. Много критических требований возникает в отношении профсоюзов.

Именно поэтому так актуально требование ученых рассматривать техническое развитие с точки зрения не только экономики, но и социологии. Начатая учеными дискуссия по проблемам социально ориентированной технологической политики, о новых формах тарифной и производственной политики профсоюзов, о социологии промышленности натолкнулась на сопротивление значительной части населения. Оказалось, что люди, «пострадавшие» в той или иной степени от НТР, готовы противостоять дальнейшему научно-техническому развитию, внедрению его результатов в жизнь, а также предполагаемой в будущем переориентировке науки и политики.

Выдвигались ранее и выдвигаются сейчас требования приспособить технологические достижения, применение техники к интересам трудящихся и социально-политическим целям. Для претворения этих требований в жизнь необходимо изменить форму оплаты труда, наладить апробацию моделей будущего развития и применения техники в расчете на человека. Одновременно необходимо согласовывать процессы создания, развития и изменения новых технологий, а также поддерживать внедрение социальных инноваций, которые требуются для принятия альтернативных технических и производственных решений.

В рамках политики труда большое значение приобретают государство (в качестве суживающего деньгами проводника норм), профсоюз (как организация работающих по найму и зависящих от нанимателя трудящихся), наука (позволяющая продолжить развитие научно-технического прогресса). Общественное значение труда не ограничивается только необходимостью материального обеспечения жизни. Одновременно труд является существенной составной частью и двигателем культурного развития человека. Политика здесь понимается как открытый, направленный на организацию общества процесс формирования, использования воли и контроль над этим процессом организации. Представление профсоюзных интересов осуществляется в рамках соответствующих (то есть, политически сформулированных и действующих в обществе) правил и норм. Одновременно под воздействием этих выражений интересов происходит изменение самих правил и норм.

Прежде всего, трудящиеся и их организации могут заняться дальнейшей разработкой социологических и государственно-политических концепций новых технологий. Профсоюзы должны принять участие в последующей переориентации государственной политики и научных исследований. При этом необходимо заметить, что профсоюзы не пользуются широкой поддержкой трудящихся в общественно-политической области. Таким образом, профсоюзы должны сформулировать и ввести в действие общие критерии условий и организации труда; разработать общие приемы в формы участия трудящихся в организации труда на производстве; ввести в действие и проконтролировать применение организационных критериев и форм участия, а также их последствия.

Основные тенденции развития техники и труда. Применение новых технологий в промышленности позволяет не только повысить производительность труда, но и обеспечить гибкость производственных структур. Одновременно происходит централизация власти, решений и контроля на общественном и производственном уровне.

Весь производственный опыт развития, апробации и применения новых технологий свидетельствует о том, что инициатива при создании и вводе новых технологий принадлежит исключительно предпринимателям. Сами трудящиеся, производственные советы и профсоюзы осознают необходимость подобных инноваций лишь спустя год-два после их внедрения. И только тогда поднимают вопрос об изменении оплаты, содержания труда, степени квалификации и т.д. Такое опоздание объясняется тем, что профсоюзы и производственные советы стоят на общественной позиции, мешающей им предусмотреть свою политику по

отношению к предпринимателю. Модель их поведения определяется, прежде всего, наличием опыта, который они с введением новых технологий приобрели еще раньше. Поэтому при согласовании целесообразности технологических и организационных изменений между трудящимися и профсоюзами нередко возникают конфликтные ситуации.

Проблема согласованности действий усугубляется также увеличением абстрактности процессов рационализации. Часто именно из-за отсутствия наглядных представлений производственные советы и рабочие-изобретатели не могут принять участие в процессах рационализации производства. Введенная централизация получения информации не позволяет им различать ни интеграцию процессов труда, ни вытекающие из нее новые формы интегрированного планирования и управления процессами производства. В результате упускается возможность принять участие в планировании и вводе новых технологий, а об изменениях, происшедших на производстве, становится известно только после их введения.

Однако ни инициатива предпринимателей в организации труда и техники, ни отсутствие согласованности при решении производственных проблем не препятствуют развитию предпринимательской организационной концепции. Наоборот, она становится более гибкой и быстрее реагирует на растущие требования, предъявляемые работниками к труду, чем традиционная концепция тейлоризма, которая через постоянно совершенствующуюся систему дифференциации стремится полностью выделить квалификационный труд из общего процесса производства.

Например, на предприятиях немецкой автомобильной промышленности особенно большое значение придается квалифицированному труду специалистов. Организация труда здесь строится таким образом, чтобы выделить и отделить их от остальных трудящихся, занятых менее квалифицированным трудом. С одной стороны, организационная концепция представляет собой альтернативу концепции тейлоризма. Она удовлетворяет требования рабочих-специалистов предоставить им более содержательный труд и найти достойное применение их квалификации. А с другой стороны, возникает опасность неправильной оценки этой концепции, преследующей цель раскола рабочего коллектива. Только основной костяк коллектива специалистов имеет шанс получить квалифицированную, интересную работу.

В то же время, подавляющее большинство рабочих в Германии не могут получить подобной работы или рискуют ее вообще потерять. Следствием технологических и организационных изменений являются дисквалификация большинства трудящихся и увеличение безработицы. Рабочий коллектив делится в результате на две части: на меньшинство квалифицированных специалистов, выигрывающее от рационализации производства и огромное большинство дисквалифицированных или безработных рабочих, проигрывающее от введения инноваций. Создается почва для возникновения конфликтной ситуации.

Воздействие результатов производственной рационализации на подавляющее неквалифицированное большинство трудящихся можно свести к следующим пунктам.

1. Увеличение взаимовлияния и стандартизации большинства трудовых задач приводит к сильнейшей интеграции ранее разобщенных составных частей трудового процесса. Организационная и техническая интеграция трудового процесса изменяет форму кооперации в процессе труда: они становятся более абстрактными и осуществляются только с помощью техники, теряя при этом персонификацию; одновременно сфера их действий в процессе труда сокращается, и не используются организационные возможности.

2. Контроль над производительностью часто ужесточается, одновременно изменяются его формы: личностные формы контроля над производительностью заменяются формальными и объективными формами. Часто место количественных занимают качественные цели производительности. Достижения в области микроэлектроники еще более усиливают эти тенденции в ходе дальнейшего развития интегрированного управления процессами труда и обработки показателей.

3. При увеличении рабочей нагрузки часто происходит сдвиг от физических к нервно-психическим нагрузкам. Результаты исследований, проведенные в металлоемких областях промышленности еще в 1983 году, показали в промышленно-технических областях, прежде всего, резкое увеличение темпа и монотонности труда, социальной изоляции и социального расслоения труда. На большинстве мелких и средних предприятий шумовые нагрузки во много раз превышают норму. Каждый второй рабочий вынужден был уйти на пенсию из-за профессиональной или трудовой непригодности. Средний возраст таких пенсионеров 55 лет.

4. 10% работающих теряли свою квалификацию в результате внедрения микроэлектроники и тонких технологий на производство.

5. Увеличивающееся применение микроэлектроники и тонких технологий до сих пор не привело тогда к улучшению условий труда, преодолению отчуждения или созданию нового типа труда с новым классовым сознанием и связанной с ним готовности к конфликтам.

Некоторые из этих экономических критериев развития и введения новых технологий на предприятиях актуальны были также для отдельных секторов, регионов и всей экономики в целом. Следствием этой политики является сегментирование рынков труда, появление различных групп трудящихся с различными условиями труда и отношением к труду, а также с различным уровнем квалификации (от специалиста до необученного работника, от работающих временно до работающих на дому и кончая безработными).

Одновременно увеличивалась поляризация уровня жизни граждан ФРГ. При этом безработица как общественная проблема (несмотря на 2,2 млн. безработных в 1984 году и ее неуклонный рост) стремительно вытеснялась из сферы интересов ученых. Однако все же увеличивается и становится очевидным различие между богатством и бедностью, между имеющими работу и безработными, между официальной рыночной экономикой и теневой экономикой, включая альтернативный сектор. В результате всего этого для профсоюзов складывалась ситуация, угрожающая их существованию.

Таким образом, увеличивающаяся в то время безработица (в первую очередь среди молодежи), регламентация условий труда (от гибкого графика рабочего времени до работы на дому), растущее влияние теневой экономики, альтернативное производство — все это привело к тому, что основная масса трудящихся не чувствовало над собой опеки профсоюзов.

С поляризацией условий труда, отношений к труду, уровня жизни, а также с углублением региональных и секторальных кризисов увеличивалась угроза разделения профсоюзов на фракции. Реальность этой угрозы демонстрировала, прежде всего, конкуренция, существующая между отдельными трудовыми коллективами, производственными советами или доверенными людьми различных предпринимателей. Все труднее становилось профсоюзам находить компромиссные решения разнообразных проблем и проводить гибкую политику, ориентированную на улучшение условий труда, увеличение занятости и доходов своих членов на различных предприятиях. Все отчетливее проступали границы традиционной политики профсоюзов, направленной на увеличение гарантий заработка и занятости, страхования от негативных последствий технических и организационных изменений, а также на создание приемлемых условий занятости и заработка в других отраслях и регионах. Многие из названных тенденций привели к ослаблению влияния профсоюзов. Профсоюзы для собственного спасения должны были расширять сферу своих действий, проводить в своих интересах новую политику охраны труда, открывающую перспективы для преодоления существующих проблем. Это необходимо было также для рабочих, ставших жертвами кризиса.

Кроме того, находясь в политической изоляции, рабочие теряли политическую, организационную ориентацию и возможность действовать. Это также важно для большей части молодежи, которая (даже если она имеет работу) часто по неопытности не видит политической альтернативы своему разочарованию в жизни и раздробленности. Во всяком случае, пути выхода из кризиса молодежь не расположена искать в профсоюзах.

В создавшейся ситуации все чаще возникали новые социальные движения и массовые организации (движения за мир, экологию; развитие альтернативного производства). Даже если

их организация, содержание и форма политического выражения были нестабильны, они все же были ярким проявлением и выражением общественного недовольства, своеобразным путем решения всех проблем. В существующих общественных движениях главную роль часто играют в основном молодежь, женщины и иностранные переселенцы. Однако все еще остается невыясненным их потенциал, и какое значение для общества имеют эти движения, идет ли здесь речь об особых движениях, которые служат, быть может, предвестниками основной волны социальных изменений. Ясно одно: новые общественные движения еще не желали подключиться к деятельности профсоюзов и социал-демократии. Вполне возможно, что новые социальные движения в какой-то мере восполнили бы недостатки рабочих движений и политики профсоюзов.

Недостаточно активное участие граждан в общественной жизни, экономические и политические кризисы 70-х годов привели к тому, что не были вовремя учтены важные общественные интересы в сфере энергетической, технологической, экономической и экологической политики.

Государственная политика по отношению к труду и технике. Вопрос о возможности политического влияния экономико-технического развития, требование разумно управлять направлением и скоростью технических и организационных изменений в сфере труда возникают только в том случае, когда социальные последствия этих изменений вызывают критику и протест в сознании ученых.

Постепенно государство начинает как бы «лихорадить» от выступлений ученых-специалистов и, в конце концов, оно должно каким-то образом отреагировать на проявленное недовольство.

В Германии историческую основу государственной политики по отношению к труду представляла собой политика социального страхования. Она исполняет и сейчас функции защиты и характеризуется точными расчетами, экономичностью и централизацией. Ее сильнейшая превентивная ориентация выражается, прежде всего, в политике рынка труда, профессионального образования и охраны труда. Еще больше укрепились ее позиции с принятием в 1973 году государственной программы гуманизации труда, которая должна была восполнить некоторые проблемы социальной политики, особенно в сфере охраны труда.

Классическая концепция охраны труда должна опираться на политику организации, программа которой рассчитана была на несколько лет вперед. Это выгодно и для государства, и для профсоюзов. А также становится актуальной задачей из-за растущего стремления предпринимателей провести рационализацию производства. Программа по созданию модели правовой организации труда демонстрирует реализацию альтернативных концепций организации и подчеркивает новые достижения в области научных исследований труда. При этом надо помнить, что любая модель носит экспериментальный характер, а управлять этим экспериментом способно не только государство, но и сами трудящиеся. При создании подобных моделей особое внимание должно уделяться квалификации и гарантии рабочих мест.

Программа гуманизации труда должна из социально-политического понятия превратиться в интегрированную часть технологической политики. Государственная политика вынуждена все же решать проблему перемещения технологической политики, ориентированной на труд, в образовавшееся между классической социальной и экономической политикой пространство, ее дальнейшего развития в промышленную политику. Для профсоюзов это служит сигналом начала преобразования их классической политики заработной платы и производительности труда в современную политику труда и представительства интересов.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. Кто является автором книги «Организационная политика государства в отношении труда и технологий»?
2. Взаимосвязь технического и общественного развития породила множество разногласий и проблем. Перечислите их.
3. В рамках политики труда большое значение приобретают следующие элементы:...
4. Назовите основные тенденции развития техники и труда.
5. Воздействие результатов производственной рационализации на подавляющее неквалифицированное большинство трудящихся можно свести к следующим пунктам. Каким?
6. Кто играет главную роль в существующих общественных движениях?
7. На что должна опираться классическая концепция охраны труда?
8. В чем смысл Программы гуманизации труда?

Тема 9. Конфликтность в контексте социального управления

Управление социальным конфликтом - это сознательная деятельность, обусловленная объективными законами, направленная на воздействие на динамику конфликта в интересах возникновения, развития или разрушения социальных отношений субъектов конфликта. Деятельность по управлению социальным конфликтом более эффективна, если она осуществляется на ранних этапах возникновения социальных противоречий, то есть имеет превентивный характер.

Управление появилось вместе с людьми. Там, где они объединялись, преследуя достижение какой-либо цели, обнаруживалась проблема координации их деятельности. Решение этой проблемы кто-то вынужден был брать на себя. Чтобы достичь цели, остальные, добровольно или по принуждению, передают часть своих индивидуальных свобод и, таким образом, позволяют направлять своё поведение. В результате последние становились подчинёнными, первый – руководителем, а между ними возникают отношения управления. Управление является необходимым элементом деятельности человека и отражает его потребность. Имеется в виду, что управление – это объективная потребность любой деятельности.

Управление – это вид деятельности человека, возникший в её структуре по мере её оформления в сознательную деятельность по производству необходимых человеку благ. Особенности этого вида деятельности являются предвидение, самоорганизация, контроль по плану действий, осознание потребностей. Сущность управления проявляется в том, что это специфический вид деятельности человека, который возник как потребность и необходимое условие достижения результата в индивидуальной и совместной деятельности. «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, писал К. Маркс, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере».

Содержание менеджмента, как вида деятельности, состоит в планировании, организации работы, координации действий во времени и пространстве, контроле и учёте участия работников в трудовом процессе.

Управление есть элемент, функция, внутренне присущая любому процессу труда. Оно как специфический вид общественной деятельности призвано определять цели функционирования производства в соответствии с присущими ему условиями и закономерностями развития, устанавливать согласованность, четкую взаимосвязь и взаимодействие между отдельными составными частями (звеньями, элементами) системы, обеспечивать планомерное ее развитие, организацию работы всей кооперации и каждого работника в ней, координацию действий во

времени и пространстве, то есть добиваться поставленных целей путем согласованных действий всех участников кооперации и соответствующей организации имеющихся ресурсов.

Эффективность общественного или совместного труда людей обеспечивается наличием управления как обязательного составного элемента совокупного труда, выполняющего особые функции в общем процессе производства. От реализации управления во многом зависят эффективность, результативность совместных действий. Производство в целом как система предполагает управление средствами труда и управление работниками.

Управление средствами труда, или, по выражению Ф. Энгельса, «управление вещами», — это процесс непосредственного воздействия человека на предмет труда с помощью средств труда в целях получения материальных благ и услуг, то есть само производство. При этом человек выступает как субъект управления, а средства труда — как его объект.

Согласование действий работников, управляющих средствами труда (вещами), объединенных в группы, коллективы, требует, в свою очередь, управления ими со стороны других работников, составляющих управленческий аппарат. Этот вид управления, как наиболее сложную область человеческой практики, Ф. Энгельс называл «управление людьми».

Между работниками, управляющими вещами, и работниками управления производством возникают определенные различия. Для работников, непосредственно занятых в процессе производства материальных благ, предметом труда являются сырьё и материалы, а воздействие они осуществляют непосредственно на исполнительные механизмы, машины в соответствии с решениями, полученными от управленческих работников. Результат их труда - готовая продукция предприятия. В условиях современного производства «управляющие вещами» одновременно выполняют и функции управления как владельцы средств собственности или представители собственника, работающие по найму.

Для управленческих работников процесс управления — непосредственная профессиональная обязанность. Здесь предметом труда служат информация, связи, отношения, то есть сам процесс воздействия на объект во всем его многообразии. Продуктом управления является упорядоченность системы, достигаемая решениями (приказами, распоряжениями, указаниями), принимаемыми на основе анализа информации и направленными на выполнение намеченных целей.

Современное управление есть управление людьми в процессе их труда в общественном производстве. Осуществляется оно людьми, которые устанавливают цель и разрабатывают программу поведения объекта управления, контролируют ход ее выполнения, вносят необходимые изменения с целью удержать производственный процесс в заданных программой границах или перевести его в новое состояние на основе познания присущих ему закономерностей. Эффективность управления определяется тем, насколько правильно понимается и на деле обеспечивается взаимодействие сознательной руководящей деятельности и объективных закономерностей развития общественного производства. Задача субъектов управления и состоит в том, чтобы, познав объективные законы, осознанно, в строгом соответствии с ними воздействовать на управляемый объект.

Управление является элементом организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических). Соответственно этим системам выделяются три основных вида управления: в живой природе, в неживой природе, в обществе (социальное управление). Каждый из этих видов имеет несколько разновидностей.

Наиболее сложным видом управления является социальное управление. Оно подразделяется на три группы: экономическое (хозяйственными организациями); социально-политическое (общественными организациями, государством и т.п.); духовной жизнью общества.

Категория управления определяется неоднозначно. В наиболее общем виде управление определяется как процесс воздействия на любую систему, обеспечивающий поддержание её в определённом состоянии или перевод в новое состояние в соответствии с присущими данной системе объективными законами и конкретными целями.

В социальных системах действует три вида управления: целевое управленческое воздействие; организационный порядок и самоорганизация.

Механизм целевого управленческого воздействия состоит из целеполагания и целеосуществления. Другими словами, цели должны быть осуществимыми, а вся деятельность должна полагаться постановкой целей. Суть же самого процесса управления состоит в достижении запланированного результата.

Единство целеполагания и целеосуществления – это основа эффективности социального управления. Поэтому целевое управляющее воздействие реализуется через два этапа деятельности по управлению: определение целей-заданий и разработка технологии их реализации.

Существуют два вида целевого управляющего воздействия, которые различаются главным образом источником такого воздействия.

Управление социальными объектами (организациями) может осуществляться извне, когда орган управления находится за рамками самих объектов. Подобное «внешнее», или централизованное управление позволяет достичь большой степени концентрации управленческой энергии. Его преимущества – в обзримости максимального числа звеньев системы и в едином целенаправленном воздействии на них, исходя из интересов целого. Его недостатки в ограниченности интеллектуального потенциала единого управляющего звена, в отрыве его от задач и интересов низовых звеньев, в отсутствии личной заинтересованности.

Но «внешнее» управление представляет собой лишь один из видов целевого управляющего воздействия. Другим является самоуправление.

Деятельность по управлению, как и всякий труд, нацелена на определенный результат и имеет свою продукцию. Продукты управленческого труда приобретают затем относительно самостоятельное существование. Продукция «прошлого» управленческого труда довольно разнородна. Она реализуется, например, в организационных отношениях, в частности в таких элементах этих отношений, как право, административный распорядок, режим и другие правила.

Продуктами управления являются связи: позиции, зависимости, структуры, а также такие объекты, как целевые группы, организации, социальные институты. «Прошлый» управленческий труд воплощается и в фактах сознания: целях, установках, знаниях, представлениях и т.д. Овеществляются они в материальных формах: документах, технических средствах. Речь идет о своеобразном явлении социального автоматизма. Последний обеспечивает известную стабильность коллективного взаимодействия и дает возможность экономии управляющей энергии: «работает» порядок, а не руководитель, правят законы, а не люди. Кроме того, в социальном контексте - организационный порядок, является важным элементом преодоления субъективизма в управлении, ограниченности интеллектуальных возможностей управляющего: сэкономленную управленческую энергию он может направить на дополнительное число объектов.

Примечательной особенностью организационного порядка следует также считать его принципиальную неполноту. Такие «полости» в рамках организационного порядка заполняют деятельность по управлению - «живой» управленческий труд.

Социальная самоорганизация проявляется в обществе на всех уровнях начиная с него самого и кончая малыми группами. Отличительные ее свойства – самопроизвольность, отсутствие единого организующего начала. Это не значит, конечно, что элемент субъективного; человеческая воля, план, цель здесь полностью исключены. Но они не выступают как сознательно образуемая общая основа процесса. При этом каждый преследует свою цель, но процесс, который в итоге возникает, оказывается самосовершенствующимся. То, что на уровне индивида есть целенаправленное поведение, на более широком уровне теряет субъективную целенаправленность и выступает как самоорганизация системы.

Итак, механизм социального управления не сводится лишь к целевому управляющему воздействию, но включает в себя организационный и процессы самоорганизации.

Категории «закон» и «закономерность» относятся к одной группе. Как и закон, закономерность устанавливает общие, существенные и необходимые связи между изучаемыми явлениями. В теории управления закономерность рассматривается как предварительная формулировка закона при его теоретическом осмыслении и исследовании.

Выявление и формулировка объективных закономерностей в теории управления возможны и необходимы. Это определяется как особенностями развития теории управления (от простого описания явлений к их объяснению и предвидению), так и практикой управления.

Закономерности составляют центральное звено общей теории управления. В отличие от эмпирического, научный подход основан на тщательном учете требований объективных закономерностей и тенденций развития управления. Познание закономерностей управления на основе теоретического анализа и практического опыта позволяет:

- проводить глубокий научный анализ системы управления, объективно оценивать ее состояние, что дает возможность совершенствовать не только существующую систему управления, но и перспективную;

- учесть фактор времени при совершенствовании управления и уровень развития управляемой системы;

- учесть субъективные факторы управления, отграничить их от объективных и установить наиболее рациональное соотношение науки и искусства управления;

- осуществить системный подход к управлению и его комплексному совершенствованию.

Выделяются четыре *основные закономерности управления*.

1. Единство системы управления означает устойчивость внутренних связей системы при изменении состояния внешней среды.

Единство социально-экономической системы — одна из важнейших ее характеристик. Оно отражает такие связи между элементами, которые сохраняют ее целостность в течение длительных периодов. Иными словами, это достаточная устойчивость внутренних связей системы при изменении состояния внешней среды.

В реальной практике наибольшее значение имеют следующие формы проявления этой закономерности:

- единство принципов управления для всех звеньев и ступеней системы;

- единство организационных форм системы управления, проявляющееся в необходимости унифицировать ее структурные характеристики, функциональное разделение управляющей подсистемы т.д. (согласованность организационных форм системы управления по различным ее ступеням и звеньям);

- единство основных функций управления, заключающееся в полноте функционального содержания управляющей подсистемы, тесной связи функций управления между собой;

- единство методов управления, используемых для решения различных проблем развития управляемой подсистемы, проявляющееся во взаимной согласованности различных методов;

- единство процесса управления, выражающееся в его непрерывности и ритмичности, согласованности всех операций, стадий, этапов;

- единство системы управления, отражающееся в единых требованиях к элементам системы управления.

Единство системы управления производством устанавливается не автоматически. Оно сознательно формируется, поддерживается и укрепляется. Нарушение единства системы управления может проявиться в потере объективно необходимой самостоятельности какого-либо производственного звена или, наоборот, в излишнем его обособлении. Поддержание единства системы управления имеет большое значение для совершенствования управления.

2. Пропорциональность системы управления. Пропорциональность как закономерность управления означает соблюдение определенных пропорций между управляющей и управляемой подсистемами, а также между различными элементами этих подсистем. Ее следует учитывать при формировании и совершенствовании управляющей подсистемы. Каждый

элемент управления должен быть способен решать свои функциональные задачи с тем, чтобы управляющая система в целом могла четко организовать работу управляемой системы.

Можно сделать вывод, что пропорциональность должна быть положена в основу функционирования всего объекта как системы.

3. Централизация и децентрализация управления. Оптимальное сочетание централизации и децентрализации управления означает необходимость распределения задач, функций и полномочий.

Следует помнить, что сумма прав в управлении — величина достаточно постоянная: сколько прибавилось полномочий на местах, столько убавилось у центра.

Централизованное управление представляет собой такое построение системы и такую организацию функционирования, при которых существует непрерывная, постоянно действующая и достаточно устойчивая подчиненность каждого звена субъекту управления. Оно выражается в требовании обязательной согласованности управленческих решений, содержание которых определяется едиными целями развития системы.

Централизованное управление не означает предельно жесткой регламентации деятельности каждого элемента системы. Полная централизация управления в социально-экономической системе в принципе невозможна. Определенная самостоятельность составляющих ее элементов обуславливается различными обстоятельствами их функционирования, всю совокупность которых невозможно учесть централизованно.

В системе управления каждое звено имеет свои условия функционирования, специфические интересы. Учитывать их можно лишь посредством предоставления права самостоятельного решения тех или иных проблем, то есть некоторой децентрализации.

Уровень централизации управления меняется в процессе развития производства, и такое изменение объективно обнаруживает тенденцию — закономерность управления. Согласно этой закономерности нельзя считать вообще плохим или хорошим как высокоцентрализованное, так и децентрализованное управление. Для каждого этапа развития производства должен быть свой, оптимальный уровень централизации.

Данная закономерность находит отражение в порядке распределения актов управления по иерархии системы управления и в изменении вариантов этого распределения по мере развития производства, его качественного реформирования. В формальном отношении это прежде всего распределение полномочий по вертикали системы и делегирование их в процессе управления.

Важно, на каком уровне иерархии принимается решение, для какого уровня оно предназначено, как далеки между собой уровни принятия и непосредственной реализации решений. Чем выше уровень, на котором принимается решение, и ниже ступень, для которой оно предназначено, тем выше уровень централизации производства.

4. Соотносительность и адекватность управляющей и управляемой систем. Под соотносительностью следует понимать соответствие управляющей системы управляемой.

Изменение соотносительности субъекта и объекта управления в социальных системах происходит под воздействием различных факторов. Важнейшими из них являются организационные и экономические. Они проявляются в увеличении стоимости управления. Эта тенденция имеет объективную основу. Она отражает процессы повышения технического уровня управления на базе использования дорогостоящей электронно-вычислительной техники и других технических средств. Стоимость управления повышается также за счет новых требований, предъявляемых современным производством. Требования эти определяются организационными и социальными условиями. Если сравнительно недавно управление могло осуществляться кадрами с высшим общетехническим образованием, то сегодня необходимы кадры со специальной подготовкой. Управление стало профессией, и этой профессии необходимо обучать, что, естественно, требует дополнительных затрат.

Рост стоимости управления обусловлен и новыми задачами, стоящими перед ним. Их решение требует подчас расширения состава специалистов. Например, на многих предприятиях

работают специалисты по организации управления, социологи, психологи, программисты и IT-специалисты.

Но темпы увеличения стоимости управления не должны быть чрезмерными. Соотношение стоимости управления и экономической емкости производства в целом должно стабилизироваться.

В практике нередки случаи, когда вложения в совершенствование управления неоправданно велики, не соответствуют реальным потребностям производства, отражающим уровень его развития. Случается и обратное, когда на предприятиях вложения в совершенствование управления недостаточны.

Изменение соотносительности управляющей и управляемой систем является закономерным процессом развития производства и определяется растущим уровнем его организационного, научно-технического и социально-психологического развития.

5. В настоящее время в менеджменте выделяют три четко различимых по своим методологическим основам концептуальных подхода: процессный; системный; ситуационный.

В процессном подходе менеджмент рассматривается как совокупность последовательно сменяющих друг друга действий, представляющих собой непрерывный процесс. Эти действия называют функциями управления. Под функциями управления понимаются специфические, обособленные виды деятельности, обладающие единством цели, характера выполняемых работ и операций, направленные на определенную часть управляемого объекта для достижения поставленной цели. При описании процесса управления выделяют пять основных групп функций управления: планирование; организация; регулирование (координация, руководство); мотивация; контроль (учет, анализ). Процесс управления является динамичным, циклическим комплексом, который в литературе по менеджменту называют циклом менеджмента (рис. 1).

Рис. 1. Цикл менеджмента

Планирование – это научно обоснованное установление темпов развития через систему количественных и качественных показателей. Планирование включает формулировку целей, намерений, определение общих направлений развития, составление планов.

Планирование является важнейшей функцией в системе менеджмента и важнейшим инструментом реализации целей организации. Теорией и практикой управления создана система планирования в организации, объединяющая централизованное планирование в масштабе всей организации, планирование по отраслям, подразделениям и видам деятельности. По продолжительности планового периода различают оперативное, тактическое и стратегическое планирование.

Планирование, как функция управления, строится на основе таких принципов, как научная обоснованность, комплексность, оптимальность, директивность и др.

Функция организации призвана обеспечить реализацию поставленных целей путем установления пропорций между элементами трудовой деятельности и порядка их взаимодействия. Функции организации обеспечивают заданное течение производственного процесса и выполнение всех функций в соответствии с программой. Функция организации управления строится на основе шести известных принципов организации: специализации; пропорциональности; параллельности; прямоочности; непрерывности; ритмичности.

Назначение функции регулирования состоит в обеспечении развития всех элементов производства в соответствии с планами и достижении согласования между различными частями управляемой системы путем установления наиболее рациональных внутренних и внешних

связей. Регулирование предполагает сравнение планов с реально достигнутыми и корректировку действий на основе принципов: оперативности; координирования; четкости; надежности.

Мотивация представляет собой комплекс условий или мотивов, оказывающих воздействие на поведение человека и направляющих его деятельность. Развитие мотивирования в теории и практике менеджмента в ретроспективе шло от предложения соответствующих денежных вознаграждений в обмен за прилагаемые усилия до осознания, что внутреннее побуждение к действиям является результатом сложной совокупности потребностей, которые постоянно меняются. Функция мотивации является важнейшей в руководстве людьми в организациях в демократическом обществе и строится на основе следующих принципов: сочетание личной и коллективной ответственности; дифференциации заработной платы в зависимости от сложности, ответственности и условий труда; достижение эффективности и справедливости; правомочности и др.

Функция контроля связана с непрерывным наблюдением, анализом, оценкой достижения поставленных целей и составлением на этой основе планов в следующем цикле управления. Сущность контроля проявляется в трех основных аспектах: установление параметров контроля; измерение и сравнение достигнутого с ожидаемыми результатами; корректировка отклонений от первоначального плана путем его пересмотра. К принципам контроля относятся: всесторонность; непрерывность; экономичность; ориентация на человеческий фактор.

Функции управления имеют три общих характеристики. *Во-первых*, они обладают единством цели. *Во-вторых*, они требуют принятия решений. *В-третьих*, для всех необходима информация и коммуникации. Вследствие того, что эти характеристики связывают все управленческие функции, обеспечивая их взаимозависимость, цели, принятие решений и коммуникации в научной литературе по менеджменту часто называют интеграционными процессами.

Цель представляет собой идеальный образ состояния управляемой системы. Этот образ формируется на основе интересов работников, которые отражают их общность и благодаря которым люди объединяют свою деятельность и получают возможность удовлетворения оставшихся интересов, не совпадающих с общими. Менеджер обобщает эти интересы и ставит их в основу управленческой деятельности. Если поставленная менеджером цель отражает совпадающие интересы всех или большей части работников, то цель является интегрирующим фактором, объединяет людей, заставляет их искать рациональные варианты осуществления совместной деятельности, позволяет получать одни результаты за другими, связанные общим направлением в движении к цели. Именно поэтому цель и является интегрирующим фактором.

Управленческие решения являются результатом труда работников управления. Под управленческим решением понимается социально-экономический акт деятельности управляющего органа, содержащий выбор желаемой цели в данной конкретной сфере хозяйственной деятельности, определяющий программу выполнения работ, устанавливающий методы, способы и условия достижения поставленной цели перед управляемым объектом. Для того, чтобы принять решение, руководителям приходится перебирать многочисленные комбинации потенциальных действий. Выбор одной из альтернативных возможностей в данное время и в данном месте — это решение. Следовательно, принятие решения — это выбор того, как и что планировать, организовывать, регулировать, мотивировать и контролировать. В самых общих чертах именно это составляет основное содержание деятельности руководителя.

Основным требованием для принятия эффективного объективного решения является наличие адекватной и достаточной информации. Единственным способом получения такой информации является коммуникация.

Коммуникация - это процесс обмена информацией, ее смысловым значением между двумя или более людьми. Прочность и качество отношений между людьми — будь это друзья, члены семьи или коллеги — в основном представляют собой функцию того, насколько четкими и честными являются их межличностные отношения. Поскольку организация представляет собой

структурированный тип отношений между людьми, она в значительной степени зависит от качества коммуникаций для обеспечения эффективного функционирования.

Очевидно, что если коммуникации между людьми не будут эффективными, если они не смогут договориться об общей цели, что составляет предпосылку существования организации как таковой. Информация в процессе коммуникации передается только для того, чтобы могли приниматься здравые решения, но также и для того, чтобы они могли выполняться. Планы, например, нельзя выполнить, если они не будут переданы тем людям, которые должны их выполнять. Обычно, если руководство может донести обоснование своих решений до подчиненных, это значительно повышает шансы их успешного выполнения. До тех пор, пока работники не понимают, какое вознаграждение может предложить им организация за хорошо выполненную работу, они не могут быть достаточно мотивированы и хорошо работать на не. Коммуникация также важна и в функции контроля.

Системный подход в управлении - это совокупность принципов, в соответствии с которыми строится вся деятельность менеджера и персонала управления. В системном подходе определяющим критерием оценки и выбора всех действий является понятие «система». Системный подход должен обнаруживать себя во всем: в распределении функций и полномочий, в построении информационной системы, в использовании технических средств, в разработке управленческих решений и т.д.

Основные принципы системного подхода заключаются в следующем:

1. Принцип оценки объекта управления как целостной совокупности различных видов деятельности человека, взаимосвязь между которыми определяет возможность достижения общего результата и поставленной цели. Деятельность человека является главным системообразующим фактором. Все разнообразие объектов управления сводится к одному понятию «социально-экономическая система». Такой системой являются предприятия, фирмы, корпорации, народное хозяйство и пр. Это означает, что в такой системе главная роль принадлежит человеку и ведущими связями являются экономические связи между людьми.

2. Связи в системе — это всегда связи противоречивости, которая может быть выражена прямо или косвенно, четко или расплывчато. Поэтому, если управление предназначено согласовывать деятельность людей, гармонизировать их поведение, то главной его задачей является разрешение противоречий, иначе, разрешение проблем. Необходим подход с позиций системного анализа к определению и оценке проблем управления, видение и понимание этих проблем в полной совокупности факторов и форм их проявления, в связях их между собой.

3. Принцип органичности (эффект целостности) заключается в том, что свойства любой системы зависят от свойств ее элементов, но при этом не определяются полностью этими свойствами. Свойства системы в целом не сводятся к свойствам ее элементов или сумме этих свойств. Система обладает собственными свойствами, не присущими ни одному из ее элементов. Это свойство очень заметно проявляется в таких понятиях, как эффективность и качество управления.

4. Принцип генетической определенности, который требует при решении любой проблемы в процессе управления подходить с позиций ее происхождения, природы, анализировать ее истоки и последствия.

5. Принцип пространственно-временного существования системы. Он не сводится к пониманию внешней среды, как нередко полагают. Все связи, и внутренние и внешние, все элементы существуют в определенных пространственно-временных отношениях, которые влияют на их существование, проявление и функционирование. Это протяженности связей и место элементов системы в этих протяженностях. Проанализируйте структуру системы управления транснациональными корпорациями, изучите динамику коммуникаций при росте и развитии фирмы — и вы получите практическое подтверждение важности этого принципа.

6. Принцип историчности или этапности, можно сказать, цикличности существования и развития системы. Этот принцип требует учета тенденций развития системы, предвидение подъемов и спадов в этом развитии, готовности к кризисным ситуациям и рискованным

решениям, определения особенностей современного этапа существования системы, и не как отделенного от общей тенденции варианта, а как связующего звена предыдущего и последующего этапов.

7. Принцип условности границ системы. Любая система имеет границу с внешней средой, но эта граница имеет условный характер. При этом целостность системы не исчезает. Просто она включается в другую систему, более высокого порядка или больших масштабов. Этот принцип можно назвать «принципом матрешки».

В управлении он проявляется в потребности управлять не только внутренними процессами функционирования системы, но, насколько это возможно, и внешними процессами. Именно в таком смысле говорят, что маркетинг — это управление процессами продвижения товаров на рынке. Конечно, внешнее и внутреннее управление различны и по методам управления, и по функциям, и по целям. Видеть их различие и связь — очень важная проблема в методологии практического управления.

8. Принцип разделения системообразующих и системоразрушающих факторов, их флуктуации, то есть взаимопереходов, взаимодействия. В функционировании и развитии любой системы объективно существуют и те, и другие факторы. Нельзя построить эффективное управление без соответствующей оценки и понимания этих факторов.

9. Принцип соотносительности. Его содержание заключается в том, что для любой системы необходимо определенное соотношение ее элементов и частей. Это соотношение может меняться, но в определенных пределах оно нормативно задано. В управлении большое значение имеют оценки социально-структурных соотношений, соотношений технических средств, видов информации, затрат времени и пр.

10. Принцип коммуникативности заключается в том, что объект управления — социально-экономическая система существует благодаря связям социально-информационного характера. Коммуникации между людьми в процессах их совместной деятельности определяют функционирование и развитие системы.

Принципы системного подхода должны занимать центральное место в методологии управления, служить связующим звеном методологии и организации управления.

Ситуационный подход. Традиционные школы управления пытались определить принципы, относящиеся к функциям управления. Этот комплекс теоретических знаний о том, как должны работать руководители, традиционно рассматривается как научный компонент управления. Применение этих принципов на практике традиционно рассматривалось как искусство, то есть как нечто, чего можно достичь только через опыт, методом проб и ошибок. Ситуационный подход внес большой вклад в теорию управления, используя возможности прямого приложения науки к конкретным ситуациям и условиям. Центральным моментом ситуационного подхода является ситуация, то есть конкретный набор обстоятельств, которые сильно влияют на организацию в данное конкретное время. Из-за того, что в центре внимания оказывается ситуация, ситуационный подход подчеркивает значимость «ситуационного мышления». Используя этот подход, руководители могут лучше понять, какие приемы будут в большей степени способствовать достижению целей организации в конкретной ситуации.

Ситуационный подход, разработанный в конце 60-х годов не считает, что концепции традиционной теории управления, бихевиористской школы и школы науки управления неверны. Системный подход, с которым ситуационный тесно связан, пытается интегрировать различные частичные подходы. Он также подчеркивает неразрывную взаимосвязь между управленческими функциями и не рассматривает их по отдельности.

Рассмотрение ситуации как важного явления не является чем-либо новым в управленческой теории. Идя намного впереди своего времени, Мери Паркер Фоллет еще в 20-е годы говорила о «законе ситуации». Она отмечала, что «различные ситуации требуют различных типов знаний», и что человек, обладающий знаниями применительно только к одной ситуации, стремится быть в хорошо управляемых деловых организациях, при прочих равных условиях, калифом на час. Два десятилетия спустя, в 1948 году, Ральф Стогдилл (университет

штата Огайо) провел исследование характерных качеств лидеров и также пришел к выводу, что именно ситуация по большей части определяет, какие черты и навыки нужны лидеру.

Однако, лишь в конце 60-х годов управление и смежные дисциплины социальные науки получили достаточное развитие, чтобы справиться с переменными, влияющим на организацию и на эффективность управления в различных ситуациях. Такая увязка очень важна для сравнения стилей управления в различных культурах. Например, хотя многие организации недавно предприняли попытку заимствовать японские методы управления, успех может зависеть от отбора лишь тех методов, которые соответствуют культуре людей, которыми управляют.

Как и системный, ситуационный подход не является простым набором предписываемых руководств, это скорее способ мышления об организационных проблемах и их решениях. В нем также сохранена концепция процесса управления, применимая ко всем организациям. Но ситуационный подход признает, что, хотя общий процесс одинаков, специфические приемы, которые должен использовать руководитель для эффективного достижения целей организации, могут значительно варьировать.

Например, все организации должны создавать структуры для того, чтобы добиться своих целей. Однако, существует множество различных способов построения организационных структур. Может быть создано много или мало уровней управления. Руководители среднего и низового звеньев могут получить большую долю участия в принятии решений, или наоборот — руководители высшего звена могут резервировать за собой право принимать самые ответственные решения. Если определенный род деятельности может логически соответствовать двум различным подразделениям, руководство должно решить, кто же из них будет конкретно заниматься этим. Например, научные исследования и разработки могут осуществляться под руководством вице-президента по маркетингу или по производству, но могут рассматриваться как важная самостоятельная функция с подчиненностью непосредственно президенту компании. Руководство должно определить, какая структура или прием управления наиболее подходит для данной ситуации. Более того, поскольку ситуация может меняться, руководство должно решать, как необходимо соответственно поменять организационную структуру, чтобы сохранить эффективность организации.

Ситуационный подход пытается увязать конкретные приемы и концепции с определенными конкретными ситуациями для того, чтобы достичь целей организации наиболее эффективно.

Ситуационный подход концентрируется на ситуационных различиях между организациями и внутри самих организаций. Он пытается определить, каковы значимые переменные ситуации и как они влияют на эффективность организации. Хотя ситуационный метод еще не был полностью обоснован исследованиями, недавние результаты указывают на то, что некоторые ситуационные переменные могут фактически быть вычленены.

Конкретный выбор переменных находит разную интерпретацию у разных авторов, но большинство из них сходятся во мнении, что существует не более десятка факторов, которые можем сгруппировать по двум основным классам внутренних и внешних переменных. Таким образом, ситуационный подход расширил практическое применение теории систем, отделив основные внутренние и внешние переменные, которые влияют на организацию.

Социальный кодекс в системе государственной поддержки населения Российской Федерации

Социальное управление основано на основных положениях правового регулирования социальных гарантий, действующих на территории России во исполнение конституционных принципов социального государства и анализе правоприменительной практики.

В настоящее время обсуждается вопрос создания социальных кодексов на территориях субъектов федерации и применение практики зарубежных стран для подготовки

обоснованности принятия Социального кодекса на региональном, а в перспективе и на федеральном уровне Российской Федерации в целях систематизации, а как следствия - упрощения для граждан Российской Федерации понимания и применения мер государственной поддержки.

В статье 7 Конституции Российская Федерация провозглашена социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Социальное государство должно выступать гарантом и защитником интересов, прав и свобод не какой-то одной социальной группы или нескольких групп населения, а всех членов общества. В связи с этим статья 39 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому гражданину социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потере кормильца и в иных случаях, установленных федеральным законом.

В развитие норм Конституции Российской Федерации были приняты федеральные законы, регулирующие отношения в вышеназванной сфере, законы субъектов Российской Федерации, а также большое число подзаконных актов, как на федеральном уровне, так и на региональном и местном уровнях. Все перечисленные виды нормативно-правовых актов можно объединить под общим понятием - «законодательство в сфере социального обеспечения».

Президент Российской Федерации В.В. Путин в мае 2018 года подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». С данного периода начали действовать основные цели для осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека.

В соответствии с принятым Указом Правительством страны были созданы национальные проекты (программы) по направлениям: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт.

Национальные проекты стали новациями в нашей стране, в основе мер – стимулирование экономических процессов, что в свою очередь способствует развитию потенциала роста национальной экономики, которая в свою очередь, является материальной базой для решения задач в социальной, политической, экологической, культурной и иных сферах.

В своем обращении в адрес Федерального Собрания Президент Владимир Путин в прошлом году отметил: «Человек, его настоящее и будущее – главный смысл и цель нашего развития. В основе деятельности государства лежит сбережение народа России и благополучие граждан. И решение этих задач – ключевой фактор прорывного развития». В настоящих реалиях нельзя не согласиться с этими словами, человеческий капитал остается незыблемым, а с помощью мер социальной поддержки совместно с мерами экономической политики можно развить и даже приумножить благополучие всего народа России.

Анализ практики создания и действия национальных проектов социальной направленности в зарубежных странах показал, что, например, Германия применяла подобные программы после объединения страны в 1990 году, когда основной задачей правительства стало создание условий для развития рыночной экономики в «новых», восточногерманских, землях. В ЮАР еще в 2012 году был запущен План национального развития до 2030 года, нацеленный на снижение бедности, неравенства, безработицы и укрепление продовольственной безопасности.

Национальные проекты — это отличная целевая направленность деятельности политики государства, определяющая прозрачности и плановость деятельности целой страны. Это точечная концентрация на важных аспектах, которые актуальны и необходимы для решения в

данный промежуток времени. В силу отсутствия системности в государственной политике любого государства, в том числе в сфере социального обеспечения граждан, не может упростить и качественно улучшить процесс восприятия и исполнения законодательства населением. В связи с этим возникает необходимость структурировать (кодифицировать) существующие нормы с применением системы на всех уровнях, как на федеральном, так и на региональном - создать социальный кодекс.

Основная цель социального кодекса – объединить в одном базисном нормативном акте правовые нормы, регулирующие отношения в сфере социального обеспечения граждан в целях удобства их восприятия и использования, устранение противоречий (коллизий) между различными законодательными актами в сфере социального обеспечения. Дополнительно создав социальный кодекс можно достичь и иных целей:

- обеспечение взаимосвязи с актами иных отраслей законодательства (гражданским, трудовым, бюджетным и др.);

- перевод максимально возможного числа норм права социального обеспечения из подзаконных в законодательные акты, тем самым отказаться от бланкетных норм и устранение декларативности в регулировании отношений по социальному обеспечению;

- упорядочение существующих видов социального обеспечения без установления новых видов социального обеспечения в целях избежание увеличения расходов на его финансирование из бюджетов всех уровней;

- трансформацию действующих социальных льгот в сфере социального обеспечения в денежные выплаты (пенсии, пособия, компенсации, субсидии, ссуды) и социальное обслуживание (социальные услуги и натуральную помощь);

- достижение максимальной прозрачности в предоставлении социального обеспечения;

- наполнение социального законодательства новыми содержательными нормами, необходимость которых назрела в правоприменительной практике.

Дискуссия о разработке и принятии на законодательном уровне Социального кодекса РФ продолжается еще с 2003 года, когда проект первого социального кодекса был инициирован международной ассоциацией «Сибирские соглашения». Далее в 2004 году Государственная Дума Российской Федерации рассмотрев законопроект № 14652-4 «О введении в действие Социального кодекса Российской Федерации» (инициатор Алтайский краевой Совет народных Депутатов) в первом чтении рекомендовала вернуть законопроект на доработку, аналогичные рекомендации были даны и для законопроекта № 13932-4 «Социальный кодекс Российской Федерации» (инициатор Законодательное собрание Красноярского края). Неоднократно, вопрос разработки законопроекта поднимался и в последующие годы, однако федеральные законодатели не поддерживали инициативы, в следствии этого на территории субъектов федерации были приняты законы, созданы социальные кодексы действующие на определенной территории:

Закон Белгородской области от 28.12.2004 г. № 165 «Социальный кодекс белгородской области»;

Закон Омской области от 04.07.2008 № 1061-ОЗ «Кодекс Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан»;

Закон Ярославской области от 19.12.2008 № 65-з «Социальный кодекс Ярославской области»;

Закон Санкт-Петербурга от 22.11.2011 № 728-132 «Социальный кодекс Санкт-Петербурга»;

Закон Волгоградской области от 31.12.2015 № 246-ОД «Социальный кодекс Волгоградской области»;

Закон Астраханской области № 85/2016-ОЗ от 22.12.2016 «О мерах социальной поддержки и социальной помощи отдельным категориям граждан в Астраханской области»;

Областной закон Ленинградской области от 17.11.2017 № 72-ОЗ «Социальный кодекс Ленинградской области».

Необходимо понимать, что подобный базисный для субъекта федерации нормативно-правовой акт имеет внутреннюю взаимосвязь, логически соединяя включенные в него положения. Немаловажную роль играет и наличие идеологии кодекса, которая требует от всех правовых норм соответствия единой концепции, общему духу, общей политике. Под влияние кодекса затем неизбежно попадают и те юридические нормы, которые в него не вошли. Законы и подзаконные акты, принимаемые во исполнение закрепленных в кодексе норм, регулирующие сферу применения кодекса, не должны противоречить кодексу и его духу.

Социальная сфера имеет для современного общества и государства основополагающее значение. Однако правовые нормы, регулирующие социальную сферу, до настоящего времени в нашей стране не структурированы и не объединены, существуют независимо друг от друга. Более того, зачастую о существовании некоторых положений не знают даже субъекты, которых они непосредственно касаются. Самой такой самостоятельной сферы — социальное право, как целостная система — в России объективно пока не существует, но реальные предпосылки к этому уже имеются.

Вместе с тем социальные обязательства современного государства должны не только неукоснительно исполняться, но и постоянно расширяться, становиться все более всеобъемлющими, получать свое всестороннее закрепление.

Создание единого Социального кодекса позволит собрать все специализированные правовые нормы в одном месте. Прежде всего общество получит возможность хотя бы представить размер социальной поддержки и ее количество. Граждане смогут понять, на какие льготы они имеют законное право, юристы смогут им в этом оперативно помочь и проконсультировать, а органы власти — оказать помощь своевременно и в полном объеме.

Понимание существующей системы социального права позволит законодателям и государственным органам системно увидеть: какие нормы не работают, выявить проблемы, оперативно и качественно их разрешить. Социальная политика — это мощнейший инструментальный взаимодействия власти и общества. Его можно и жизненно необходимо использовать.

Аналоги социального кодекса существуют и в зарубежных странах, так как развитые государства мира понимают насколько важны права человека на социальное обеспечение. Это закреплено в ряде международных правовых актов, в том числе ратифицированных на территории Российской Федерации. Одним из основных документов в этой сфере является Всеобщая декларация прав человека, закрепившая положение о том, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение». Данное положение нашло отражение и в других международных документах, например, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, участники которого «признают право каждого человека на социальное обеспечение, включая социальное страхование». Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека также установила право человека на «социальное обеспечение, включая социальное страхование по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, воспитания детей и в других случаях, установленных национальным законодательством».

Россия как страна-участница перечисленных выше международных соглашений, государство, провозгласившее себя социальным, должна реализовывать принятые социальные обязательства, совершенствовать и развивать законодательство, являющееся юридической основой гарантированности прав граждан на социальное обеспечение.

В существующей системе романо-германского права, принимается в странах Европы, реализация социального обеспечения проявилось в создании, разработке, принятии единых законов в этой области путем систематизации. Эти законы стали правовой основой при проведении реформаций пенсионной и страховой систем в периоды политико-социально-экономических изменений, выдержав при этом проверку временем.

Существующий массив нормативно-правовых актов находится в состоянии перманентного изменения, вследствие разнонаправленности социальной политики государства в те или иные периоды времени.

Вследствие этого возникает отсутствие концептуального подхода ко всей системе государственной социальной поддержки населения. Так, трудности правоприменения создают часто встречающееся изменение актов без одновременного утверждения новой редакции соответствующих разделов или статей, отмена или изменение ранее изданных актов без точного и исчерпывающего их перечня. Зачастую отсутствует необходимая согласованность и редакционная увязка между актами, издаваемыми по одному и тому же вопросу, что ведет к их взаимному противоречию.

Также к недостаткам существующей системы можно отнести обширный объем подзаконного нормотворчества вследствие наличия полномочий по регулированию возникающих в этой области вопросов органами исполнительной власти, что ведет к увеличению источников и усугублению негативной ситуации в части согласованности правовой регламентации. Что в следствии не способствует надлежащей реализации принципа законности в рассматриваемой сфере.

Актуальным для субъектов Российской Федерации в части полномочий по определению размера региональных социальных выплат и установлению определенных коэффициентов, в зависимости от финансовых возможностей субъекта – бюджетов, утвержденных на определенный период, данные полномочия имеют негативные последствия для лиц, получающих меры социальной поддержки. Неравенство мер поддержки в соседних регионах страны создают напряженность в обществе.

Наряду с указанными проблемами практического характера можно выделить теоретико-правовую проблему несоответствия системы законодательства сложившейся на данный момент системе права. Но в России существует такая отрасль права, как право социального обеспечения.

Перечисленные недостатки подтверждают актуальность вопроса о важности скорейшей систематизации российского законодательства в области социального обеспечения – создание Социального кодекса.

Социальный кодекс - это набор законов, правил и норм, которые регулируют отношения между людьми в обществе. Он может быть разработан на национальном, региональном или местном уровне.

Социальный кодекс может включать в себя различные аспекты жизни общества, такие как трудовые отношения, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т.д. Он может также включать нормы поведения в общественных местах, правила дорожного движения, правила обращения с животными и другие аспекты, которые влияют на жизнь людей.

Цель социального кодекса - обеспечить справедливость и защиту прав и интересов всех членов общества. Он помогает установить правила и процедуры, которые способствуют благополучию и процветанию всех граждан. Социальный кодекс также может помочь предотвратить конфликты и споры между людьми, а также улучшить качество жизни в целом.

Белгородский социальный кодекс был принят в 2005 году и включает в себя ряд мер социальной поддержки для жителей города.

Основные положения социального кодекса:

1. Бесплатное предоставление услуг по уходу за детьми-инвалидами и инвалидами с детства до 18 лет.
2. Предоставление социальных услуг по реабилитации детей-инвалидов с детства, инвалидов первой и второй группы.
3. Обеспечение доступа к медицинским услугам для всех слоев населения, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения.
4. Предоставление жилья для малоимущих и нуждающихся в жилье граждан.
5. Развитие системы образования и культуры, включая бесплатные кружки и секции.

6. Поддержка семей, имеющих детей, путем предоставления пособий на детей и субсидий на оплату коммунальных услуг.

7. Развитие инфраструктуры города, включая строительство новых жилых домов, дорог, парков и скверов.

8. Обеспечение безопасности на улицах города, включая установку камер видеонаблюдения и патрулирование полицией.

9. Поддержка малого и среднего бизнеса, включая налоговые льготы и субсидии на развитие бизнеса.

10. Развитие туризма и культурного наследия города, включая проведение фестивалей, выставок и других мероприятий.

В Белгородский социальный кодекс направлен на улучшение качества жизни жителей города и создание благоприятных условий для развития экономики и социальной сферы.

Социальный кодекс Воронежа - это документ, который определяет социальные права и гарантии, предоставляемые жителям города. Он был принят в 2012 году и является одним из первых в России, который устанавливает социальные стандарты для всех жителей города.

Социальный кодекс включает в себя такие разделы, как:

- право на образование: каждый житель Воронежа имеет право на бесплатное образование до высшего уровня. Также в кодексе определены условия для получения образования на иностранных языках;

- здравоохранение: все жители Воронежа имеют право на бесплатную медицинскую помощь и доступ к медицинским услугам. Также предусмотрены меры по улучшению качества медицинских услуг и развитию системы здравоохранения;

- жилье: каждый житель имеет право на получение жилья за счет государства или на льготных условиях. Также предусмотрены меры по поддержке семей с детьми и малоимущих граждан;

- социальная защита: в социальном кодексе определены меры по защите прав детей, инвалидов, пожилых людей и других категорий населения.

В целом, социальный кодекс Воронежа является важным документом, который обеспечивает социальную защиту и поддержку всем жителям города.

Социальный кодекс Курска - это документ, который определяет основные принципы социальной политики города. Он был принят в 2019 году и устанавливает права и обязанности граждан, а также меры социальной поддержки, которые предоставляются жителям города.

В соответствии с Социальным кодексом, жители Курска имеют право на бесплатное медицинское обслуживание, образование, жилье, социальную защиту и другие социальные услуги. Также они могут получать льготы и компенсации, например, на оплату коммунальных услуг, проезд в общественном транспорте, питание в школах и детских садах.

Кроме того, Социальный кодекс устанавливает порядок предоставления социальных услуг и мер социальной поддержки. Жители города могут обращаться в органы социальной защиты населения для получения помощи в решении различных проблем, таких как безработица, инвалидность, бедность и т.д.

Социальный кодекс является важным документом для жителей Курска, который определяет их права и обязанности в социальной сфере. Он помогает обеспечить социальную справедливость и защиту прав граждан.

Социальный кодекс Липецкой области - это документ, который определяет основные принципы и направления социальной политики региона. Он был принят в 2014 году и устанавливает права и обязанности граждан, организаций и органов власти в сфере социальной защиты населения.

В социальном кодексе Липецкой области определены такие основные направления, как:

- социальная поддержка граждан, нуждающихся в помощи: пенсионеров, инвалидов, детей-сирот, малоимущих семей и других категорий граждан, которые нуждаются в социальной защите;

- развитие системы здравоохранения: обеспечение доступности медицинской помощи, повышение качества медицинских услуг, развитие системы профилактики заболеваний и т.д.;
- образование и культура: поддержка образовательных учреждений, развитие культурной сферы, поддержка творческих коллективов и т.д.;
- поддержка семьи и детства: создание условий для развития семьи, поддержка материнства, отцовства и детства, защита прав детей и т.д.;
- обеспечение занятости населения: поддержка безработных, развитие системы профессионального образования и т.д.

Социальный кодекс Липецкой области является одним из документов, определяющих социальную политику региона и направленных на защиту прав и интересов граждан. Он позволяет обеспечить более справедливое распределение ресурсов и поддержку наиболее уязвимых слоев населения.

Социальный кодекс Омской области — это закон, который устанавливает социальные гарантии и льготы для жителей региона. Он был принят в 2004 году и с тех пор неоднократно дополнялся, и изменялся.

Социальный кодекс определяет права и обязанности граждан в отношении социального обеспечения, здравоохранения, образования, культуры, спорта, транспорта, жилья, социальной защиты и других сфер жизни.

В рамках социального кодекса жители Омской области имеют право на:

1. Социальную поддержку, включая пособия, субсидии и другие формы помощи.
2. Бесплатное медицинское обслуживание и лекарства.
3. Бесплатное образование.
4. Льготы на проезд в общественном транспорте.
5. Жилищные субсидии и льготы на оплату коммунальных услуг.
6. Помощь в трудоустройстве и профессиональном обучении.
7. Социальные услуги, такие как социальное обслуживание, реабилитация и уход за пожилыми людьми и инвалидами.
8. Участие в культурных мероприятиях и спортивных соревнованиях.
9. Помощь семьям с детьми, включая бесплатное питание, льготные путевки в детские лагеря и другие меры поддержки.

Согласно социальному кодексу, власти Омской области также обязаны предоставлять гражданам доступ к информации о социальных услугах и льготах, а также обеспечивать их доступность и качество.

Социальный кодекс Омской области является важным законодательным актом, который обеспечивает социальную защиту и поддержку населения региона.

Социальный кодекс Московской области - это закон, который определяет права и обязанности граждан в сфере социальной защиты населения. Он был принят в 2014 году и регулирует вопросы, связанные с выплатами пенсий, пособий, компенсаций, социальных льгот и других социальных выплат.

Согласно Социальному кодексу Московской области, граждане имеют право на получение различных социальных выплат, таких как пенсии, пособия на детей, компенсации на оплату жилья и коммунальных услуг, а также на другие социальные льготы. Кроме того, закон устанавливает порядок предоставления этих выплат и льгот, а также определяет условия их получения.

Социальный кодекс Московской области также предусматривает меры социальной поддержки для отдельных категорий граждан, таких как ветераны Великой Отечественной войны, инвалиды, многодетные семьи и другие. Для них предусмотрены дополнительные социальные выплаты и льготы.

Кроме того, Социальный кодекс Московской области устанавливает ответственность за нарушение прав граждан в социальной сфере, включая штрафы за несвоевременное предоставление социальных выплат и льгот.

Таким образом, Социальный кодекс Московской области является важным документом, который регулирует социальную защиту населения в регионе и обеспечивает защиту прав граждан на получение социальных выплат и льгот.

Социальный кодекс Смоленской области - это законодательный акт, который регулирует отношения между государством и населением в сфере социальной защиты населения.

Социальный кодекс определяет основные принципы и направления социальной политики в Смоленской области, а также устанавливает права и обязанности граждан в области социального обеспечения и социальной защиты.

В социальном кодексе Смоленской области определены основные меры социальной поддержки населения, такие как:

- пособия на детей;
- пенсии по старости, инвалидности и потере кормильца;
- льготы на оплату коммунальных услуг и транспорта;
- социальные выплаты на лечение и реабилитацию;
- субсидии на покупку жилья и оплату ипотечных кредитов;
- дополнительные выплаты в случае рождения ребенка, смерти близкого родственника или других чрезвычайных ситуаций.

Также в социальном кодексе определяются механизмы защиты прав и интересов граждан в области здравоохранения, образования, труда и занятости, культуры, спорта и туризма.

Социальный кодекс Смоленской области является важным документом, который определяет социальную политику региона и защищает права и интересы граждан.

Анализ этих документов свидетельствует об их направленности на реализацию социальных гарантий и обеспечений граждан. О каких-либо мерах социального контроля речи нет. Хотя это важнейший аспект профилактики социальной конфликтности.

По поводу действующих мер социального контроля можно привести **Социальный рейтинг Китая**.

Социальный рейтинг, или система социального доверия в Китае, — это автоматизированная система норм, правил и ограничений: законодательных, моральных, социокультурных, этических. Архитектура социального рейтинга опирается на китайское законодательство, нормативные акты, технологии и большие данные.

Исполнение предписанных правил китайские власти планируют поощрять, а нарушение — наказывать.

Что такое социальный рейтинг. Социальный рейтинг, или система социального доверия в Китае, - это автоматизированная система норм, правил и ограничений: законодательных, моральных, социокультурных, этических. Архитектура социального рейтинга опирается на китайское законодательство, нормативные акты, технологии и большие данные.

Исполнение предписанных правил китайские власти планируют поощрять, а нарушение - наказывать. С помощью такого инструмента Коммунистическая партия Китая стремится сформировать у граждан определенные паттерны поведения и самоцензуру. Это значит, что, в отличие от схожей западной системы скоринга, с помощью которого банки и другие финансовые организации оценивают кредитоспособность гражданина, китайская система распространяется на все сферы жизни общества.

Предпосылки и стратегическая цель. Китай - это регион с многочисленным, разнообразным по этносу и культурным особенностям населением, поэтому поиск универсального способа управления массами - задача, которая актуальна уже несколько тысяч лет. Сегодня уровень технологического развития страны позволяет использовать для этого результаты обработки большого количества данных и обеспечивать их обмен.

Активная разработка системы социального доверия началась примерно с 2013 года, хотя обсуждался этот проект и раньше. Стратегическая цель системы, помимо решения объективных общественных проблем (например, нравственного или криминального характера), - усилить

политический контроль над жителями Китая и повысить идеологическую устойчивость среди китайских руководителей. Но особенный спрос на разработку проекта возник на рубеже веков: тогда появились опасения, что по мере экономического развития КНР в китайском обществе может возникнуть запрос на политические свободы и демократизацию.

Как система работает сейчас. Первая публичная информация о пилотных проектах появилась в СМИ в 2014 году. Тогда система тестировалась в отдельных регионах, а к 2021 году эксперимент постепенно охватил около сотни китайских городов и уездов. При этом центральное правительство не выработало единые критерии формирования рейтинга и не определило, что считать однозначно позитивным поведением, а что негативным. Также в официальных документах не было установлено, в какой форме должен выражаться уровень социального рейтинга: в процентах, баллах или нечисловых показателях. Поэтому практическая реализация нововведений легла на плечи властей в каждом отдельном регионе в соответствии с финансовыми и демографическими возможностями. Это традиционный для Китая подход - реализовывать план, «исходя из местных условий».

По этой причине на некоторых территориях появлялись очень экзотические варианты: например, те, кто редко навещает родственников, могли получить статус неблагонадежных людей. При этом в доступных жителям страны источниках не было информации о том, какая частота считается одобряемой.

Но самым известным примером внедрения системы стал город Жунчен: дело в том, что гражданам здесь были буквально присвоены некоторые стартовые баллы. За одобряемые поступки баллы прибавлялись, и гражданин получал бонусы и выгоды: например, мог арендовать велосипед без залога, записаться к врачу без очереди. А вот у тех, кто не исполнял, например, финансовые обязательства, возникали сложности: вводился запрет на поездки на скоростных поездах, путешествия на самолете, заселение в дорогие отели, игры в гольф и так далее. Смысл таких санкций был в том, чтобы ограничить роскошную жизнь злостных неплательщиков.

В целом можно выделить пару общих правил, которые вводились почти в каждом регионе. Например, если человек задерживает отправление поезда или курит в самолете, его социальный рейтинг падает. Образцовыми же гражданами могли считаться те, кто регулярно участвует в политических культурно-массовых мероприятиях или общественной работе. Эти принципы были выработаны не системно, а «случайно» возникли как наиболее характерные нарушения и одобряемые действия в стране.

Аналогичная система в Китае действует и для юридических лиц: каждая компания, которая работает в Китае, оценивается по тем или иным характеристикам и имеет свой статус. Например, российская компания «Аэрофлот» считается благонадежной, а вот американские авиакомпании расположением не пользуются: на своих сайтах они выделяли Тайвань и Гонконг в качестве отдельных стран, а потому носят статус неблагонадежных компаний.

Что мешает распространить социальный рейтинг по всей стране. Предполагалось, что к 2020 году опыт пилотных проектов масштабируется на всю страну, но этот план реализован не был. В ноябре 2020 года правительство Китая сформулировало шесть проблем, которые важно решить перед внедрением социального рейтинга на всей территории КНР.

Первая проблема - сильная разрозненность в исполнении директивы провинциями и отсутствие централизованной унификации нововведений. Перед властями стоит задача определить, какие действия или бездействия жителя должны оцениваться системой.

Вторая проблема - отсутствие стандартов раскрытия приватной информации. Хотя традиционно считается, что китайское общество лояльно к использованию приватных данных, несколько инициатив уже получили резко отрицательную реакцию: например, в одном из городов мобильные операторы устанавливали вместо гудков предупреждение, что человек обладает низким социальным рейтингом, а в другом городе создали мобильное приложение, где указывалось местоположение «неблагонадежных» людей. В ответ на жалобы эти системы были

отключены, а центральное правительство решило, что в этом направлении нужно выработать стандарты и ввести регулирующие ограничения.

Еще одна задача - разработка критериев, по которым действие или бездействие человека будет считаться серьезным правонарушением. В документах зафиксировано, что все серьезные наказания - лишение авиабилетов или запрет на поступление детей в престижные школы - применяются к серьезным проступкам с большим общественным значением. Но какие проступки серьезные, а какие не слишком, пока неизвестно.

Также существует противоречие между работой системы социального доверия и китайским законодательством - Конституцией, уголовным и гражданским кодексом. Например, сейчас за одно и то же правонарушение человек получает и юридические санкции, и наказание в системе социального рейтинга, при этом вопросы соразмерности и объективности в последнем случае еще не отрегулированы. Предполагается, что в будущем все меры должны соответствовать законам и нормативно-правовым актам: принципу соразмерности наказания и принципу его единственности.

Пятый вопрос - восстановление репутации лиц, однажды причисленных к неблагонадежным, в том числе по ошибке. Один из известных в Китае примеров был таким: в 2017 году система не зафиксировала оплату штрафа гражданина и включила его в список неблагонадежных. Тот случайно узнал о низком рейтинге, когда столкнулся с транспортными ограничениями. Позже ему пришлось бороться с различными инстанциями, чтобы доказать свою невиновность и добиться исключения из черных списков.

Наконец, последняя задача - установить стандарты информационной безопасности и уберечь личные данные от утечек, торговли ими и мошеннических схем. Сейчас власти страны активно применяют жесткие меры и штрафы в отношении компаний, для того чтобы те упорядочили оборот личных данных. Однако ограничения касаются только участников рынка: в Китае юридически закреплено, что любые данные могут быть предоставлены государственным структурам, если они важны для национальной и государственной безопасности.

Что о проекте думают за пределами и внутри страны. Дискуссия о социальном рейтинге ведется в китайском обществе среди интеллигенции: ученые, профессура ведущих китайских вузов задаются вопросом, насколько он соответствует принципам прав человека даже с учетом китайских реалий.

Среди исследователей есть полярные точки зрения на этот вопрос. Некоторые считают, что механизм социального рейтинга стал серьезной «машиной», технологическим паноптикумом: за каждым жителем Китая будут непрерывно следить, его поведение будет полностью контролироваться. Но также есть мнение, что механизм все-таки направлен в основном на соблюдение китайского законодательства: ответственность за правонарушения, оплату штрафов и налогов.

Но в азиатских странах, в отличие от западных, на протяжении веков культивировалось преобладание коллективного интереса над индивидуальным. Поэтому можно сказать, что система социального рейтинга для Азии - явление идеологически не новое.

При этом важно понимать, что технические возможности, которые позволяют создать масштабную систему слежки, появились в прошедшем десятилетии во всем мире. Например, в Великобритании обсуждалась возможность использовать данные о здоровье людей (с фитнес-трекеров, по покупкам в аптеках), для того чтобы предоставлять льготы некоторым категориям жителей страны. Но на китайскую систему международное, а особенно западное общество реагирует однозначно негативно. Исследователи выделяют ее беспрецедентность и порицают тотальный контроль и ущемление прав и свобод.

В целом китайский опыт показывает, что проблему использования данных по праву можно считать проблемой десятилетия, а вопросы этики применения искусственного интеллекта и его взаимодействия с человеком - проблемой века. Мировому сообществу еще

предстоит гармонизировать правила использования больших данных и искусственного интеллекта и понять, какие системы допустимы, а какие нет.

Вопросы для самопроверки знаний:

1. Управление социальным конфликтом – это...
2. Что понимается под управлением?
3. Что такое управление средствами труда?
4. Что позволяет познание закономерностей управления на основе теоретического анализа и практического опыта?
5. Выделяются четыре основные закономерности управления. Назовите их.
6. В настоящее время в менеджменте выделяют три четко различимых по своим методологическим основам концептуальных подхода. Каких?
7. Основным требованием для принятия эффективного объективного решения является...
8. В чем заключаются основные принципы системного подхода?
9. Каково предназначение Социального кодекса в системе государственной поддержки населения Российской Федерации?
10. Что такое социальный рейтинг?

Заключение

Социология конфликтности и специальная социологическая дисциплина – социология конфликтов - изучают общественные структуры, властные отношения и идеологии, которые способствуют возникновению, развитию и воспроизведению конфликтов. Исследуя социальные аспекты конфликта, социология конфликта стремится пролить свет на его истоки, динамику и потенциальные решения.

Социология конфликта исследует природу социальных конфликтов, социальные механизмы и условия их возникновения, их роль в функционировании социальной системы, их следствия, возможности их преодоления и прогнозирования. Социология конфликта занимается структурой конфликта, вопросами типологии и классификации конфликтов.

Конфликты в социологии рассматриваются в контексте общественных отношений, что позволяет видеть реальную роль конфликтов в функционировании всего общественного организма и даёт возможность преодолевать одностороннее, узкое толкование конфликта как формы социальной патологии.

Конфликт охватывает все взаимоотношения с окружающей действительностью, это естественный элемент общественной жизни, закономерный момент развития общества. Понимание этого позволяет прогнозировать последствия его воздействия на общественную жизнь, а значит, создаёт необходимые предпосылки для принятия адекватных управленческих решений в сложных ситуациях.

Социология конфликта – это динамично развивающаяся специальная социологическая теория, пытающаяся осмыслить логику и природу социального конфликта, который является частью социального как совокупности общественных отношений общества, интегрированных в процессе совместной деятельности отдельными индивидами и группами. Социология конфликта называется также теорией конфликта.

Главная цель социологии конфликта – сформировать знания о социальных конфликтах, освоить методы изучения конфликтов с целью их предупреждения и поиска компромисса. Социология конфликтов учебная дисциплина играет важную роль в формировании знаний, навыков и компетенций в тех областях деятельности, которая связана с регулированием отношений индивидов, социальных групп, коллективов и общества в целом. Объектом социологии конфликта является социальный конфликт как особая форма взаимодействий социальных субъектов.

Социальный конфликт обусловлен, прежде всего, статусно-ролевыми позициями, которые занимают личности и социальные группы в обществе. В основе социального конфликта лежит неравномерное распределение политической власти, экономических, социальных, культурных благ в социуме.

Все это свидетельствует о том, что при освоении дисциплин по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью»: бакалавриат 42.03.01 и магистратура 42.04.01, а также 39.03.01 – Социология (бакалавриат), 39.04.01 – Социология (магистратура) и 42.03.02 – Журналистика (бакалавриат), 42.04.02 – Журналистика (магистратура) обучающиеся смогут получить знания по существу проблем социологии конфликтности. Это важно для того, чтобы эффективно выполнять профессиональную деятельность в условиях социальной напряженности.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: ПрогрессТрадиция, 2000. – 384 с.
2. Гаджиев К.С. Политическая социология: учебное пособие для вузов/К.С. Гаджиев. - М.: Изд-во Юрайт, 2024. - 208 с. - (Высшее образование). – ISBN 978-5-9916-9786-6. — Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/537027>
3. Головин Н.А. Современные социологические теории: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры/Н.А. Головин. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2024. - 501 с. - (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18001-5. — Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/534120>
4. Григорьев Н.Ю., Чвякин В.А. Социальная эффективность как проблема управленческой деятельности. Журн. Социально-гуманитарные знания. – 2020. - № 3. – С. 242 – 253.
5. Григорьев Н.Ю., Чвякин В.А. Социологический анализ проблем противодействия рискам и угрозам терроризма с учетом социальной эффективности//Журн. Социально-гуманитарные знания. – 2020. - № 6. – С. 210-223.
6. Дарендорф Р. Общество и свобода - <http://read.virmk.ru/d/Darendorf.htm>
7. Елисеев С.М. Политическая социология: учебник и практикум для вузов/С.М. Елисеев. - М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 411 с. - (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-01227-9. — Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/536529>
8. Емельянов С.М. Конфликтология: учебник и практикум для вузов/С.М. Емельянов. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 317 с - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-18839-4. — Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/551783>
9. Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология (базовый курс). - М.: Юридический институт МИИТа, 2011.
10. Зиммель Г. Конфликт современной культуры//Избранное. - В 2 т. - Т. 1. - М., 1996.
11. Козер Л.А. Функции социального конфликта. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. - 205 с.
12. Козырев Г.И. Основы конфликтологии: Учебник. - М.: ИНФРА-М, 2007.
13. Козырев Г.И. Политическая конфликтология: Учебное пособие. - М.: ИНФРА-М, 2008.
14. Коллинз Р. Четыре социологических традиции/Р. Коллинз; пер. Вадима Россмана. – М.: Территория будущего, 2009. – 320 с
15. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для вузов/С.А. Кравченко. - М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 272 с. - (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16508-1. — Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/531187>
16. Куконков П.И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта//Социальные конфликты. - М., 1995. - Вып. 9.
17. Лебедева М.М. Конфликты в современном мире/М.М. Лебедева//Мировая политика: учебник для вузов / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 186-206.
18. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. - СПб.: Речь, 2000.
19. Охотникова М.М. Социология согласия. - Тюмень: ТГУ, 2000.
20. Прошанов С.Л. Социология конфликта в России: История, теория, современность. - М.: Изд-во АКИ, 2008.
21. Пугачев В.П. Руководство персоналом: Практикум: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Аспект Пресс, 2006.
22. Рукавишников В.О. Социальная напряженность//Диалог, 1990. - № 8.
23. Светлов В.А. Аналитика конфликта: Учебное пособие. - СПб.: Росток, 2001.
24. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. - М.: Феникс, 1994.

25. Соломатина Е.Н. Социология конфликта: Учебное пособие. - М.: Академический проект, Альма Матер, 2011.
26. Соломатина Е.Н. Социология конфликта: учебное пособие для вузов/Е.Н. Соломатина. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 192 с. - (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-07729-2. — Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/536999>
27. Социология конфликтов и катастроф авт.-сост. В.Н. Ставский. - Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. – 88 с.
28. Ставский В.Н. Социология конфликта в системе гуманитарного знания/В.Н. Ставский//Романовские чтения – XI: сборник статей Международной научно-практической конференции; Могилев, 26–27 ноября 2015 г. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – С. 185-186.
29. Степанов Е.И. Современная конфликтология: Общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов: Учебное пособие. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
30. Тернер Дж. Структура современной социологической теории. - М.: Прогресс, 1985.
31. Фролов С.В. Социология: сотрудничество и конфликты: Учебное пособие. - М.: Логос, 1997.
32. Чвякин В.А., Козилова Л.В. Гендерный конфликт в образовательной среде//Педагогический журнал № 5 (октябрь), 2016. - С. 333-344.
33. Чвякин В.А., Григорьев Н.Ю. Социальная эффективность как проблема управленческой деятельности// Журн. Социально-гуманитарные знания. – 2020. - № 3. – С. 242 – 253. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32382
34. Черкасская Г.В. Управление конфликтами: учебник и практикум для вузов/Г.В. Черкасская, М.Л. Бадхен. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 249 с. - (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17041-2. — Текст: электронный//Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/532265>

Интернет-ресурсы

35. <http://www.socio.msu.ru> (электронная библиотека социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, журналы «Социология», «Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология»)
36. <http://www.kuznetsown.ru> (сайт кафедры социологии культуры, воспитания и безопасности социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)
37. <http://www.nir.ru/socio/scipubl/socis.htm> (журнал «Социологические исследования» (Социс)).
38. <http://www.fom.ru> (сайт Фонда общественного мнения) <http://wciom.ru> (сайт ВЦИОМ) <http://www.confstud.ru> (журнал «Конфликтология»)

СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТНОСТИ

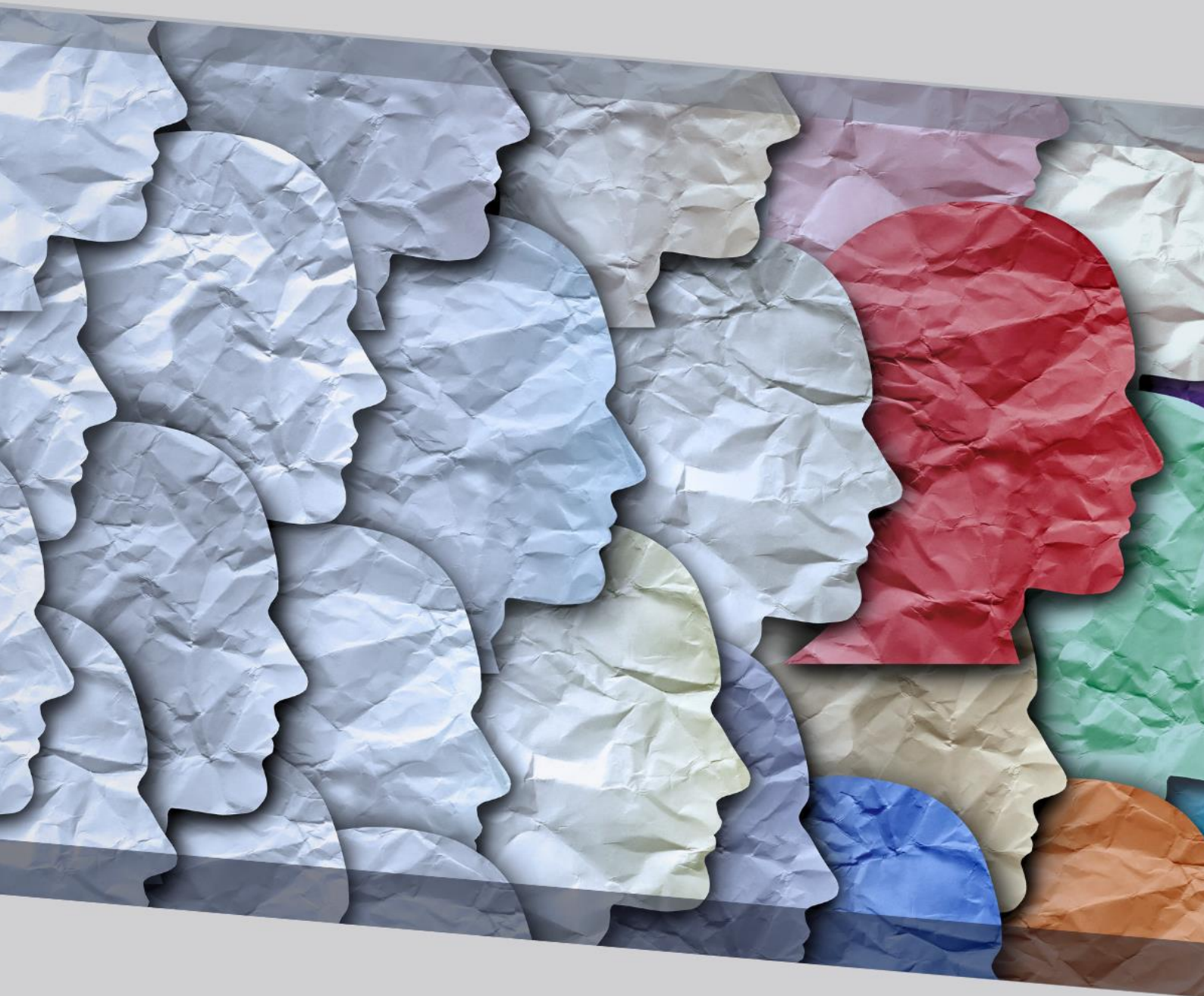
Н.Ю. Григорьев, Э.Б. Родюков

Учебник

Главный редактор: Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент, руководитель НОО «Профессиональная наука»

технический редактор: Канаева Ю.О.

ISBN 978-5-907607-76-7

Усл. печ. л 10.1
Объем издания 12.3 МВ
Оформление электронного издания:
НОО Профессиональная наука, mail@scipro.ru
Дата размещения: 25.07.2024 г.
URL: http://scipro.ru/conf/sociology_conflict7_24.pdf